

УРАЛЬСКИЙ 6 - 2002 429
следопыт

Пробить свой путь по бездорожью

О чём поёт Высоцкий

Крепость Чебаркуль –
мечта крепостных крестьян

Истоки современной навигации

**В скальном лабиринте
сибирских рек**



Картины Родины



город **Екатеринбург**

В наш век люди нуждаются в свободной природе гораздо больше, чем в искусственно организованной среде.

А потому открытка все больше становится знаком личного внимания, необходимой частью не только праздника, но и повседневного общения. Изящные и портативные, дешевые и доступные по содержанию, они не требуют от покупателя специальной подготовки и потому легко могут проникнуть туда, где нет ни лабораторий, ни музеев, ни университетов - выполняя роль наглядного пособия по географии, истории,

биологии, этнографии. Портреты исторических лиц, губернские города, знаменитые места России и Урала - все это может быть изображено на открытках. Их можно просто смотреть, листать. И в то же время - рядом текст, к которому можно обратиться.

Вышла очередная серия открыток «Картины Родины. Город Екатеринбург». Это хорошо знакомые жителям и в то же время являющиеся как бы в новом свете городские пейзажи. Каждая открытка - небольшое путешествие и приятная встреча с любимыми уголками родного города.



Фото В.И. Холостых

*Хочешь
двигаться -
ищи
попутчика!*

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт

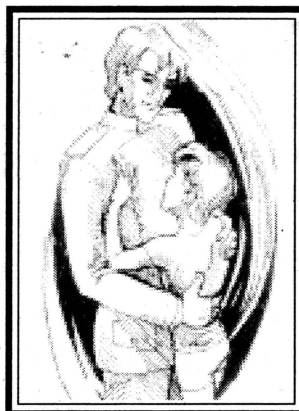


ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

6"2002

Владимир ВЕЙХМАН
Николай КОРЕПАНОВ
Вадим ТЕЛИЦЫН
Людмила ХЛЕБНИКОВА
Диана ЧЕТВЕРКИНА



**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-30

Елена НАВРОЦКАЯ
Сергей УСТЮГОВ
Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА
Валерий БУЛАНОВ
Юрий КАЗАРИН
Владимир СИБИРЕВ
Елена КОСТИНА
Венедикт СТАНЦЕВ
Валерий КАПЛЕНКО



АЭЛИТА

СТР. 31-64

Евгений ТАМПЛОН
Татьяна КРАФТ
Алексей АСАДУЛЛИН
Анатолий ПОНОМАРЕВ
Александр БОРОДИН
Татьяна ЛЫХИНА
Александр ЛЫХИН
Александр ПОЛЕЖАЕВ



**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 65-80



Литературный конкурс

«Большие надежды. Уральский следопыт.2002»

Конкурс «Большие надежды-2001» получил большой отклик; в связи с этим редакция журнала «УС» приняла решение сделать его **ежегодным**.

С 1 марта 2002 года начался литературный конкурс «**Большие надежды. Уральский следопыт.2002**».

Условия участия в конкурсе (от конкурсантов обязательно требуется):

1. Прислать в адрес редакции
 - заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
 - анкету участника (ФИО, адрес, возраст, учебное заведение);
 - копию подписного абонемента, (не менее 6 месяцев в 2002 г.) на журнал «**Уральский следопыт**»;
 - работы по любой из четырех номинаций (компьютерный набор или разборчивый почерк).
 2. Творческий подход и желание победить.
 3. Работы принимаются только от авторов не старше 18 лет.
- Работы, присланные без соблюдения условий конкурса, в конкурсном отборе не участвуют!!!**

Номинации:

- | | |
|-----------|-------------------------|
| 1. Сказка | 3. Поэзия |
| 2. Проза | 4. История, краеведение |

На конверте обязательно делать пометку «**Большие надежды. Уральский следопыт. 2002**».

Работы принимаются до 1 ноября 2002 года. Победителей ждут достойные призы, и не только...

Удачи вам!

*Наш адрес: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.
Тел.: (3432) 22-36-62, 22-45-01.*

РЕКА ВРЕМЕНИ



СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр.4
Владимир ВЕЙХМАН «Сомнерова линия».....	стр.5
Николай КОРЕПАНОВ «Чебаркульская крепость»	стр.11
Владимир Высоцкий, год 1968-й.....	стр.15
Вадим ТЕЛИЦЫН «...выжечь все заводские поселки»	стр.22
Людмила ХЛЕБНИКОВА «Страна Чусовая»	стр.26
Диана ЧЕТВЕРКИНА «Ледяная избушка и шашлык для президента»	стр.28



Лето «Больших надежд»

Лето 2002 года вступает в свои права — хоть и неуверенно, хоть и с оглядками то на холодную весну, а то и вовсе на зиму. Но календарное лето все-таки наступило. И спешим напомнить юным краоведам — идет второе лето «Больших надежд». Продолжается конкурс юных талантов, объявленный журналом «Уральский следопыт» по четырем номинациям. Четвертая — история и краеведение.

Где бы ты ни жил, наш юный читатель, где бы ни довелось тебе провести лето, — оглянись вокруг, и твой внимательный взгляд обнаружит уйму загадок, которые непременно оставляет нам наше прошлое — прошлое твоей семьи, твоих родных и знакомых, твоего города или села, улицы или дома. Все, тебя окружающее, хранит в себе еще неразгаданную тайну. Она лукаво смотрит на тебя и ждет ответного заинтересованного взгляда.

Ты, наверно, и не представляешь, как много может дать твоему любопытству старая семейная фотография, треугольник фронтального письма, забытая вещь, извлеченная на белый свет из бабушкиного сундука...

«Уральский следопыт» приглашает тебя к поиску и открывает для него свои ладони-страницы. Условия конкурса «Большие надежды» ты найдешь в любом свежем номере журнала.

Лето — время, когда сбываются большие надежды!

*Зав. отделом краеведения
Юний Горбунов*

ЕКАТЕРИНБУРГ. В библиотеке Главы города развернута выставка, посвященная нашей экспедиции — «Граница Европа-Азия». В картах, фотографиях, рисунках, схемах и их текстовом сопровождении здесь представлено практически все, что было «наработано» до начала экспедиции по интересующей нас теме. Мы знакомимся с высказываниями замечательных ученых и путешественников Д. И. Менделеева, Джорджа Кеннана, прозаическими и стихотворными строками Д. Мамина-Сибиряка, С. Щипачева, Л. Сорокина — все они (строки) посвящены необычной границе. Узнаем о спортивных и культурных традициях, родившихся и бытующих на горной «столбовой» дороге: лыжные гонки, туристические маршруты, фестиваль искусств... Но большая часть выставки — «портреты» 28 известных нам на сегодняшний день обелисков и краткие их характеристики. Выставка «Граница Европа-Азия» может служить надежным путеводителем и ориентиром для нашей заочной экспедиции. (Использованы и материалы архива «Уральского следопыта»).

МЕКСИКА. Следы растительной пыльцы, обнаруженной американскими учеными в земле недалеко от города Сан-Андрес, свидетельствуют о том, что древние фермеры выращивали похожее на кукурузу растение более 6 тысяч лет назад. По словам экспертов, эта находка — самое древнее свидетельство о земледельческих работах в Северной Америке. По мнению одного из участников экспедиции, Д. Джоунса, именно эти неизвестные нам культуры были предшественниками племени майя.

ИНДОНЕЗИЯ. Всего в трех часах езды от столицы Индонезии Джакарты в горах живет племя бадуйцев, почти полностью изолированное от цивилизации. Живут в легких бамбуковых домах на высоких сваях — они спасают от ливневых дождей и от любого вмешательства извне. Отшельники владеют искусством ухода за рисом, занимаются садоводством. Однако по древним предписаниям бадуйцам запрещено разводить животных. Жители питаются только растительной пищей. Далеко не каждому бадуйцу дозволено видеть скальные каменные статуи и гигантские террасы, с незапамятных времен высеченные в горах.

М. Медоева

Владимир ВЕЙХМАН, г. Ашкелон (Израиль)

Сомнерова линия



Секстан — инструмент нехитрый (В. Вейхман с девушками-курсантками).

От всей души желаю вам успешно развивать в себе эти качества.

Настанет пора, и вы выйдете в море. Пусть в бескрайних океанских просторах вам вспомнятся тихие воды родных прудов и озер, пусть штормовой ветер донесет запах смолы корабельных сосен, а в окулярах бинокля там, далеко за линией горизонта, почудится волнистый профиль гор седого Урала.

Счастливого плавания! Полный вперед!

Томас Сомнер

«Ученый моряк», — то ли с уважением, то ли с издевкой называли его бостонские шкиперы и судовладельцы. Еще бы, он был единственным из капитанов шхун и барков, приписанных к порту, который получил университетское образование. Но это не прибавило ему ни славы, ни богатства. Его скромный «Кэбот» совершал неторопливые рейсы из Соединенных Штатов в Старый свет и обратно, и в свои три десятка лет Томас Хаббарт Сомнер отличался от других капитанов разве только тем, что часами мог торчать на невысоком капитанском мостике с секстаном

Воспитанникам Кадетской морской школы города Сысерти посвящаю эту повесть.

Дорогие друзья!

Мне было приятно узнать, что в «сухопутном» уральском городе Сысерти работает школа, ученики которой хотят посвятить свою жизнь благородным и трудным морским профессиям. Служение морю — занятие для настоящих мужчин. Впрочем, и не только для мужчин; я горжусь тем, что диплом инженера-судоводителя мне вручала замечательная женщина, первой в мире поднявшаяся капитаном на ходовой мостик океанского судна, доцент Анна Ивановна Щеглинина. На море людей ведут разные дороги; моя дорога — от берегов вашей прекрасной реки Сысерти, где я в 1947 и 1948 году проходил лечение в областном детском легочно-туберкулезном санатории «Луч».

Вам, конечно, уже не раз говорили, что для успешной работы на море нужно иметь прочные знания математики, физики, отлично владеть иностранным языком (а лучше — знать несколько языков). Все это правильно. Но есть еще более нужные качества: умение быстро реагировать на изменения обстановки, обостренное чувство ответственности за свои действия, неизменная справедливость в отношениях с подчиненными.

Владимир Вейхман

в руках, выжидая, когда в просветах облаков покажется своевольное дневное светило.

Секстан, изобретение такого же, как он, скитальца-моряка Томаса Годфри из Филадельфии, был любимым, если не единственным другом Сомнера. Инструмент, казалось бы, куда как нехитрый: два зеркальца, одно — закрепленное на раме, а другое — на оси вращающейся линейки, прикрепленная к раме коротенькая зрительная труба, да винт для плавного перемещения линейки — вот и вся механика. Однако иной бывалый шкипер разве что ракушками не оброс, а секстаном ору-



Правильное удержание секстана в руках — подлинное искусство.

дует, как мушкетером — деревянным молотком, с помощью которого конопатят палубу.

А Томас в совершенстве постиг мастерство измерения высот небесных светил над видимым морским горизонтом. Прежде всего, нужно понадежнее укрепиться на зыбкой палубе: ноги на ширине плеч, не напрягать колени, переносить тяжесть своего тела с одной ноги на другую в такт качке так, как будто бы не судно раскачивает тебя, а ты раскачиваешь судно. Правильное удержание инструмента в руках — это тоже подлинное искусство. Четыре фунта веса секстана не должны приходиться на правую руку. Основная тяжесть — на указательный палец левой руки, своего рода подставку под инструмент. А правая рука, в которой удерживается рукоятка, должна одновременно выполнять тонкие и точные движения, покачивая изображение светила вокруг оси зрительной трубы.

У Томаса Сомнера были две любимые книги: Морской Альманах, содержащий таблицы координат небесных светил, и Практический Навигатор Натаниэла Боудича. Томас мог часами разглядывать колонки цифр, которые говорили ему не меньше, чем какой-нибудь авантюрный французский роман. Сопоставляя значения величин на соседних страницах Альманаха, он зримо представлял, как диск Солнца (обязательно с большой буквы!) день за днем перемещается по эклипике — назначенному природой большому кругу небесной сферы. Он почти физически ощущал крохотные перемещения звезд, вызванные явлением прецессии, открытым еще древнегречес-

ким астрономом Гиппархом, и нутации, обнаруженные столетие назад английским королевским астрономом Джеймсом Брэдли, тем самым, который просил королеву не увеличивать ему жалованье, дабы его должность не привлекала недостойных. Впрочем, он любил мысленно беседовать и с Гиппархом, и с Брэдли, как будто бы они вместе с ним несли вахту на мостике в бурном море.

В особенности хорошо Сомнер владел навыками вычислений по логарифмическим таблицам, в отличие от своих коллег-капитанов, которые не получили порядочного образования и для которых подобные вычисления были мучением похуже зубной боли. Такие капитаны из возможных способов опре-

деления места судна по небесным светилам выбирали простейший — по полуденной высоте Солнца, известный еще со времен того же Гиппарха. Этот способ позволял обойтись без логарифмических вычислений, но зато и возможности его были весьма ограничены: с его помощью можно было определить единственную координату — географическую широту места, то есть, в сущности, отстояние судна от земного экватора. Что же касается определения второй координаты — географической долготы, выражающей отстояние от начального меридиана, который проведен через Гринвичскую обсерваторию близ Лондона, то вместо этого при плавании через атлантический океан просто следили, когда же прямо по носу покажется берег. Конечно, при этом нередко проигрывали в пройденном расстоянии, зато не требовалось связываться с логарифмами, изобретенными, должно быть, самим дьяволом.

Томас, пожалуй, вряд ли помнил, кто изобрел способ определения географической долготы по небесным светилам. Способ этот был, с его точки зрения, не так уж и сложен. Конечно, кто-то механически выполнял эту работу, но Сомнер хорошо понимал, что способ основан на существующей математической взаимосвязи между географическими координатами — широтой и долготой — и измеренной высотой светила над горизонтом в данный момент времени.

Если широта известна, то можно вычислить долготу, при том, однако, условии, что светило находится на востоке или на западе,

более-менее недалеко от этих направлений.

Так бы, наверное, и оставался Томас Хаббарт Сомнер грамотным, но все же рядовым мореходом, если бы однажды в рейсе с ним не произошло малопримечательное, на первый взгляд, событие.

Оставив порт Чарлстон в Южной Каролине 25 ноября 1837 года, Сомнер повел свой «Кэбот» в Гринок, находящийся на западе Шотландии, вблизи Глазго. Попутный штормовой ветер мощно гнал судно на восток. Длинные полосы пены, срываемые ветром, плотно покрывали склоны волн. Туго обтянуты шкоты зарифленных парусов, и на руле надо быть особенно внимательным, чтобы не позволить бьющим в кормовой подзор валам развернуть судно лагом к волне.

После Азорских островов ветер зашел с юга, а мутно-серые облака плотно затянули все небо. Друг-секстан дремал в своем ящике из красного дерева, а его собрат-хронометр равнодушно отщелкивал половины секунд, раскачиваясь в кардановом подвесе, как матрос после вахты в подвесной койке. По расчетам, называемым у моряков «счислением» (в английском языке — «мертвые, то есть не подкрепляемые наблюдениями, вычисления»), где-то далеко по правому борту осталась Португалия; пройден и крайний западный мыс Европы — Финистерре, «конец Земли». Там же, справа, уже остался пользующийся дурной славой Бискайский залив, а в облаках ни одного просвета, и все тревожнее на душе у капитана: как, не зная точно своего местоположения, протискиваться между Великобританией и Ирландией? Измерение глубины ручным лотом показывало, что берег где-то близко, но если бы знать, где именно. Продвигаться дальше стало опасным, особенно в ночное время, когда приближающийся берег можно не увидеть.

А ветер, который зашел с юго-востока, как назло, усилился, вся поверхность моря покрылась слоем пены,

брызги перелетали через палубу, бушприт то и дело зарывался в воду.

Чтобы хотя бы удержаться на месте, Сомнер привел свое судно круто к ветру и, лавируя галсами, ожидал рассвета.

Наутро 17 декабря, поставив штормовые паруса, продолжил движение прежним курсом, внимательно вглядываясь вперед и на всякий случай достав секстан из ящика.

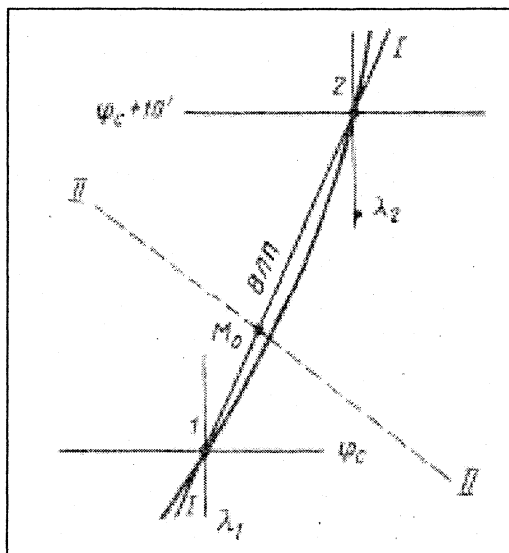
Погода вдруг как будто бы смиловилась. Было около десяти часов утра. В мчащихся над морем низких облаках образовался просвет, он, изменяя форму, быстро перемещался по небу, и в какое-то мгновение косые лучи солнечного света, как будто прочерченные по линейке на свинцово-сером фоне, упали на белые гребни. Большое светлое пятно на воде приближалось к «Кэботу». «Только не спрячься, только не спрячься», — взмолился капитан, обращаясь к Солнцу. «Есть!» — вслух закричал он, посадив край солнечного диска на линию видимого горизонта, и, считая в уме секунды, спустился в свою каюту, чтобы заметить момент по хронометру. Просвет в облаках тем временем закрылся.

Дальше все пошло как обычно, по давно выработанному стереотипу: исправление результата измерения известными поправками, выборка нужных величин из Морского Альманаха, расчет долготы по таблицам логарифмов, помещенным в Практическом Навигаторе Боудича. Вот широта, снятая с карты, а

вот и долгота; что же, живи и радуйся. Но никакой радости Томас не испытывал: «Я уже несколько суток не имел возможности определить широту места судна и, конечно, знаю ее со сколь угодно большой погрешностью. Вывод простой: долгота, рассчитанная по неверной широте, тоже не верна, а насколько — знать мне не дано. Ломаного пени не стоят мои наблюдения и расчеты».

Томас Сомнер, человек деятельный, недолго пребывал в мрачных раздумьях.

«Хорошо, — рассуждал он, — допустим, что



I-I — линия положения, построенная методом Сомнера.

в моей широте была большая ошибка, и на самом деле я нахожусь на десять морских миль севернее. Какое значение долготы получится, если ее рассчитать с этой широтой?»

Сказано — сделано. Не прошло и десяти минут, как новая точка была нанесена на навигационную карту.

«Ну и что же? — капитаном вновь овладели сомнения. — Мое предположение равным счетом ни на чем не основано. Я могу находиться еще ближе к опасности. Еще севернее, и долгота, должно быть, получится иная».

Томас повторил расчеты еще раз, используя значение широты, соответствующее смещению еще на десять миль к северу.

«Что-то в этом есть, — еще неуверенно соображал он, разглядывая карту с тремя нанесенными на нее точками. — Да, вот что: все три точки находятся, как будто бы, на одной прямой... А, впрочем, могло ли быть иначе?... Из дифференциальных соотношений, выведенных в сферической астрономии, следует... что?»

Томас приложил к полученным точкам край штурманской линейки и, продолжив проведенную через них линию, увидел, что она проходит через место маяка Смолс! Еще не успев облечь в слова озарившую его мысль, он все четко понял! «Сейчас, сейчас... Значит, так: в этих трех точках с произвольно принятыми мною значениями широты, а также в действительности на судне и на маяке Смолс в один и тот же момент высота Солнца была одинакова, как и в любой точке проведенной мною на карте прямой линии. Если теперь я приведу судно на курс, совпадающий с направлением этой линии, я должен выйти прямо на маяк».

Часа не прошло, как маяк Смолс открылся прямо по носу.

Марк Сент-Илер

Обычная суэта капитанских забот надолго захлестнула Сомнера. Прошло целых шесть лет до того дня, когда в Бостоне была опубликована его статья под названием «Новый и точный способ определения места судна в море по проекции на меркаторской карте». В ней Сомнер обстоятельно рассказал о своем открытии, суть которого заключалась в том, что точки, вычис-

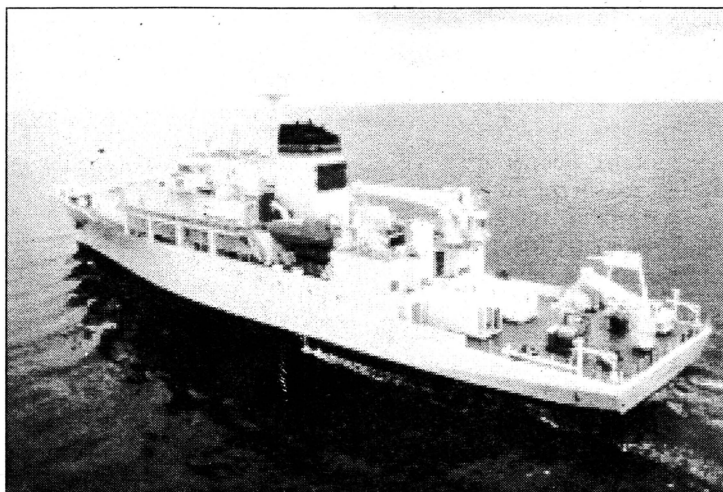
ленные по одной и той же высоте светила, но с разными значениями широты, лежат на одной прямой, названной автором «проектированной линией». Чтобы определить места судна в море, нужно получить не менее двух таких линий, в пересечении которых и находится искомое место.

Метод, предложенный Сомнером, пришелся по вкусу капитанам и штурманам и быстро распространился среди мореходов. Только вот название «проектированная линия» не прижилось: моряки всего мира говорили «линия Сомнера», «сомнерова линия положения».

Джек Лондон, большой любитель и знаток мореходной астрономии, по достоинству оценивал открытия Сомнера.

«Капитан Девенпорт приободрился в надежде на тихую погоду. — место корабля определим утром, — сказал он Мак-Кою, — хотя, на какой мы теперь долготе, для меня загадка. Но я думаю воспользоваться способом равных высот Сомнера. Вы знаете, что такое линия Сомнера? И он подробно объяснил Мак-Кою метод определения места по способу Сомнера. Утро выдалось ясное. С востока дул ровный пассат, и шхуна так же ровно бежала вперед со скоростью девяти узлов. Капитан и старший помощник определили местонахождение судна по способу Сомнера, цифры у обоих сошлись, и сделанные в полдень наблюдения лишь подтвердили правильность полученных утром данных». (Дж. Лондон. «Потомок Мак-Коя»).

А сам Сомнер не извлек никакой выгоды из своего открытия. Бедный Томас! Он закон-



Научно-исследовательское судно
«Капитан Томас Хаббард Сомнер» (США).

чил жизнь в психиатрической больнице.

В России сообщение о статье Т. Сомнера появилось в журнале «Морской Сборник» в январе 1849 года. А спустя два месяца в том же журнале была опубликована статья «Другой прием графического способа определения места на море», автором которой был М. А. Акимов, поручик корпуса флотских штурманов, работавший под руководством академика Кнорре, астронома штаба Черноморского флота. В статье предлагалось строить сомнерову линию способом, требующим несколько меньшего объема вычислений, что, конечно, было совсем неплохо. Только не стоит противопоставлять одного моряка другому. Ведь тогда, в XIX веке, астрономический способ определения местоположения судна был единственным, применимым в открытом море, и поэтому представляется вполне естественным, что многие моряки вносили свой вклад в развитие и совершенствование метода, впервые примененного Томасом Сомнером.

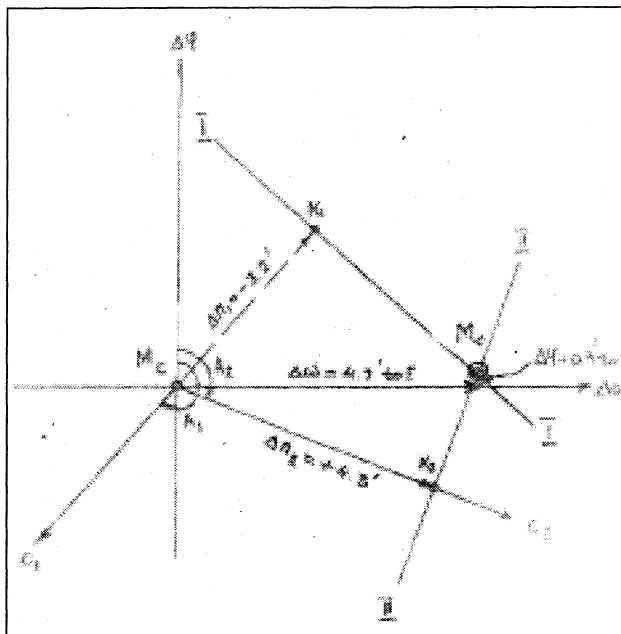
Датский моряк Палудан расширил область применения сомнеровых линий: он предложил строить такую линию, задаваясь не широтой, как Сомнер, а долготой двух точек, и рассчитывая широту каждой точки.

Англичанин Джонсон в 1863 году выпустил таблицы, с помощью которых упрощались расчеты по построению сомнеровской линии.

Последнее, решающее слово сказал в 1875 году французский адмирал Марк Сент-Илер. Его способ получения сомнеровой линии не только требует меньшего объема вычислительной работы, но он универсален — не зависит от того, по какому направлению находилось наблюдавшееся светило. С той поры появились многие десятки таблиц, предназначенных для вычисления элементов высотной линии положения — линии Сомнера — и ее прокладки по методу Сент-Илера.

Владимир Каврайский

Владимир Владимирович Каврайский, профессор военно-морской академии, хоть и получил к шестидесятилетию звание инженер-контр-адмирала, но в дальних плаваниях никогда не бывал. Вследствие этого он похорошему завидовал своим коллегам по академии Николаю Александровичу Сакеллари, Борису Павловичу Хлюстину, Николаю Николаевичу Матусевичу, за плечами каждого из которых была не одна тысяча миль и участие в громких морских сражениях начала века.



Определение места судна методом Сент-Илера.

Правда, в начале Великой Отечественной Каврайский был назначен военным комендантом Пулковской обсерватории, где он руководил астрономической практикой слушателей гидрографического факультета академии. Ему, как и положено, выдали пистолет с двумя обоймами патронов и предложили разработать план обороны обсерватории на случай прорыва немцев. Проект плана составил и принес профессору на подпись лейтенант Дима Брюханов, который тут же и попросил: «Владимир Владимирович, отдайте-ка мне Ваш пистолет, я его надежно спрячу, а то ведь и пораниться нечаянно можете. А за несение караульной службы не беспокойтесь, мы все обеспечим, занимайтесь своими научными трудами». «Да, да», — несколько смущенно пробормотал Каврайский, поочередно открывая ящики письменного стола и шаря под бумагами, чтобы найти запропастившийся куда-то пистолет.

Владимир Каврайский, выпускник Харьковского университета, отличался широтой научных интересов. Он зарекомендовал себя блестящим специалистом в области практической астрономии, геодезии, картографии, оптики. Его добротный, зрелый труд «Графическое решение астрономических задач» был опубликован в 1913 году, когда Каврайский был еще студентом, и предложенная им в этой работе сетка для изображения сферы

на плоскости многие годы включалась в практические руководства под названием «Планисфера Каврайского». В 20-30-е годы, когда интенсивно осваивалась Арктика, он разработал способ совместного определения широты и долготы, предназначенный для использования в высоких северных широтах, — способ Каврайского. Фундаментальные труды Каврайского по математической картографии считаются классическими; таблицы для решения задач картографии, разработанные им, воспроизведены во многих изданиях, а несколько разработанных им картографических проекций получили его имя. Ленинградский университет считал своей честью то, что Владимир Владимирович в 1948 году, еще за два года до ухода в отставку из военно-морских сил, начал читать лекции студентам на кафедре картографии.

Удивительно, что профессор, казалось бы, кабинетный ученый, создал два прибора, предназначенных для сугубо практического использования на судах и кораблях: пеленгатор Каврайского и наклонмер Каврайского. Именно за них он получил в 1952 году Сталинскую премию.

Но была у профессора Каврайского еще одна область научных интересов, в которой он трудился почти тридцать лет, начиная с 1920 года. Познакомившись с методом Сомнера, предназначенным для обработки морских астрономических наблюдений, он увидел в нем куда большие возможности, чем до того времени считалось. Прежде всего, он заметил, что небольшой отрезок кривой линии, отвечающей равным значениям величины, определяющей место судна, можно заменить прямой — линией положения, подобной сомнеровой линии. Это позволило свести теорию определения местоположения судна в море с использованием линий, отвечающих самым разнообразным измеренным величинам — направлениям, углам, расстояниям, глубинам под килем или высотам светил над горизонтом, к единообразным операциям исключительно с прямыми линиями, проведение которых описывается наиболее простыми математическими выражениями. Что так важно для планирования и анализа определения.

В минуты усталости Владимир Владимирович откидывался на спинку стула и закрывал глаза. Перед ним, как живые, вставали картины далекого украинского детства: утоптаный шлях, по которому он спешит за отцом, а справа и слева, сколько видит глаз, простирается бескрайнее поле пшеницы. Под несильным ветром зеленовато-золотые вол-



Профессор В. В. Каврайский.

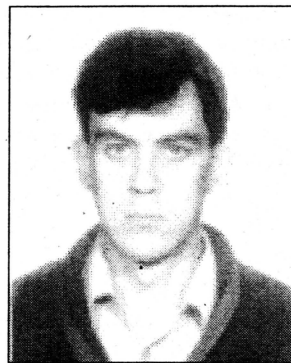
ны одна за другой неровными полосами бегут от горизонта к горизонту, и, кажется, что в мире нет ничего, кроме этого всеохватывающего поля, да бесконечного голубого неба над ним с редкими островками облаков и приветливым, как масляничный блин, геометрически ровным кругом солнца. «О, поле, поле!..» — накладывалась на эту благостную картину тревожная мелодия Глинки. И тут же сознание механически отчеканивало: «Перед нами поле пшеницы, равномерно распределенной на плоскости, во всех точках которого градиент кучности посева равен нулю...»

«Тьфу ты, сгинь, сгинь, наваждение!» — возвращался к действительности исследователь Каврайский. Он впервые применил математическую теорию поля к способам навигационных определений и оценке их точности, используя заимствованное из нее понятие градиента. Работы Владимира Владимировича Каврайского обеспечили превращение разрозненных сведений в стройную систему, простирающуюся от одинокой линии Сомнера к эпохе автоматизированных компьютерных систем, еще неизвестных при жизни профессора.

(Окончание следует).

Николай КОРЕПАНОВ

Чебаркульская крепость



Бог его знает, откуда он взялся. До его шестидесяти лет никто о нем ничего не слышал.

А в феврале 1729 года заявился прямо в Верховный Тайный Совет, назвался крестьянином Крутихинской слободы Тобольской губернии и бил челом. Достал из дорожной сумы и разложил на столе карту, старательно нарисованную каким-то грамотным односельчанином, и тыкал пальцем: вот — Русь, вот — Башкирь, вот туточки неминусемо нужна крепость. На берегу озера Чебаркуль.

Семнадцать лет назад угасла очередная «башкирская война», уже третья, но угли продолжали глеть, и каждый год грозили вновь жарко полыхнуть. Ежегодно на порубежные уральские и зауральские слободы случались набеги. Башкиры уводили скот, а иногда и людей, а однажды разорили и сожгли дотла медный рудник. Словом, что-то надо было делать, а этот, крутихинский, уверял, что и делать ничего не надо — крестьяне сами все уладят своими силами и еще дадут в казну ежегодного оброку пятьдесят рублей. Или сколько велят. Уже нашлись-де охочие люди в его родной Крутихинской и в ближних к ней слободах, согласные переселиться семьями на Чебаркуль и выстроить там крепость. Готовы жить рыбною ловлей, и хлебопашеством, и рудным сыском, с башкирами не воевать, но честные вести торги.

Ему поверили. То ли умел убедительно говорить, то ли крепость в порубежном месте показалась верховникам делом вполне естественным. Или произвело на них впечатление, что сумел мужик без подорожной, тайно добраться до Петербурга и войти в правительственные двери.

Так или иначе, от правителей страны крестьянам уральских и зауральских порубеж-

ных слобод передано было письменное обещание, что тобольский губернатор получит вскорости требуемый указ. Им оставалось лишь ожидать того указа, готовиться к новой жизни и записываться в списки охочих людей.

Так оно было по словам крутихинского пришельца.

Он показывал всем привезенное из столицы обещание, и заимел несколько ярых сочувственников, согласных пройтись по окрестным слободам, и в конце концов к нему в списки записались сотни три семей семи слобод — Барневской, Калиновской, Камышловской, Киргинской, Красномысской, Масленской и родной Крутихинской и двух монастырей — Верхотурского и Далматовского. Дабы не спугнуть удачу или ради иной какой причины, ни воевод, ни заводских управителей, ни архимандритов в известность не ставили.

Подписавшиеся идти за ним крестьяне звали его Таушкан, по-старотатарски «заяц». А в данном ему указе Верховного Тайного Совета названо было его настоящее имя: Степан Ильин сын Кузнецов.

Назад тому почти полвека дед его Иван Кузнец ушел из Архангельского города, уводя от хлебной скудости сноху и внука, и явился в только что рожденную Крутихинскую слободу на Урале — ей требовались жители. Сам он в зрелые годы поселился в деревне Таушкановой той слободы — отсюда и прозвище. А мечта его о вольной жизни утвердилась, когда начались разговоры о ящом казачьем городке Сакмаре, или же сам он побывал в тех местах, земли на юге и озеро Чебаркуль видел своими глазами. Впрочем, крестьянству всегда было свойственно мечтать о вольных городах и терпеливо ждать, когда дозволено будет пойти за мечтою.

Но в тот раз они ничего не дождались. Верховный Тайный Совет был разогнан в марте 1730 года за попытку ограничить самодержавие Анны Иоанновны. А родную Крутихинскую слободу приписали к заводам, и теперь уже требовался столичный указ не в Тобольск, а в Екатеринбург.

И вот в январе 1732-го Степан Ильич Кузнецов, прозванием Таушкан, приписной с недавних пор крестьянин, уложил в еуму старую карту, новую челобитную на имя новой императрицы и списки охочих людей: «Выбрали мы и излюбили из своей братьи человека доброго и правдивого...» И понес в Сенат.

Мечта его и увлеченных им людей готова была, казалось, своим жаром запалить бумагу, в которой значилось: «Имеется в России в Сибирской губернии озеро Чебаркуль под камнем Уралом. И близ онога Камня вокруг жительство имеют с восточной и полуденной стороны татара, они ж называются и башкирцы. А колико число их, о том я и мои братья не известны. Токмо что живут они весьма непорядочно и русских жителей разоряют и отъезжают для согласия в калмыки и в Казачью Орду*... А города и крепости на вышеозначенном порубежном месте в близости не имеется. А мы, нижайшие, на тех пустых местах желаем расселиться, и построим на помянутом месте сами собою город или крепость строением деревянным, и при том построим же Вашего императорского величества приказные палаты. И прочее построим все сами собою. А как оная слобода и крепость строиться будет, то тогда в том камне-Урале можно будет способнее приискывать руды медные и серебряные, для того что в том камне-Урале, может быть, что оные и есть, и нечто тогда и обыщутся. А оным башкирцам к той крепости, также и в прииске руд быть послушным и чинить от Казачьей Орды всякое вспоможение. А те татара-башкирцы ныне имеются под ведением Уфимска-города. И тем бы татарам-башкирцам милостивым указом повелено было под ведением того б новопостроенного города или крепости быть. И во всем бы они нам помогали...» Сам бог ему помогал, что ли, но дошел он до Москвы, и теперь уже сенатские двери распахнулись перед ним, и он разложил на столе рисованную по крестьянскому разумению карту, и наплел что-то новым прави-

телям, и унес собою копию указа, писанного в мае 1733-го: «Указ самодержицы из Правительствующего Сената... Челобитную Степана Кузнецова с товарищи... господину губернатору рассмотреть немедленно... с генерал-лейтенантом Генниным». За подписью обер-секретаря, на имя сибирского губернатора.

Первый, у кого сдали нервы, был десятник деревни Таушкановой. Слишком уж нереальным казалось все происходившее. И по его извету вернувшегося в июле ходока допросили в земской конторе: верно ли, что затеял он строить город и подговорил за себя сенаторов, и отчего обратился не по команде в Екатеринбург? Ходок невнятно объяснил, что к генералу Геннину в Екатеринбург не обращался по бывшей тогда болезни своей, а на прочее предъявил мирские подписки за себя и копию подлинного сенатского указа. Его отпустили от греха, взяв, однако, поручительство о невыезде. И тотчас же ходок двинул по слободам за новыми сторонниками, показывая мирским сходкам сенатский указ и ловя человек на Чебаркуль уже сотнями.

Вторым заподозрил нечто мирской староста одной зауральской слободы. При его содействии ходатай предстал перед воеводой в Шадринске, а затем и перед самим губернатором в Тобольске. И имел с ним беседу. А в ноябре прислал письмо в деревню Таушканову: «Сожительнице моей Матрене Ивановне от мужа твоего Стефана Ильича с любовью поклон. И детям же моим Михаилу, Трофиму и Григорью Стефановичам мир и благословение. И дочери моей Анне Стефановне, и невесткам моим благословение. И всем тамошним моим сродникам ближним и приятелям по великому челобитью доношу, что я в городе Тобольску в добром здравии, понеже есть ко мне милость Божия. И ея величества указ состоялся — повелено город строить нашими силами».

...Если бы он решил придумать новую религию, ему бы удалось. Еще у таких получается создавать новые государства или разрушать старые. Но он был неграмотный крестьянин и выбрал себе целью жизни построить Чебаркульскую крепость для себя, своей семьи и иных добрых людей. И трижды добился на то разрешения. И для трех сотен записавшихся крестьянских семей Чебаркульская крепость стала светом жизни, альфой и омегой. Она снилась им по ночам. И они верили, что

* Казахстан

человек по прозвищу Таушкан пришел к ним от Всевышнего.

Словом, все это начинало кое-что напоминать, и пришло время вмешаться власти. Генерал Геннин в Екатеринбурге получил письмо от архимандрита Далматовского монастыря Сильвестра, недовольного тем, что монастырские крестьяне организованно готовятся в побег, бросая недостроенной монастырскую каменную ограду: «Учинив как к обители, так и к нам великое непокорство — по Таушканову прельщению».

А если для губернатора главная забота — свою губернию в беспокойные годы уберечь от набегов и от всякого прочего, а еще чтобы указы сверху не проглядеть, хотя бы и принесенные в крестьянской суме, то для главного заводского начальника нет иной заботы кроме заводского своего дела. И если побегут приписные крестьяне, то это нож в сердце заводскому начальнику, и уже совсем будет иной указ сверху.

В декабре 1733 года генерал Геннин отписал губернатору: «И ежели оный плут пойман, прошу уведомить. И всемерно надлежит предостерегать и от того отвращать, чтоб тот плут кроме здешних приписных также и вашего ведения крестьян к побегу не смугил. А о здешних мы сами будем предостерегать».

Степана Кузнецова немедля арестовали в Тобольске. Арестовали сыновей его в деревне Таушкановой. По торопливым доносам слободских и сельских старост и сотников начались аресты самых ярких уговорщиков за Чебаркульскую крепость. Под плетями в земских конторах они сознавались во всех грехах, а один попутно раскрыл хорошую железную залежь, что и его, и внуков его при иных обстоятельствах прокормила бы и возвысила. Собственно, тем тогда все и кончилось. Крестьян созывали по слободским и сельским церквям и зачитывали указ из Екатеринбурга: ежели кто побежит и в том побеге пойман будет, то оные безо всякого милосердия наказаны будут кнутом, а земским управителям наведываться явно и тайно, нет ли у кого намерения послушаться, и публично наказывать особых энтузиастов.

Убоявшись мирной крестьянской затеи Чебаркульской крепости, власти взамен предложили героические будни придуманной статским советником Иваном Кириловым Оренбургской экспедиции.

Старая история: правители диктуют свою

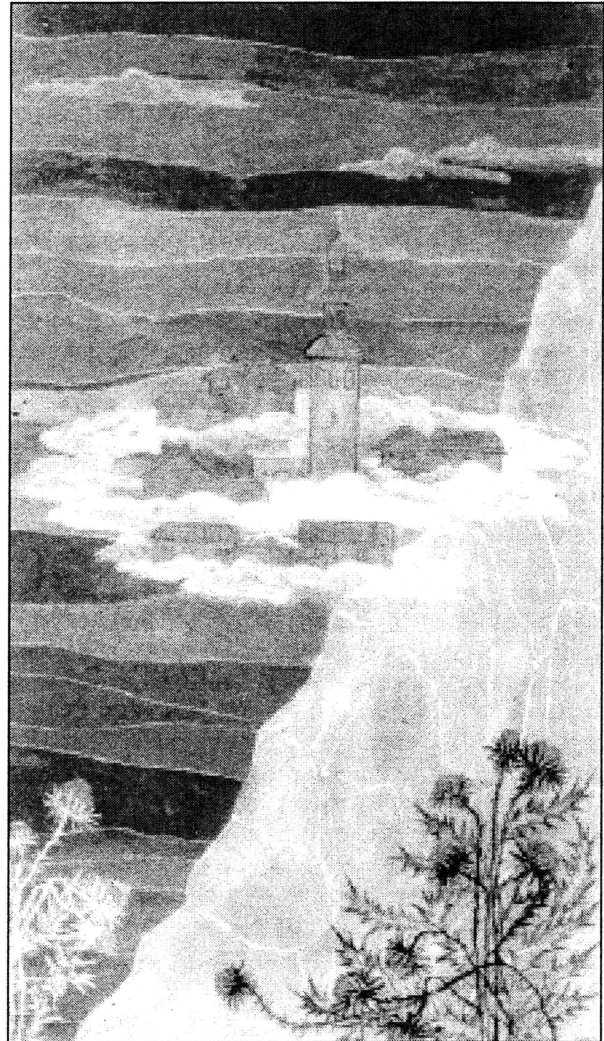


Рис. Юлии Калиниченко
(Из книги *Человек пришел на Урал*, Екатеринбург, 1998)

волю, а не содействуют естественному ходу событий. В результате возникает четвертая башкирская война — восстание 1735-1740 годов.

Пошли на юг драгунские и казачьи команды, силой возводя по пути новые крепости, и встал трижды основанный, оцетинившийся пушками против всего окружающего мира город Оренбург, и на уральских заводах начали десятками лить колокола в «новокрещенные жилища» для обращенных башкир, и сказочно богатели купцы на поставках вина, табака и провианта в марширующие команды и на торговле трофейными верблюдами и лошадьми, и армейские офицеры и заводские управите-

ли получали в подарок по несколько крещеных башкирок и башкирят, и юркие черноволосые всадники в кольчугах принялись в ответ разорять и жечь русские деревни, и угонять, резать скот и людей. «Злый их вождь Кусюмов сын батырь Акай в великом собрании в сорока тысячах пошел за господином Иваном Кирилловичем. И где начинается строится город Орский, того башкирцы дать не хотят, за что готовы все головы свои положить. Понеже то место, где хотят строить Орскую крепость, их, башкирцев, издревле».

И тогда вспомнили о Таушкане.

Статскому советнику Ивану Кирилову, командиру Оренбургской экспедиции, кто-то нашептал об одном любопытном узнике Тобольской тюрьмы. Может-де он пригодиться. И в мае 1735 года Кирилов извещал действительного статского советника Татищева, незадолго до войны сменившего в Екатеринбурге генерала Геннина: «По требованию моему прислан в Экспедицию Крутихинской слободы крестьянин Степан Ильин сын Кузнецов не для исполнения затейного его намерения к постройке города беглецами, но для наказания других мест, о которых он знает. А берется он до Ори-реки».

Весной 1736 года Татищев возглавил Комиссию Башкирских дел, а о Таушкане он уж и сам знал — тот, указавши путь на Орь, возвращен был в целости в Тобольскую тюрьму.

Его опять выдернули из камеры, и к 15 апреля 1736 года доставили под конвоем в Екатеринбург пред очи заводских начальников и зачитали указ Татищева: «Показать сколько у тебя к поселению у Чебаркуля-озера вольных записалось. А когда им тамо селиться допущено будет, то тебе с товарищи у Чебаркуля поселиться не меньше ста дворов и палисадами укрепиться». И еще в двух местах от того поблизости. И опять он отправился по слободам, более чем когда-либо веря в свое предназначение. И встречавшие его крестьяне сильнее, чем прежде, или же вообще впервые в жизни, начинали верить, что все возможно в этом мире. За два месяца идти за Таушканом записалось 1 134 человека (не считая женщин) — из двадцати слобод и пяти монастырей.

Но время уже было иное, и шло все не так, как могло бы идти года два назад — до войны или даже вместо войны.

Теперь все было проще.

Геодезист Иван Шишков и саксонец Иоганн Баннер отбыли подыскивать место. Татищев назвал им условия: чтобы место было ровное близ воды, чтобы горы не грозили скрытным подходом неприятеля, чтобы легким был путь из русских земель, чтобы местность не оскудевала пашнями и покосами, чтобы рос вблизи лес на строение. Приказ содержать в тайне и раскрыть только полковнику Ивану Арсеньеву.

...Увязая в рыхлом весеннем снегу и таща на себе пушки, команда Арсеньева подошла к озеру 13 апреля, почти день в день, как доставили в Екатеринбург тобольского арестанта. На полуострове на месте башкирской деревни Ябалаковой встала долгожданная крепость — альфа и омега, и свет жизни. Рубленая, в вышину семи аршин, в длину тринадцати, поперек — восемнадцати с половиной сажень. По углам — четыре башни, двенадцать казарм, офицерская изба, пять провиантских амбаров. Четыре пушки. В крепости оставили роту солдат, капральство драгун, служилых татар, казаков — всего 282 человека. Управились со всем за неделю, с 14 до 20 апреля. И всего-то дела.

А Степан Кузнецов в своей жизни успел еще указать одной из военных команд дорогу на яицкие вершины, и с сыном Петром запросить пушки, свинцу и пороху для защиты новопоселенцев; и умер он где-то в пути, не дойдя нескольких верст до Чебаркуля и не достигнув своего. Или достигнув — кто теперь знает, как он полагал.

А что же записавшиеся к Таушкану добровольцы? Новые крепости заселялись вольными людьми, а в команде Степана и Петра Кузнецовых полно было заводских и монастырских крестьян. Всех записавшихся приписных распоряжением Комиссии Татищева созвали в один из декабрьских дней 1738 года в Екатеринбург. Вроде как для наконец-то назначенного отъезда, и всех до одного перепороли плетью. И отправили по домам отработывать заводские наряды. И разве только в снах своих достигли они не виданного наяву озера Чебаркуль, и построили светлую Чебаркульскую крепость, и тамошние черноволосые люди во всем им помогали, и старик по прозвищу Таушкан рассказывал им, что все возможно в этом мире.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ, ГОД 1968-й

*В поэтов стреляют всегда.
Только разными пулями.*

Вступление

В 1968 году несколько центральных и провинциальных газет, будучи «озадаченными сверху», предприняли атаку на Владимира Высоцкого: «Комсомолка», «Советская Россия», «Тюменский комсомолец» и другие опубликовали резко критические и несправедливые статьи о Высоцком и его песнях. Помните, ну совсем как у него:

... всех науськивал колдун —
хитрец и злока:

Ату, ребята, хватайте Кука!

Разгромные статьи, переполненные неточностями, передергиванием фактов, вызвали, в свою очередь, водопад возмущенных писем в редакции со всего Советского Союза. Со всем недавно мне в руки попала машинописная копия письма-отповеди двум авторам, сохранившаяся в домашнем архиве екатеринбуржца П. В. Евладова, которую он отправил в редакцию «Советской России» в июне 1968 года — сразу же по прочтении газетного пасквиля «О чем поет Высоцкий».

Несколько слов об авторе этого впервые публикуемого письма почти 35-летней давности. Петр Владимирович Евладов — коренной свердловчанин, в 1968 году ему было 45 лет. В годы Великой Отечественной войны работал токарем, слесарем-лекальщиком на военном заводе № 46, эвакуированном в Свердловск. В 1948 году получил диплом киноактера, окончив очно за три с половиной года филиал ВГИКа — школу киноактера при Свердловской киностудии. (В те годы в нашем городе было много представителей творческой интеллигенции, эвакуированных на Урал из Москвы, Киева, Ленинграда... В том числе — преподаватели из Всесоюзного государственного института кинематографии во главе с его завучем Эдгардом Арнольди. Этот филиал ВГИКа сделал два выпуска — всего 25 человек. И на том закончил свое существование.)

В 1948 году в СССР было закрыто шесть

киностудий художественных фильмов, спрос на новых киноактеров исчез, и, вручая дипломы выпускникам, госкомиссия одновременно «обрадовала»: Свердловская школа киноактера закрывается.

Петр Владимирович работал постановщиком, художником-фотографом научно-популярных и художественных фильмов, режиссером кинокомплекса Свердловской телестудии, сделал много телевизионных фельетонов — рисунки, плюс стихи, десяток телефильмов. В 1949 году в Свердловске возродилась молодежная газета «На смену!», не выходявшая в годы войны, — тогда и стал П. В. Евладов газетчиком. Почти 40 лет был художником в газете «Вечерний Свердловск», далеко перевалив за пенсионный возраст.

В 1998 году редакция «Вечорки» отметила 75-летие Петра Владимировича: в коридорах Дома печати разместилась выставка его графики, рисунков. На ней было представлено 777 работ! А всего, по неполным подсчетам, им было сделано от 40 до 50 тысяч (!) рисунков: заставок, иллюстраций к текстам, шаржей, плакатов, карикатур.

Вот что Петр Владимирович рассказал о себе:

— Еще школьником я начал писать стихи, прозу в школьную стенгазету, увлекался Маяковским. Но с лета 1941 года, 17-летним мальчишкой, увидев ранеными своих друзей, одноклассников, мгновенно повзрослел. Стихами становились рассказы фронтовиков — честные, доверительные, «не для печати», порой страшные, трагичные, а потому и особенно героические.

Волну стихов-песен пробудил во мне Александр Вертинский своим появлением в нашей послевоенной культуре — животворным дождем пролился. Потом запел Булат Окуджава — как свежим ветром наполнил паруса молодой поэзии: запели барды по всей стране.

И вдруг грянул Владимир Высоцкий. Он

занял совсем особое место в эпохальной войне против зла, лжи, умолчаний, и откровения его, конечно же, были мной приняты как явление первой величины высокой поэзии — русской, российской... Это было потрясение. Это был новый виток интереса к бардовской песне. И когда Высоцкого стали печатно «кусать», это возмутило, и я написал в «Советскую Россию». Статью послал в редакцию газеты и в журнал «Журналист»: в первый адрес — для авторов, во второй — для публикации. Но «Журналист» прислал отписку:

«Уважаемый тов. Евладов!

Ваши замечания на статью Г. Мушты и А. Бондарюка мы передали на рассмотрение редакции «Советской России».

С уважением редактор отдела прессы журнала «Журналист» Е. Каменецкий.

И это — после того, как на экземпляре было мною указано, что в «Советскую Россию» копия послана одновременно!

Из «Советской России» ответа, конечно же, не последовало...

Виктор Попов

О чем поет Высоцкий

(Газета «Советская Россия», 9 июня 1968 г.)

В старину, говорят, в Москву за песнями ездили. Да, собственно, почему только в старину? Сколько замечательных песен, родившихся в столице, помогали советским людям строить и жить, бороться и побеждать.

Замечательные песни создают московские композиторы и сейчас. Только совсем не такие песни везут некоторые «барды» из Москвы. И звучат они в городах, находящихся на весьма солидном расстоянии от столицы. Быстрее вируса гриппа распространяется эпидемия блатных и пошлых песен, переписываемых с магнитофонных пленок. Быть может, на фоне огромных достижений литературы и искусства это кажется мелочью, «пикантным пустячком». Но у нас на периферии вредность этого явления в деле воспитания молодежи видна совершенно отчетливо.

Мы очень внимательно прослушали, например, многочисленные записи таких песен московского артиста В. Высоцкого в авторском исполнении, старались быть беспристрастными. Скажем прямо: те песни, которые он поет с эстрады, у нас сомнения не вызывают, и не о них мы хотим говорить. Есть у этого актера песни другие, которые он исполняет только для «избранных». В них под видом искусства преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваля-

ющиеся своей безнаказанностью («Ну, ничего, я им создам уют, живо он квартиру обменяет».)

У Высоцкого есть две песни о друге. Одна написана для кинофильма «Вертикаль», другая с экрана не звучала. Люди из этих песен очень разные: один отправляется в горы, другой едет в Магадан. Что ж, ехать в Магадан, как и в другие края, чтобы строить, бороться с трудностями, — дело похвальное. Но Высоцкий воспеваает не это. Он спешит «наемнуть», что его друг едет в Магадан «не по этапу», — не по этапу, его не будет бить конвой, он добровольно.

Вначале трудно даже понять, кто более дорог Высоцкому: тот друг, который поддерживал его, свалившегося со скал, или тот, который едет в Магадан, потому что «с него довольно» (чего довольно?), и что автору ближе — «испробовать свои силы в горах» или «уехать с другом заодно и лечь на дно»?

Но в конечном итоге друг выбран. И совсем не тот, что «шел за тобой, как в бой», а тот, который идет «на дно». Певец клянется ему в своей верности:

Я буду петь под струнный звон

Про то, что будет видеть он.

Во имя чего поет Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос: «ради справедливости и только». Но на проверку оказывается, что эта «справедливость» — клевета на нашу действительность. У него, например, не находится

добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за Родину.* Странно, но факт остается фактом: герои Отечественной войны, судя по одной из песен Высоцкого, — это бывшие преступники, которые «не кричали «ура», но явились чуть ли не главной силой, и не будь их — нам не удалось бы победить врага.

Высоцкий сложил «Сказку о русском духе», который вылился из винной бутылки, но, несмотря на свои способности, «супротив милиции ничего не смог». Забрала милиция «русского духа»:

Вывели болезного, руки ему за спину

И с размаху кинули в черный «воронок».

В программной песне «Я старый сказочник» Высоцкий сообщает:

Но не несущи ни зла я и ни ласки...

Я сам себе рассказываю сказки.**

Ласки он, безусловно, не несет, но зло сеет. Это несомненно. Так, например, взяв строку из поэмы В. Маяковского, он предлагает ее в такой обработке:

И думал Буткеев, мне челюсть кроша,

Что жить — хорошо, и жизнь — хороша!

Могут подумать: паясничает актер, просто убожает низменные вкусы. Однако, оказывается, Высоцкому приятна такая слава, которая «грустной собакой плетется» за ним. И в погоне за этой сомнительной славой он не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью. Как расценить то, что поется от имени «технолога Петухова», смакующего наши недостатки и издевающегося над тем, чем по праву гордится советский народ:

Зато мы делаем ракеты,

Перекрываем Енисей,

А также в области балету

Мы впереди планеты всей.***

В школах, институтах, в печати, по радио много усилий прилагается для пропаганды культуры речи. Борются за чистоту разговорного языка лингвисты и филологи. А артист Высоцкий уродует родной язык до неузнаваемости. Чего стоит хотя бы это: «из дому убег», «чегой-то говорил», «из гаражу я прибежу» и «если косо ты взглянешь, то востру бритву наточу», «чуду-юду победу» и т.д. и т.п.

Все это совсем не так наивно, как может показаться на первый взгляд: ржавчина не вдруг поражает металл, а исподволь, неза-

метно. И человек не вдруг начинает воспринимать и высказывать чуждые взгляды. Сначала это просто сочувствие преступникам на том основании, что они тоже люди. Сначала — вроде шутя о милиции, которая «заламывает руки» и «с размаха бросает болезного», а потом возникает недовольство законом, правосудием.

«Различие между ядами вещественными и умственными, — писал Лев Толстой, — в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные... к несчастью, часто привлекательны».

* Привлекательными кажутся многим поначалу и песни Высоцкого. Но вдумайтесь в текст, и вы поймете, какой внутренний смысл таится за их внешностью.

Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист, и очень жаль, что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса.

Г. Мушта,

преподаватель консультационного пункта Государственного института культуры.

А. Бондарюк,

(Наш корр.)

Саратов.

* К 1968 году Высоцким были написаны и всенародно спеты такие песни о войне: «Мне этот бой не забыть никак...» («Песня о звездах», 1964), «Почему все не так. Вроде все как всегда...» («Он не вернулся из боя», 1966), «На братских могилах» (1966), «Уходим под воду в нейтральной воде...» («Спасите наши души!», 1967) и др. Сегодня они уже стали песенной классикой. /Все прим. — публикатора./

** Это песня Юрия Кукина.

*** Эти строки — припев из песни Юрия Визбора «Сижу я как-то с африканцем...» Полное ее авторское название звучит так: «Рассказ технолога Петухова о своей встрече с делегатом форума стран Азии, Африки и Латинской Америки, которая состоялась 27 июля в кафе-мороженом «Звездочка» в 17 час. 30 мин. При искусственном освещении» (1964). Впервые была опубликована в газете «Семья», № 34 за 1988 г., с. 16. Ю. Визбор рассказывал, что из-за этой песни он два года был невыездным.

Вперед, к прошлому?

(Июнь 1968 года, г. Свердловск.)

9 июня в «Советской России» была напечатана статья двух авторов «О чем поет Высоцкий». Заголовок привлекал — песни Высоцкого знакомы многим — статья переходила из рук в руки. Реакция — неизменная: возмущение. Но возмущение не песнями, а статьей о них, составленной из бездоказательных обвинений поэта во всех смертных грехах. Думается, что это явилось следствием поверхностного знакомства авторов статьи с предметом при определенной к тому же предвзятости мнения.

Чтобы делать обстоятельный критический обзор творчества Высоцкого, я не являюсь музыкальным или литературным критиком, равно как и авторы указанной статьи. Поэтому я хочу лишь оспорить те ошибочные утверждения, которые содержит статья, обратившись с открытым письмом непосредственно к авторам. Мне представляется это необходимым еще и потому, что неосновательные нападки на Высоцкого являются, по существу, нападка на всех «бардов», на все явление в целом, грозят причинить новый вред делу очень интересному и прогрессивному.

Итак, к вам обращаюсь, товарищи Г. Мушта и А. Бондарюк.

Первым делом вы пытаетесь противопоставить «бардов» московским композиторам, чьи песни «строить и жить, бороться и побеждать» помогают. Зачем вам это нужно? Чтобы ценою комплиментов и расшаркиваний подкрепить свои тылы? На всякий случай? Но напрасны и бесполезны ваши старания, ибо песни «бардов» служат тем же благородным целям.

Я уверен, что вы бы сами в этом убедились, если бы не просто «внимательно прослушали многочисленные записи В. Высоцкого» перед тем, как взяться за бумагу и перья, а когда бы по-настоящему вникли в них как добрые друзья. Вы не исказили бы в своей статье строчки поэта, не придумывали бы его песням своих заглавий вроде «Песни о

русском духе», не приписывали бы его авторству песен других «бардов» — «Я старый сказочник», песни про «технолога Петухова» и других. Согласитесь, зато знание того, о чем берешься судить, обязательно для всякого добросовестного автора.

Трудно после этого поверить вам, что вы «старались быть беспристрастными» — плохо старались: вас выдает дурной тон, в который вы впадаете именно вследствие предвзятости, когда срываетесь до оскорбительных сравнений искусства песенников с вирусами и с эпидемией гриппа.

Именно о недоброжелательной предвзятости вашей говорит несправедливость ваших конкретных оценок: «Во имя чего поет Высоцкий?» — спрашиваете вы и отвечаете словами персонажа песни: «ради справедливости и только». Но по какому праву вы отождествляете взгляд на жизнь этого, как сами характеризуете, «распоясавшегося хулигана» из песни, этого лже-пролетария, остросатирически очерченного автором, — со взглядами на жизнь самого автора? Это же передержка, подлог, как говорится, с корыстной целью.

А чего стоит ваше утверждение «судя по одной из песен Высоцкого», будто у него «не находится добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за родину». А что же, по-вашему, это:

На братских могилах не ставят крестов
И вдовы на них не рыдают, -
К ним кто-то приносит букеты цветов
И вечный огонь зажигает.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.

Здесь нет ни одной персональной судьбы,
Все судьбы в единую слиты.

А в вечном огне виден вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата... (и так далее).

Или о подводниках, которые «бредят от



Владимир Высоцкий.

удушья» под минными полями, чтобы, всплыв на рассвете во вражеской гавани, самим рвануться к причалам «заместо торпед»? А песня про «ЯК» — истребитель», про боевую машину, сильнее которой сидящий в ней человек. Он «запреты и скорости все перекрывает», выжимает из машины все, сбивает «юнкерсы», идет на таран, бьется так, что самолет становится страшно, пока сам летчик не «ткнулся лицом в стекло», а самолет не пропел, свистом падения прощаясь с живыми, «мир вашему дому...»? Эти песни — блестящий образец единства содержания и формы, достойный места в ряду лучших достижений советского военно-героического песенного искусства.

Вас, товарищи Мушта и Бондарюк, шоки-

ровало присутствие в песнях Высоцкого о войне «штрафных батальонов»? Но в войну это было, и никого не шокировало, ибо там люди искупали боевыми делами свою вину, и при этом нередко становились героями. Это лишь с особой убедительностью подчеркивает поднимающую, очистительную силу идей советского патриотизма. Даже из людей, казалось бы неспособных ими зажечься, эти чувства высекали пламя ненависти к захватчикам:

Считает враг: морально мы слабы!

За ним и лес, и города спалены.

Вы лучше лес рубите на гробы:

В прорыв идут штрафные батальоны...

Вы пытаетесь обвинить Высоцкого в том, что он якобы преподносит «под видом искусства... обывательщину, пошлость, безнравственность... поет от имени и во имя... людей порочных и неполноценных». Опять несправедливость! Да, Высоцкий часто ведет рассказ от первого лица. Но с каких пор этот извечный прием стал непозволительным для сатирика? Неужели не ясно, что речь идет именно о сатирическом бичевании всех этих бластных и заблатненных? Уж тут ли не ясна издевка автора над дремучей тупостью и глупостью, а порою и откровенной дефективностью всех этих карикатурных персонажей? Уж давайте «ради справедливости» процитируем до конца того вышеупомянутого дебошира, движимого завистью к действительно труженику соседу:

Ну ничего, я им создам уют,

Живо он квартиру обменяет:

У них денег куры не клюют,

А у нас на водку не хватает.

Силой своего таланта перевоплощаясь и создавая сценические образы подобных обывателей, воров, алкоголиков, тунеядцев, Высоцкий публично обличает и развенчивает их, он поет не «во имя» их, а против них.

Для художника любого искусства нет большей радости, чем понимание, признание людьми, которым он отдает свои чувства, нервы, ум и талант. Нет для него большего горя, большей катастрофы, чем разрушение такого единения. И уж совсем тяжело и мерзко, если эту беду искусственно создаст, накличет верхоглядство критиков, от которого, как известно, один шаг до лавров печальной славы донна Базилио.

Ваша статья, товарищи Г. Мушта и А. Бон-

дарюк, войдет как заметный вклад в это оградостроительство на пути «бардов» вообще и Высоцкого в частности. Несомненно, вам известно, что на этой неблагодарной стезе вы — не первые. Так стоит ли удивляться тому, что из многого множества трудных минут, пережитых певцом, находятся такие, когда в самом деле покажется, что «с него довольно», и захочется «лечь бы на дно как подводная лодка и позывных не передавать». Помоему, удивляться не стоит, тем более вам не стоило бы задавать демагогический вопрос, чего, мол, такого «с него довольно»? Довольно подобных вашим нападкам. Не станут таких статей, не станёт и таких песен.

К концу статьи своей вы приоткрываете (вольно или невольно) завесу, скрывавшую на протяжении двухсот строк истинные причины вашего критического порыва: «Сначала — вроде шутя о милиции, а потом возникает недовольство законом, правосудием». Вона куда хватили — не подорвут ли «барды» социалистическую законность?!

Ну, во-первых, законы сами подвержены действию законов — законов диалектики. В нашей стране законы — не догма. Их совершенствуют, упраздняют устаревшие, создают новые, и это процесс непрерывный, как жизнь. А во-вторых, наше государство не считает излишним советоваться с народом в этих делах. Так что ничего необычного не произойдет, если не только в форме письма трудящегося, но и в форме песни кто-то выразит свое мнение по той или иной проблеме жизни, правопорядка, изложит свое предложение, так сказать, в стихотворной форме. Если предложение окажется мудрым — государство только выиграет.

Что же касается наших «бардов» и Высоцкого в их числе, то надо им воздать должное: круг их интересов очень широк, за каждой песней, как правило, ясно виден облик автора — человека молодого, искреннего, из тех, кто «не проходит мимо» недостойного, взывая к лучшим чувствам современников. Авторы — наши «барды» — люди, чувствующие свою ответственность за происходящее вокруг, не закрывающие глаза на недостатки (причем, не только пустяковые). Не случайно поэтому их популярность среди молодых людей, чьи сердца «для чести живы» — говоря словами Пушкина. Именно откровенность и чистота, молодость и душевное здоровье

влекут к ним миллионы слушателей, порою (чего греха таить) «отбивая хлеб» у профессиональной песни, грешащей часто ориентировкой на более примитивную аудиторию, чем наша молодежь.

Лично я не первый год вожу дружбу с песнями «бардов», многие знаю наизусть. Я вижу вокруг себя многих молодых людей столь же наслышанных. И могу засвидетельствовать официально, если угодно, что утверждение статьи, будто «вредность этого явления в деле воспитания молодежи видна совершенно отчетливо» — не соответствует действительности, выражаясь мягко. Если же назвать вещи своими именами, без обвиняемых вами, товарищи Г. Мушта и А. Бондарюк, молодежи во всесоюзном масштабе падкости на безнравственную пошлятину — вот уж воистину «клевета на нашу действительность», употребляя ваше выражение. Я утверждаю, что сатирические песни о «блатных», например, недоумках — оказывают такое же полезное действие на молодых людей, как защитные прививки оспы, гарантируя в дальнейшем невосприимчивость к заразе в сильной, так сказать, концентрации.

Тягу к песням Высоцкого и других «бардов» честнее сравнить не с эпидемией, а с тягой к свежему ветру. Я убежден, что ошибочность мнений, в силу которых «барды» ходят в пасынках, скоро станет очевидной всем. В искусстве, как нигде, не диплом, в конечном счете, определяет степень профессиональности, а талант и мастерство. Среди самодельных творцов песни известны ничем не уступающие, а кое в чем и превосходящие профессионалов. Будет таких чем дальше, тем больше: народ растет не только числом, но и умением. Будет открыт доступ «самодельной» песне к микрофонам Всесоюзного радио и телевидения, на молодежную эстраду и фестивали народных песен, к экрану и в грамзапись, а на трибуны будет открыт доступ не безответственному шельмованию, а серьезной, объективной критике.

Разумеется, ратуя за популяризацию песен «бардов», я не отрицаю возможность неверного понимания их поначалу отдельными слушателями. Но где не бывает исключений? Всегда могут найтись неспособные отличить сатиру от серьезного. Такие индивидуумы, о каковых в народе говорят, что для них «закон не писан, если писан — то не читан,

если читан — то не понят, если понят — то не так».

Но тут уж карты в руки вам, товарищ Г. Мушта — преподаватель консультационного пункта Государственного института культуры. Разъясняйте! Ваше и ваших коллег дело — сокращать число такого рода исключений.

А вот Льва Толстого, насчет частой привлекательности «ядов умственных», вы процитировали в своей статье опрометчиво: не против таких авторов, как Высоцкий, Толстой ее предназначал, а скорее против таких критиков, кои яд своих перьев разбавляют потоком патетических восклицаний (для пущей глубокозначительности), подтуманивают краснобайством насчет потрясения основ. Толстому, преданому анафеме, вкус подобных дурманных пойл был хорошо знаком...

«Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист», — пишете вы. Очень рад, что слышали, хотя лучше бы это увидели (хотя бы в фильме «Короткие встречи»). Чтобы ваши представления о судимом были полнее, осмелюсь добавить (и не исключено, что это главное): Владимир Высоцкий — по-настоящему большой поэт, поэт-гражданин. Однако, вернемся к вашей похвале: «... и очень жаль, — продолжаете вы, — что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса».

Так вот к чему вы начали с похвалы: чтобы закончить критическим словесным штампом, достойным китайской культурной революции. Похвала — в роли камуфляжного мешка для заключительного шила. Шило это, в переводе на язык окрика, звучит предельно



Петр Владимирович Евладов. 1968 г.

ясно: ты, сверчок, знай свой шесток, а вы, коллектив, отрекитесь, пока не поздно: мол, чур-чур нас, не подумайте чего, мы хорошие, мы говорили ему, плохому этакому, «зло сеящему»...

Не слишком ли откровенный, товарищи Г. Мушта и А. Бондарюк, призыв «вперед, к прошлому»?

Будем надеяться, что с вашего голоса никто не запоет, что Высоцкий и другие «барды» не лишатся голоса, что искусства наши не примут на вооружение тормоза, как движущую силу.

П. Евладов, художник

(Публикация В. Попова)

Вадим ТЕЛИЦЫН, г. Москва

«...ВЫЖЕЧЬ все заводские поселки...»

Полномасштабная гражданская война началась на Урале в ноябре 1917 года, когда казаки атамана А. Дутова схлестнулись в схватке с отрядами Красной Гвардии на подступах к Оренбургу и в самом городе; когда возмущенные жители Кушвы разогнали Совет и местный отряд Красной Гвардии. Боевые столкновения (то затухая, то вновь вспыхивая) продолжались до середины 1921 года — тогда были подавлены последние очаги антикоммунистического Западно-сибирского восстания. Четыре года крови, смертей, страданий, разрухи, голода и холода... Четыре года борьбы не только «антагонистически» настроенных слоев общества, но и населения одного города, одной деревни или даже одной улицы между собой... четыре года неумного стремления отомстить за старые обиды, косые взгляды, более сытую жизнь...

О гражданской войне (в том числе и на территории Уральского региона) написано очень много. Иное дело — публикации документов. Относительно уральских губерний — это настоящая лакуна. Вводимые в научный оборот архивные материалы всегда тщательно просеивались с расчетом наполнения ими схемы о приоритетах советской власти и диктатуры пролетариата.

Огромное множество документов, таким образом, осталось «за бортом» научных исследований, тогда как именно архивные источники позволяют более объективно подойти к осмыслению самой ужасной в истории России страницы — гражданской войны.

В приводимой ниже подборке документов представлены материалы, почерпнутые из центральных и местных архивов, периодической печати. А также опубликованные в малотиражных изданиях.

1917 г. Декабрь

Уфимская губерния Стерлитамакский уезд:

«При разгроме имения Пашкова крестьяне захватили племенное стадо коров и стали делить по домам и едокам. На всех не хватило — началась драка, били друг друга кольями, кулаками, оглоблями и топорами, двое убиты, человека три серьезно ранено. Чтобы помириться, решено было перерезать все стадо и поделить мясо».

Южный Урал. 1917. 20 декабря.

1918 г. Январь

Уфимская губерния, Бирский уезд, село Байки:

«Крестьянская сходка выступила против волсовета и председателя, обвинив последнего, что он «сам голодранец». «Не сеял, а хочешь жать. Не навивал горбом, а раздаешь». Еженедельно сходки за учредительное собрание, против продразверстки».

Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале 1855-1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1999. С. 229.

Март

Уфимская губерния Стерлитамакский уезд, Архангельская волость, село Зилим:

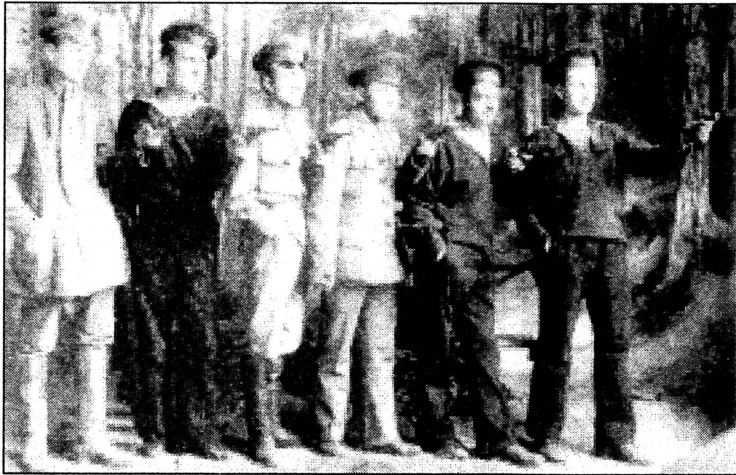
«Столкновение на сходе с активистами. Крестьяне заявили: «Смотрите на него: был вечным батраком, ел наши объедки, а теперь, вишь, власти захотелось».

Сафонов Д. А. Указ соч. С. 230.

Июнь

Доклад Высшему Военному совету о положении дел в районе Екатеринбург (от 14 июня 1918 г.):

«... На целом ряде заводов свергнута Советская власть. Рабочие массы, спровоцированные белогвардейцами и в особенности меньшевиками и правыми эсерами, озлобленные ухудшением продовольствия и раздраженные неумелой постановкой разрешения целого ряда вопросов, связанных с национализацией всей уральской промышленности, подняли формальное восстание против Советов. Особенно резко выступают фронтовики, заявляющие, что они раньше всего пошлют на борьбу с чехословаками откупившуюся буржуазию, потом красноармейцев и в конце пойдут сами. Верх-нейвинские



*В то время было модным фотографироваться вот так - с оружием.
Демонстрировать свою готовность к убийствам...*

рабочие в количестве 500 человек ведут уже более 12 часов форменный бой с советскими войсками. В их руках пулеметы и даже бомбомет. Руководит ими опытная военная рука. В самом городе Екатеринбург рабочие Верх-исетского завода на многочисленном митинге не давали говорить представителям Советской власти и заявляли, что с чехословаками у них никакой вражды нет. Красноармейские части стоят пока на стороне Советской власти, но настроение их непрочно. В активных действиях против контрреволюционеров принимают участие только интернациональные роты и партийные дружины большевиков и левых эсеров. На усмирении восстания рабочих красноармейские части не посылаются. Надо полагать, что подавление беспорядков в одном месте отобьет охоту поднять восстание в других местах, но с настроением рабочих масс приходится волей-неволей считаться военным силам, оперирующим в этом районе. Уже два раза на тыловых линиях был прерван железнодорожный путь, который восстановили, применяя вооруженную силу».

*Российский государственный военный архив
(далее: РГВА.) Ф.176. оп.3. Д.102. Л.5-5об.*

«Секретно
Инструкция

Военному руководителю внутреннего фронта района Таватуй-Невьянск тов. Вайняну (*Вайнян Роберт Петрович (1895-1920), командир Красной Армии. Командовал группой войск 3-й армии. Умер от тифа. — В. Т.)*

Вам штаб фронта поручает не позже, чем в 3-дневный срок вырвать с корнем контрреволюционное гнездо, засевшее в районе между Шайтанкой

и Таватуюем. История движения такова: 13-го числа получена телеграмма следующего содержания: «Нижний Тагил обстреливается Невьянской белой гвардией, немедленно шлите силы. Телеграфное сообщение прервано. Военком Тагила Григорьев».

Вторая телеграмма от того же числа: «19 час. 10 мин. Высылайте немедленно силы Тагил осаждают».

Из дальнейших переговоров выяснилось, что на Тагил было совершено дерзкое нападение на членов Совета, причем наступало свыше 100 человек, которые захватив с собой сто винтовок на паровозе уехали обратно через Шайтанку в Нижний Невьянск. Прилагаемая при сем оперативная сводка от 14-го числа за № 97 рисует ход событий в этот день. В 1-й день туда было командировано 150 железнодорожников при броневой платформе. Но вследствие неудачного руководства, платформу куда-то загнали и наши отряды вынуждены были, оставив платформу, отступить назад.

В дополнение был послан латышский отряд под командой Осипова в сто человек...

/.../ Ваша задача беспощадно выжечь все те заводские поселки, население которых принимало участие в контрреволюционных выступлениях. Штаб фронта считает, что если первое восстание будет жестоко подавлено и об этом будет широко оповещено все население Урала, то это отобьет всякую охоту к дальнейшим выступлениям одуряченных меньшевиками, правыми эсерами и белогвардейцами рабочих масс, недовольных ухудшением продовольственного вопроса и предстоящей мобилизацией».

РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д.102.23-23 об.

Дневник, запись за 20-е июня 1918 года (*Автора дневника определить не удалось. Скорее всего, это один из штабных работников 3-й армии. — В. Т.)*:

«Получена телеграмма из Красноуфимска о том, что контрреволюционное движение башкир разрастается и что необходима поддержка советским войскам оружием и патронами... Тов. Тунтулу (*Тунтул И. Я., комиссар Уральского областного комитета РКП(б). — В. Т.)* дана задача беспощадно расправиться с башкирами и немедленно реквизировать у них всех лошадей.

Из Полевского завода сообщают следующее: в Полевском кровавое столкновение советских войск с толпой произошло... главным образом по причине закрытия завода и насильственной мобилизации всех способных носить оружие в возрасте от 18 до

40 лет. Столкновение ликвидировано, власть [и] порядок восстановлены твердо. Провокаторы контрреволюционеры наказаны по законам военного времени...

Тов. Вайнян сообщает, что ст. Рудянку заняли без боя сегодня в 7 часов. Жалкие остатки разбежавшихся отошли на Верхний Тагил. Мятежников отступает около 300 человек при 6 пулеметах.

Военный представитель на ст. Кунгур тов. Горбунов сообщает, что в Кунгуре буржуазия ведет агитацию. Сегодня взяли несколько человек крупной буржуазии в качестве заложников...

Обсудив вопрос о необходимости в кратчайший срок добыть для нужд резерва фронта нужное количество лошадей, штаб фронта решил, что необходимо послать на станцию Михайловская или Нязепетровск карательный отряд в составе красных гусаров... с целью производства беспощадной реквизиции конского состава в тех местностях, где происходило возмущение против Советской власти...»

РГВА. Ф.176.Оп.3.Д.102.6, 6 об., 7.

Дневник, запись за 22 июня 1918 г.:

Из Верхотурья сообщают, что деревенские восстания буржуазии потребовали высылки туда карательных отрядов красноармейцев.

Тов. Вайнян привез с собой трофей — бронированный автомобиль, захваченный у восставших неньяцев.

Из Нязепетровска сообщают, что советская власть держится только штыками».

РГВА. Ф.176.Оп.3.Д.102.Л.9-9 об.

Дневник, запись за 28 июня 1918 г.:

«Из Нязепетровска Белицкий по прямому проводу передает следующее:

«На фронте полный хаос. Комиссар Златоуста Хлебников отозвал самые лучшие силы с фронта для подавления контрреволюционных порядков в тылу. Саткинский завод вследствие объявленной мобилизации восстал и захватил Бердюаш и Жука-тау»...

РГВА. Ф.176.Оп.3.Д.102.Л.14.

Дневник, запись за 29 июня 1918 г.:

«Пермяки (т. е. отряд Красной Армии из Перми. — В. Т.) реквизируют советских лошадей, они делали обыски у рабочих. После чего рабочие

заявили о пропаже домашних вещей и что действия пермяков возбудили всю рабочую массу в Кусинском заводе против Советской власти... и с боевой точки зрения пермяки жалкие трусы — семь дней стояли у Кусинского завода для подавления контрреволюции и лишь после того, как рота эстонцев заняла Кусинский завод, пермяки следом за ними вошли только для того, чтобы творить безобразия и сделать из 17-тысячного населения Кусы врагов Советской власти».

РГВА. Ф.176.Оп.3.Д.102.Л.16.об.

Июль.

Сообщение из Уфимской губернии, Стерлитамакского уезда, Архангельского сельского общества:

«Жители села отказались мобилизоваться. В селение прибыла карательная экспедиция в 500 штыков и несколько пулеметов. Ранним утром 8 июля селение было окружено. Все ценное грузилось на заранее заготовленные подводы, дома взрывались гранатами. Скот угнан. Уничтожено более 3/4 селения».

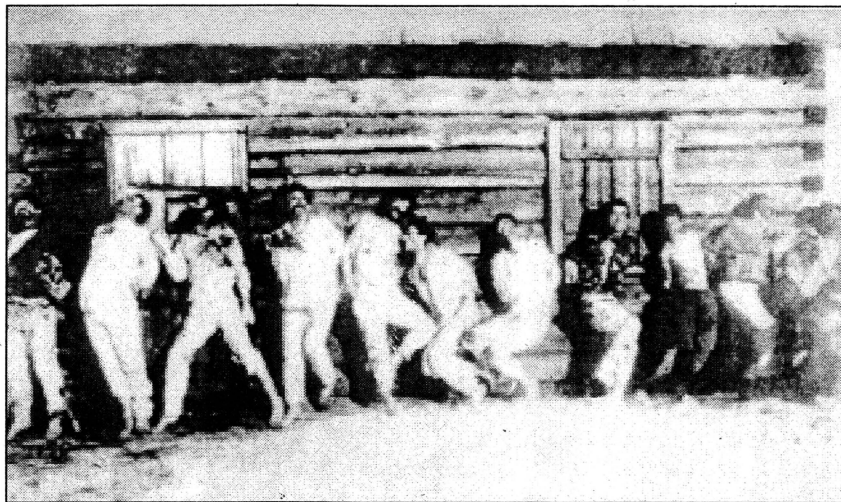
Оренбургский край. 1918. 16 июня/3 июля.

Август.

Политическая сводка от 23 августа 1918 г.:

«Из Оханска сообщают, что настроение в уезде неустойчивое и только там, где раньше велась агитаторская работа — несколько лучше.

Настроение в большей части уезда пассивное, но контрреволюционная агитация, ведущаяся на почве мобилизации и реквизиции, начинает давать результаты в виде отказа двенадцати волостей (Спешковская, Денисовская и Пушкинская и др.) производить мобилизацию, ухода уже собравших-



Красный террор.

ся мобилизованных со станции посадки в вагоны (ст. Менделеево) и, наконец, в форме открытых контрреволюционных выступлений белогвардейцев. Последние ясно говорят о том, что руководит выступлением офицерство. Так, например, производится организованный захват телеграфов, порча жел. дор. мостов по линии на Вятку и т. д., особенно опасными очагами белогвардейского движения являются Сепычевская волость, где ими руководит бывший унтер-офицер Новиков, и Денисовская, расположенные по обеим сторонам жел. дор. линии у ст. Верещагино. У белогвардейцев роются там даже правильные окопы, имеются пулеметы и т. д. роль военных специалистов играют, по слухам, два офицера-заложника, бежавшие из Григорьевской тюрьмы. Движение это опасно как для жел. дор. пути (уже сильно поврежден ими мост у ст. Верещагино, находящийся в центре движения), так и тем, что постепенно распространяется и на другие деревни этого района. Поэтому умелой агитацией необходимо парализовать контрреволюционную пропаганду, идущую из тех белогвардейских центров и охватывающую в общем район около 120 деревень».

РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 375. Л. 10.

Политсводка от 7 августа 1918 г.:

«Кулацкие восстания, имевшиеся в некоторых частях Осинского уезда, особенно способствовали расслоению в деревне. Из Ашана сообщают, что в районе деревни Басино сильное белогвардейское движение, для подавления которого приняты меры.

Из Кунгура сообщают, что некоторые люди Медянского отряда при взятии деревни грабили местных жителей».

РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 53. Л. 85.

Сообщение ИнформУралокровоенсовета от 14 августа 1918 г.:

«Пермская губерния Осинский уезд: Кулацкие банды превосходят наши отряды численностью и, к сожалению, даже морально. ...Имеют пулеметы-пугачи, треск которых действует на малодушных».

РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 53. Л. 384.

Сентябрь.

Из разведобзора 3-й армии:

«Обыкновенно говорят так: «что касается большевиков, то их мы не узнаем, и зла от них не видели». Подобное отношение существовало в местностях, где не проходили осинские и красноуфимские беженцы. В тех же местностях, где прошли беженцы, где они рассказали о деяниях большевиков, настроение меняется, происходит деление: зажиточные и средние крестьяне начинают вставать вполне сознательно на сторону правительства, а беднейшие ожидают прихода красных. «Садиться на

фунт хлеба никому не охота», таково характерное выражение крестьян Шадринского, Камышловского, Ирбитского уездов, а также сибиряков. Тот факт, что большевики забирают не только хлеб, но скот в размерах, подрывающих все местное хозяйство, действует сильнее, чем принудительные наряды (подводы, доставка фуража и т. д.) и сравнительно мелкое воровство солдат нашей армии».

РГВА. Ф. 176. Оп. 1. Д. 44. Л. 34-35.

Сообщение Совета 3 армии от 9 сентября 1918 г.:

«Положение с продовольствием на дорогах Уральской сети катастрофическое. Со всех сторон несутся вопли о продовольствии. Рабочие массами уходят за поисками хлеба, самые срочные работы, от которых зависит благополучие транспорта и фронта, останавливаются. Никакие репрессии не помогают.

Командир округа путей сообщения. Подпись» (*Не разборчиво. — В. Т.*)

РГВА. Ф. 176. Оп. 1. Д. 23. Л. 70.

Октябрь.

Телеграмма в Пермь, командующему 3-й армии Берзину (от 1 октября):

«Восстание подавлено и вырвано с корнем банда разбита и бежит пулемет отобранный у продовольственного отряда главарями восстания отобран обратно села которые заняты были под штаб противника принужден был артиллерийским огнем уничтожить, что и сделано по приезду доложу подробности. Воен. руков. Александров».

РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 97. Л. 22.

Из служебной телеграммы (от 30 октября):

«Настроение населения, лишь бы не воевать на той или другой стороне».

РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 132. Л. 47.

Ноябрь.

Из телеграфного разговора военкома Мрачковского со штабом 3-й армии:

Мрачковский: «Положение фронта во всех отношениях угрожающее, бьют так, что не успеваем утирать морду. Вместе с этим не выдаем войскам продовольствия... недовольство растет с каждой минутой, все сильнее войска заявляют открыто, что они не могут передвигать ноги от голода, а не только драться...»

РГВА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 97. Л. 257-258.

(Окончание следует)

Людмила ХЛЕБНИКОВА

Страна Чусовая

Автор «Уральского следопыта» Евгений Савенко, чьи фотопейзажи Урала и продолжают украшать обложки и страницы журнала, в числе десяти лауреатов (индивидуальных и коллективных) удостоен Губернаторской премии 2001 года. Е. В. Савенко — первый фотохудожник, отмеченный этой наградой за шесть лет ее существования.

«Нет на свете некрасивой реки, в каких бы берегах она не текла, волнует и завораживает уже сама вода, таинственное языческое поклонение которой не оставляет человека, загадочными кажутся ее пути, указанные, должно быть, древними божественными проводниками, шедшими вперед с волшебными посохами, раздвигая ими скалы и растворяя притоки».

Найти эти слова в когда-то читанной книге В. Распутина «Сибирь» заставил недавно изданный фотоальбом Евгения Савенко «Чусовая», созданный такой же силой восторга и умения чувствовать сокровенное, такой же невидимо разлитой в альбоме тревогой за сказочную и суровую красоту нашего края, какой писалась и книга Распутина. Те же силы душевные и творческие водили художника вослед «древних божественных проводников» русла нашей Чусовой от истоков до устья. Водили много лет, в любое время года и дня, поднимали на вершины, чтобы запечатлеть панораму продвижения русла, звали вглубь лесов, чтобы соприкоснуться с неприметной жизнью ручьев, трав и цветов...

Сотни и сотни кадров... Прекрасных, сказочно изысканных... Но альбом начинают кадры просто зеленого разнотравья, хранящего малые ручьи истока, в которых совсем не угадывается будущее полноводие реки. Очевидно, что этой неслучайной скромностью начала художник заявляет о драгоценности тихой скрытой жизни природы, без которой невозможна ее величественная красота, притягательная, способная сильно действовать на



Вид с камня Столбы

эстетическое чувство; невозможны монументальные панорамы вольной мощи «страны Чусовой». Чего стоит только панорама извилины реки у камня Омутного. Как древняя картина с огромной высоты, видится она в тугом изгибе русла в бережьях огнецветной осени. Философия панорамы, сочетающей далекое и близкое, цветок, камень, узор травинки с перспективой уходящих к горизонту далей,

определяет композицию альбома, разделенного автором на две части. Пространства и дали по пути движения русла, снятые, как правило, с высокой точки скал, объединены названием «От истоков до устья». И по своей монументальной и образной сути эти фотографии — гимны, славословящие сказочную, нетленную красоту реки.

Вторая часть посвящена природе берегов, которая лишь угадывается в пространствах картин первой половины альбома. Объектив художника приближает нас не только к скалам, сфинксами сторожащим берега, к старинным селам реки, к цветному ковру лугов, но и к утреннему пробуждению цветка в расщелине камня, к тонкому узору ветвей на фоне голубой эмали небес, к нежным оттенкам вуали тумана, к темному шелку ночной воды...

Я называю автора художником потому, что он чрезвычайно чуток к живописности природы. Обладая самым широким диапазоном специальных фототехнических возможностей, не дает увлечь себя ими, а использует технику лишь как средство для наилучшего выявления образа реки, прекрасной и беззащитной.

Создать такой альбом возможно лишь художнику, паломнически преданному природе, умеющему чувствовать пульс каждой секунды ее проживания в вечности, в одиноком предстоянии проникать в безмолвные откровения Красоты Божьего мира, чувствуя мистическую связанность

человека этой Красотой.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею создаем.

(Ф. Тютчев)

Именно призрачная наша свобода ядовитыми отбросами отравляет землю, бульдозерами оставляет незаживающие раны тайге.

Как не вспомнить добрым словом писателя Бориса Рябинина, который много лет назад встал на защиту реки от погубления сбросами отходов. Как не вспомнить другого Рябинина (символическое совпадение!) — Ивана из повести Л. Бородина «Третья правда», сердце которого остановилось от боли за тайгу, когда он пришел встретиться с ней после долгой разлуки, когда услышал рев бульдозеров и увидел бесполезные их разрушения...

Насколько мудрее было отношение к природе людей, не потерявших Бога. Они смотрели на нее с благо-

словенной надеждой, не возвышаясь, умело подхватывали вдохновенную ее красоту и в своих деяниях не перечили ей, не спорили с Творцом.

У любого, кто возьмет в руки альбом Евгения Савенко «Чусовая», замрет душа от чистой целебной красоты, к которой припадаем мы, убегая от городского утомления прогрессом. Для исцеления.

Исцелиться — сделаться цельным, восстановить утраченное созвучие с красотой мира.



Камень Гребни

Диана ЧЕТВЕРКИНА

Родилась 24 августа 1985 года в городе Нефтеюганске. После 10 класса приехала в г. Екатеринбург, закончила исторический класс в СУНЦ УрГУ. На данный момент цель — удачная сдача экзаменов на факультет журналистики УрГУ.



Ледяная избушка

и шашлык для президента

Не многим это название покажется знакомым, да это и не удивительно: нет Нефтеюганска на карте. Совсем недавно, 16 октября 1967 года, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, рабочий поселок Нефтеюганск был преобразован в город.

Вот и не узнало новое поколение молодого городка старого названия, и дата эта — 15 октября 61-го года — не вызывает воспоминаний. Но есть те, благодаря кому Усть-Балыкское месторождение было переименовано в Нефтеюганск, кому дорог 61-й (ведь именно в этот год из скважины Р-62 получен первый фонтан нефти), кто прославил Западную Сибирь.

Мы без удивления смотрим на проложенные дороги, новые дома, и не кажется нам странным, что в квартирах есть вода; но те, кто когда-то приехали осваивать суровый север, видели и другую картину...

Так по зову сердца приехала в феврале 1964 года Гуляева Клавдия Ивановна в маленький поселок Нефтеюганск, где была лишь одна улица, да кое-где разбросаны строящиеся домики. Вместе с Клавой приехала семья — муж и трое детей. Вначале остановились у знакомых — Задориных, которые жили в землянке, вырытой в горе. Хозяева приняли их гостеприимно, хотя у них самих было трое ребятишек.

Как говорится — в тесноте, да не в обиде. В жилище помещались лишь две кровати, стоявшие друг напротив друга, и стол. День проходил незаметно: мужчины работали на «нефтянке», дети ходили в школу. Знакоми-

лись с поселком. К вечеру, когда все собирались в землянке, становилось заметно, как она мала. Спать ложились на пол, занимая все пространство между кроватями. Вскоре хозяин предложил семье Гуляевых переехать на новое жилище. Это была будка, стоявшая на берегу застывшей реки Юганская Обь, в 20 метрах от берега. Оттуда зимой подавали воду в колонну, которая стояла возле бани. Разумеется, убогая постройка размером два на три метра была не приспособлена под жилье. Внутри стояли водонасосный агрегат и железная печка с прямой трубой в крышу. Спали все на нарах. Муж Клавдии Ивановны вдоль стен прибил бруски, и на них одну за другой клали доски, которые вносили с улицы. В печь за ночь подбрасывали по несколько раз дрова: пока горят — тепло, прогорело — опять холодно.

Часто в будку заходить было нельзя, ведь это — производственное помещение. Днем там работал слесарь-моторист, ремонтировавший агрегат и подававший воду в колонну, а на ночь забиралось на свои нары семейство Гуляевых. Так продолжалось до весны. А потом стало страшно, что жилье унесет во время ледохода. Пришлось чаще ходить в контору Усть-Быковской геологоразведочной экспедиции и просить хоть маленький, но безопасный угол.

Тогда же Клавдия Ивановна устроилась работать в первый в поселке нефтяников детский сад. Здание для него отдала школа. Распологадось оно по улице Гагарина. Заведующей назначили опытного воспитателя

З. Ф. Третьякову. Она быстро наметила план перестройки. Плотницкие работы выполнялись силами рабочих экспедиции, все остальное — руками женщин, сотрудниц детского сада. Весь инвентарь заказывали и доставляли сами. Детские кровати привезли из деревни Лямино, игрушки прислали по почте, бочки для воды (ведь водопровода тогда и в помине не было) женщинам приходилось катить через весь поселок. Для постельного белья получили на складе материал метражом, раскраивали его и шили дома.

Сколько же радости и счастья было у всего коллектива детского сада «Березка», у родителей-нефтяников, когда в октябре 1964 года на порог обновленного здания шагнули первые малыши.

Пятнадцать счастливых лет работала здесь и воспитывала детишек сестра-воспитатель Клавдия Гуляева. Конечно, для нее это — факт личной биографии, а малыши те — до сих пор как родные. Вот и бережет она их фотографии в семейном альбоме, рядом со снимками своих детей.

Случалось в жизни северян и удивительное, о чем вспоминают с улыбками и гордостью...

Четверть века Владимир Пестов «сверлил» земли Югры в поисках нефти. Начинал в 1977 году бурильщиком в бригаде известного бурового мастера Альберта Андреевича Стреколовского, а в 1986 году перешел в бригаду Ивана Ивановича Коптенко — уже помощником бурового мастера. Сейчас он уже сам известный буровой мастер, работает в Сибирской сервисной компании. Под началом у него бригада в 25 человек, все с разными характерами, к каждому подход нужен. А задача все та же: открыть путь нефти, оборудовать скважину и передать ее промышленникам.

В семейном альбоме Пестовых много замечательных фотографий. Легко проследить, как Володя с Еленой свое гнездо лепили, как птенцов растили. Но есть и снимки, которые стали эпохальными, знаменующими время.

Вот, к примеру, кадр, запечатлевший десять лет назад визит президента России Бориса Николаевича Ельцина на буровую установку мастера И. И. Коптенко в объединении «Юганскнефтегаз». Владимир Иванович Пестов хорошо запомнил этот день, 9 августа 1991 года, помнит, сколько волнений вызвал этот визит, как к нему готовились.

Тогда не только нефтяная отрасль — все хозяйство переживало кризис.



Так начинались проспекты Нефтеюганска.

Добыча нефти в стране в те годы валилась со страшной силой. Нефтяники чувствовали, что земля у них уходит из-под ног. Очень хотели они тогда внимания Ельцина, только начинавшего свою президентскую карьеру, привлечь к своим проблемам. И рассуждали, в общем-то, по тем временам правильно: ведь отрасль в те годы была сугубо государственной, и кому же, как не президенту, заниматься ее бедами!

Поездка Б. Н. Ельцина была запланирована по городам Тюменской области с заездом в Салехард, Надым, Ноябрьск на 8-9 августа 1991 года. Нефтеюганск даже не значился в программе визита. Но буровой мастер Иван Иванович Коптенко (кстати, депутат Верховного Совета РСФСР, бывший в свое время доверенным лицом президента) добился того, чтобы Борис Николаевич обязательно побывал и на его буровой, посетил Нефтеюганск.

После знакомства с городом президент пересел на вертолет и направился на 24-й куст

Асомкинского месторождения нефти.

— Конечно, мы на буровой навели кругом блеск, — рассказывает Владимир Иванович Пестов, — такой гость приезжает. Разве можно по-другому! Скажу откровенно, даже кабанчика закололи, чтобы на берегу реки Бориса Николаевича шашлычком угостить.

На буровой президент надел на себя, как и положено по технике безопасности, спецовку и каску. Поднялся на площадку буровой, где и начал разговор с рабочими.

— Сейчас даже вспоминать смешно, с какими просьбами мужики к президенту страны обращались, — улыбается Владимир Иванович. — Молодым рабочим очень хотелось купить автомобили, попросили Бориса Николаевича посодействовать, чтобы выделили на бригаду пять машин. И что вы думаете? Исполнил просьбу, уважил.

Ельцин тогда пообещал, что после 20 августа выйдет специальный Указ по Тюменской области, наверное, будет снят верхний предел заработной платы, ограничение северных надбавок.

Повели гостя на бережок. Угостили шашлычком, по стопке налили, как водится. Прощались уже совершенно как друзья.

— Борис Николаевич руку жал, аж косточки хрустели, могучий мужик! — восхищается Пестов. — Мы ему и свое хозяйство подсобное показали, он нам на каске автограф оставил. До сих пор его вспоминаем добром, наш был человек. И начальники очень надеялись, все проблемы вывалили.

Поездка по Тюменской области закончилась совещанием в областном совете народных депутатов, которое транслировалось по радио, так что буровики могли слышать все, что там происходило. И запомнилось самое главное:

— Теперь предприятия смогут самостоятельно реализовывать внутри страны и за рубежом часть продукции, — сказал президент. — За границу продукция пойдет по мировым ценам. За счет этого и предполагается поправить положение в добывающих отраслях. Ведь отныне никаких централизованных капитальных вложений в нефтегазовую отрасль не будет. Предприятия могут брать кредиты (в том числе и иностранные), сами будут решать, какую часть продукции отправить на экспорт, какую продать внутри страны.

Это был первый шаг на пути к рынку.

— По-настоящему отделение от государства произошло гораздо позже, и не сразу всем понравилось, — признает Владимир

Иванович Пестов. — Нефтяники впервые за всю свою трудовую жизнь узнали, что такое перебои с зарплатой. Кое-кто побежал с буровых. Только не мои товарищи.

Родители у Владимира Ивановича жили в Оренбургской области, в деревне Оксенкино. Он, как мог, помогал им, да и по сию пору наезжает в родную деревню. Отца уже нету в живых, а матушку они с сестрой навещают чуть ли не каждый год. Сестра тоже в Нефтеюганске живет, их сюда дядя с тетей перетянули. Теперь-то уже ясно, что Пестов прочно врос корнями в юганскую землю. Вырастили они с женой чудесных сыновей. Старший, Алексей, уже работает в Сибирской сервисной компании, там же, где и отец. Младший, Роман, только что вернулся из армии, пока раздумывает.

— Ну конечно, мне хочется, чтобы к нам сын присоединился, — не скрывает Владимир Иванович. — Ведь с тех пор, как начал тут заправлять делами ЮКОС, все круто переменялось. Моя бригада работает на Приобке, видим, что полным ходом идет обустройство месторождения, для людей вся бытовка подтягивается. Что ж тут не работать, перспектива большая у компании, значит, и у наших детей будущее здесь есть.

Тут он вдруг опять вспоминает, о чем они просили Ельцина, и смеется:

— Вот не представить, что мужики у Путина будут просить, или трубы для нефтепровода начальники станут кланчить. Теперь хоть «Жигули», хоть «Мерседес» покупай, только зарабатывать. Да и свои производственные проблемы каждое предприятие само решает. Само нефть добывает, само — продает, само о рабочих заботится. Да и стопку ему вряд ли нальем, если приедет. Самогонку на буровой не гоним, на Приобке вообще сухой закон. Слишком дел много.

И много их еще было — первых основателей, убедивших в нефтеносности Западной Сибири, прошедших трудности и испытания суровыми условиями, люди, которые открыли молодой, непокоренный край. И хотя история продолжается, и каждый день ложится строкой новых побед и свершений, находит героев, но также будет помнить первых своих основателей с гордостью и благодарностью.

29.05.2002.

В статье использованы материалы книги «Семейный альбом» под издательством ЗАО «Технологии СМИ», 2002 год.

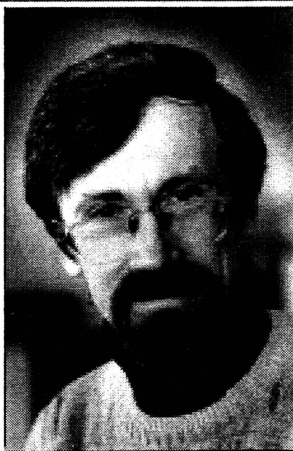
АЭЛИТА



СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 32
Елена НАВРОЦКАЯ «Добро пожаловать в наш дом!»	стр. 33
Сергей УСТЮГОВ «Окольцованные»	стр. 38
Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА Стихи	стр. 44
Валерий БУЛАНОВ «Вирус странствий»	стр. 47
Юрий КАЗАРИН Стихи	стр. 54
Владимир СИБИРЕВ «Майский гром»	стр. 57
Венедикт СТАНЦЕВ Стихи	стр. 59
Елена КОСТИНА Сказки	стр. 60
Валерий КАПЛЕНКО Стихи	стр. 62

Не удалось нынешнее лето, не удалось. Июнь на дворе, а тепла пока что мы не видели. Поэтому мы постараемся предложить вам такие стихи и рассказы, содержание которых не



только глубоко, но и солнечно. Это стихи замечательных уральских поэтов, таких как Юрий Казарин, наш Юбилляр Венедикт Станцев и Валерий Капленко. А Любовь Ладейщикова, представляющая в этом номере литературное течение «Добряне» и являющаяся одним из классиков русской поэзии, наполнит душу каждого из вас материнской любовью, нежностью и глубокими размышлениями.

Также мы продолжаем публикацию повести Сергея Устюгова «Окльцованные». Деревенскую тему затрагивает и Валерий Буланво в своем «Вирус странствий» — только совсем под другим углом, в связи с туризмом. Теме туризма — правда, в грядущих столетиях — посвящен и фантастический рассказ Елены Навроцкой. Ох, как не безопасно гулять по чужим пространствам и цивилизациям...

Владимира Сибирева мы хорошо знаем как поэта. Но в этот раз он преподносит читателям сюрприз, выступая в роли прозаика, рассказывающего о военных приключениях. Наша публикация посвящена светлой памяти этого замечательного человека...

А вот Елена Костина, наоборот, только вступает в писательскую жизнь. Думаем, что ее журнальный дебют — две коротенькие сказки — будет успешным.

«Аэлига» желает вам приятного чтения и улучшения погоды за окном! С уважением

*редактор отдела
художественной литературы
Петр Родимов*

30 мая в Доме актера (г. Екатеринбург) с успехом прошла презентация очередного выпуска альманаха «Крушение барьера», учредителем которого является Управление по делам молодежи г. Екатеринбурга. Этому изданию исполнилось уже восемь лет, и оно дало путевку в литературу многим талантливым поэтам и прозаикам. Вели презентацию Главный специалист Министерства Культуры области, секретарь Комиссии по премиям Губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства, поэт **Юрий Демин**, и известный психоаналитик, писатель **Анна Кирьянова**.

6 июня на своем ежегодном заседании писатели подвели итоги своего традиционного конкурса «Чаша круговая». Его лауреатами стали **Герман Дробиз** и **Владислав Крапивин**. Победители были объявлены и награждены на празднике, посвященном дню рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. С поздравлениями выступили Юрий Казарин, Владимир Блинов, Слава Рабинович, Александр Кердан, Вадим Осипов и другие.

17 мая в парке Зеленая Роща (центр Екатеринбурга) была создана **Аллея Добра**. Эта акция была организована литературным течением «Добряне». Деревья высаживали поэты Вадим Осипов, Петр Родимов, Татьяна Суворова, Надежда Смирнова, прозаики Евгений Лобанов, Нэлли Журавлева и другие писатели. Своих воспитанников привела учитель и поэт Светлана Медведева.

Теперь ежегодно 11 мая, в день рождения знаменитого уральского поэта Бориса Марьева, Аллея Добра станет местом, где будут проводиться литературные чтения, посвященные его памяти.

Эту акцию освещали представители теле- и радиокomпаний.

«Посади дерево, сделай доброе дело» - на этот призыв «Добрян» вскоре откликнулись экологи города и десятки простых горожан, решивших сделать свои дворы более уютными и красивыми.

Готовится к выходу в свет первый номер альманаха «Чаша круговая». Составители — **Арсен Титов**, **Николай Коняев**, **Александр Кердан**. В него вошли лучшие стихи и проза писателей, входящих в ассоциацию, объединяющую писателей Большого Урала — от Оренбурга до Советского (на севере), от Ульяновска до Тюмени.

Елена НАВРОЦКАЯ

Добро пожаловать в наш дом!

Мы жили на земной каэс, когда моим родителям вздумалось перебраться на каэс, принадлежащую нейрианцам. Видите ли, здесь им все обрыдло, включая ежемесячный полноценный обед, а нейрианцы хоть и напоминают гибрид мокрицы и человека, но существа весьма дружелюбные, да иззототики хочется на старости лет повидать. Короче, в один прекрасный день мы упаковали свои немногочисленные вещички, сдали в аренду жилой блок и купили по смехотворной цене здоровенную квартиру, раза в два больше нашей прежней, на нейрианской станции.

По правде говоря, мои предки уже навидались экзотики по самое не хочу. Являясь «законченными романтиками», как в шутку называли они себя, родители постоянно мотались из вселенной во вселенную, и лишь мое появление в этом мире их немного остудило. Но без меня они объездили на собственном «вормсе» все союзные миры и даже один раз нелегально пробрались в запретную вселенную, откуда еле унесли свои любопытные носы. Все хорошее когда-нибудь заканчивается, закончились деньжата и у моих «романтиков», а без денег много не наромантизируешь, нейротрансляторы стоят офигенно дорого, поэтому пришлось предкам осесть в этакой дыре, как земная каэс.

В ночь перед переездом мне, как обычно, не спалось, я крутилась на кровати и потихоньку слушала радио, пытаясь избавиться от охватившего меня неприятного напряженного ожидания. Я думала о нейрианцах.

— Потихе думай! — зашипел на меня, заглянувший в комнату отец.

— Завтра рано вставать, а от тебя разве уснешь? Засунь себе в башку радио и слушай его сколько влезет, только дай отоспаться!

Так. Молчать. Тише. Уймись, наконец! Вечно моя недоделанность портит мне жизнь. У меня односторонняя телепатия, могу только передавать мысли, или, как это называется в народе, «громко думать». Я так и не научилась двустороннему обмену мыслями, а ставить блоки для меня всегда было занятием сверхъестественным, из-за этого меня выперли из Школы Телепатов со справкой «парапсихическая отсталость». Из обычной школы на Земле меня тоже выперли, на сей раз за хулиганство. Прознав о моей способности, одноклассники постоянно подначивали меня внушать учителям всякие гнусные картинки. Это было доволь-

но-таки весело наблюдать за их реакцией. Но однажды я перестаралась. Я громко подумала неприличное слово на уроке межпараллельного этикета, и у запрограммированной, добрейшей, как ангел, учительницы перегорели мозги. Помнится, директриса орала на меня так, что, наверное, было слышно во всех союзных мирах, когда она закончила, я подумала неприличное слово еще раз и ушла, хлопнув дверью, а родители, отдав школе за восстановление кибера последние сбережения и устроив мне взбучку, отправились жить сюда.

Я отлепила радио от стены, засунула его себе в ухо.

Передавали шум солнечного ветра, который убаюкал меня, и я перестала думать.

Наш «вормс-флайер» был уже изрядно потрепан и нуждался, если не в капитальном, то хотя бы в косметическом ремонте. Отец надеялся подновить флайер задарма у нейрианцев, потому что всем известна их доброта и щедрость: они чинят по дешевке любую технику, жилье на планете их мира можно получить практически за гроши, а уж туризм и подавно бесплатен. Сила денег в их вселенной не играет такой значимой роли, как в остальных; если правда то, что известно об их жизни, то, можно сказать, что наконец-то нашлось идеальное общество, где восторжествовали добро, справедливость и безграничная любовь к созданиям всех миров. Мир нейрианцев открылся не так давно, но его обитатели оказались столь дружелюбны, что проникать к ним могли все, кому не лень. Главное, чтобы соблюдалось единственное условие — приезжать надо было группой, компанией, семьей, парой, лишь бы не в одиночестве, одиночек сразу отправляли обратно. Некоторым людям так нравился этот мир, что они оставались там жить навсегда.

Я устроилась в одной из капсул «вормса», и в руки сразу упал нейротранслятор с надписью «Нейриан». Я мяла в руках тонкую пластинку транска, мне очень не хотелось отправляться в мир, где надо будет постоянно видеть мокриц, все они на одно лицо, вернее, морду...

— Ну что ты там возишься? — недовольно проворчала мать. — Не в первый раз. Опять тебя придется ждать!

— Я спрошу, есть ли у нейрианцев земные школы и отправлю эту бестолочь туда! — отозвался отец, в его голосе не чувствовалось угрозы, но я знала, что он может выкинуть какой-нибудь финт и по правде отдать меня в эту чертову школу.

— Сейчас, — сказала я вслух и сунула безвкусную пластинку под язык. Капсула закрылась. В горло полилась прохладная вязкая жидкость, отделяя мое сознание от плоти.

Нейротрансляторы изобрели очень давно, приблизительно в двадцатом веке, но все они никуда не годились без «вормсов». При этом они были такими же однокимыми по воздействию, как и моя телепатия: часть сознания оставалась в параллельной вселенной и уже не могла вернуться обратно. В своем же мире человек, не имея возможности физически проникнуть в другую вселенную и теряя по клочкам разум, постепенно деградировал и, в конце концов, погибал. Немудрено, что эту заразу запретили, хотя отдельные энтузиасты продолжали синтезировать все новые и новые вещества, пока в конце двадцать первого века не появился прототип нынешнего нейротранслятора, оставалось подождать всего лишь сто лет до изобретения первого «вормс-флайера сагановского типа», аппарата, прогрызающего пространство, словно червяк яблоко, аппарата, который бы перетаскивал бессознательные тела людей из мира в мир. Нет, находились, конечно, идиоты, которые не использовали транс при перемещениях на «вормсах», но теперь этих смельчаков учат заново говорить и ходить.

«Вормс» все уменьшался в размерах, а я увеличивалась, с интересом рассматривая сквозь окно капсулы свое лицо... О черт, новый прыщик! Может, у нейрианцев найдется чудесное супер-пупер средство от прыщей?

Я осторожно взяла малютку-«вормса» на ладонь и осмотрелась вокруг. Наша старая улочка: пойдешь налево — попадешь в школу, пойдешь направо — попадешь в зал игровых автоматов. Выбери! Конечно же, зал! О проклятухой школе и речи быть не может!

Неся «вормс» со своим драгоценным телом и телами не менее драгоценных родителей, я быстро направилась к высокому зданию, чьи виртуальные окна представляли собой рекламу какого-нибудь товара или услуги: сахар «Дирол без жвачки» сыпался на нейротрансляторы «Вальхалла», последние в свою очередь поклоялись на чипах фирмы «Богиня Кали и сыновья», многолетняя богиня попирала собой диетические пищевые пластины и тому подобное фуфло.

С помощью транс я почему-то всегда создаю эту картинку, ну слава Богу, хоть не городскую свалку! Здесь все вывернуто наизнанку: не мое тело, а мой разум доставляет меня к пункту назначения, как бы сказал наш школьный кибер-философ — сознание при нейротрансляции материализуется, а организм, на-

оборот, развоплощается и становится придатком сознания.

А вот интересно, каким способом путешествуют сквозь миры нейрианцы?

Я вошла в зал игровых автоматов, поставила игрушечный вормс на пол и почувствовала себя неким подобием торнадо, чье основание находится в моем теле, а «хобот» со страшной силой вворачивается внутрь этого тела, голова превратилась в огромную воронку, а через несколько секунд я осознала себя лежащей в капсуле. С приездом!

Откинув пластиковую крышку, я, потянувшись, высунулась наружу. Мои родители уже выбрались из капсул и тихонько переговаривались между собой.

— А помнишь Догамарские ущелья? — спросил мой отец, многозначительно взглянув на маму.

— Еще бы! — ответила она, улыбувшись.

— А что там случилось, на этом вашем Догамаре? Они наконец заметили меня.

— Проснулась! Там мы дали тебе жизнь, — сказала моя мать.

Хм! Мне кажется, я знаю эти ущелья... Красное небо, темно-бордовый песок, оранжевая полоса горизонта и угольно-черные блестящие скалы.

— Ты ни разу не была на Догамаре, — отозвалась на мои размышления мать, — но...

Она не успела закончить, внутренний компьютер флайера сообщил, что снаружи нас ждет встречающий.

Мы спустились на нейрианский «вормсодром». Возле входа, почтительно согнувшись, нас приветствовал житель этого мира. Родители тоже поклонились, соблюдая местный обычай.

— Добро пожаловать в наш дом! — сказал нейрианец на межпараллельном.

Я осматривалась вокруг. Все-таки не каждый раз видишь что-то, что абсолютно отличается от всего, виденного ранее.

Мы очутились сразу на каэс, которая, по рассказам очевидцев, выходящих за пределы станции, вращалась в гигантской по размерам комнате, чьи стены были выложены голубым изразцом. Поэтому станцию называли космической условно. Где же тут космос? Нейрианцы и сами не знали. Некоторые путешественники упрашивали местных выйти из этой голубой комнаты и посмотреть на саму планету. Им не отказывали, и туристы наблюдали несколько огромных кубовидных помещений, «вырастающих» из сплетения труб, проводов и шлангов. Эти же трубы уходили на многие километры вверх, причудливо там изгибаясь, наполезая друг на друга, переплетаясь так, что нейрианское небо было напрочь скрыто за ними. Люди удивлялись подобной архитектуре и спрашивали: а выходили ли нейрианцы за пределы узора из труб, видели ли они звезды собственной вселенной? Но вопроса не понимали, нейрианцы говорили, что весь их мир такой, какой он есть...

Наш проводник ловко взбирался по узкой спиральной дорожке, уходящей так высоко вверх, что нельзя было раз-

глядеть, чем она заканчивается. Мы следовали за ним, стараясь не споткнуться о твердые выступы на спирали, сделанной, как мне показалось, из чего-то железного. Пока ничего интересного и восхитительного, заставляющего остаться здесь навсегда, я не заметила. Зато смотря себе под ноги, можно было понять, что выступы на дороге образуют некий сложный рельефный рисунок. Я попыталась в нем разобраться, но смысл при движении постоянно ускользал, и мне чудилось, что я вижу сюрреалистическое кино с непонятым сюжетом, который можно уяснить только проходя эту спираль бесчетное число раз.

Весь путь мы молчали, рядом с нами шагала лишь тишина, такое ощущение, что вся планеты вымерла, слышны только наши шаги, да гулкий стук слизи, капающий с конечностей нейрианца. Я чуть пару раз не поскользнулась на этой слизи, и провожатый любезно поддержал меня одной из своих коротких, поросших жесткими волосами, рук. И выдавил из себя подобие улыбки. Выдавленная улыбка намертво прикрепила к моей водолазке, на память о Нейриан.

Наконец, мы добрались до большого серого здания — дом древнего земного типа: двадцать ячеек с прямоугольными окнами, двери, открываемые вручную, отбитые бетонные ступеньки возле подъезда.

Вот это экзотика!!!

Нейрианец встрепенулся.

— Девочка — телепат? — вежливо осведомился он.

— У нее односторонняя телепатия, — извиняющимся тоном проговорила мама. — Она слишком громко думает, а блоки ставить не умеет.

— Я не телепат, я — урод, — проговорила я, показав проводнику язык.

Он снова вежливо поклонился.

— Вот здесь находится ваша квартира. Располагайтесь, пожалуйста. И ждите ритуала.

Ритуала??? Только этого мне не хватало! Последний ритуал, в котором я участвовала, закончился для меня плачевно. Это был ритуал посвящения в фанаты Элвиса. Сам Элвис однажды явился неизвестно откуда и стал самым популярным исполнителем музыки на Земле. Среди молодежи, конечно, потому что старики, типа моих родителей, это слушать не могли просто физически. Оно и понятно, ведь Элвис разговаривал под мелодию. Он называл свою музыку словом «петь». Никто не мог до сих пор представить, как можно сочетать слова и мелодию, раньше, в дотрансовые времена, такой трюк запросто проделывали, но как — неясно. И вот тут-то, как червь из другой вселенной, выскочил Элвис. Все по нему с ума сходили, я не сходила, просто не хотелось показаться одноклассникам отсталой, заявив, что ни черта не смыслу в этом «пении». Ритуал посвящения происходил на заброшенном вормсодроме, и все участники должны были хоть как-то, но проговорить слова Элвиса на мелодию Элвиса. Когда дошла очередь до меня, я поняла, что даже и пытаться не стоит. Тогда я просто-напросто стала воспроизводить музыку у себя в сознании, передавая ее

товарищам. Они быстро завелись и не заметили подвоха. Но один гад все-таки догнал в чем тут дело. «Эй, она все врет, телепатка недоделанная, она вам мозги заливает!» — заорал он. Понятно, что на меня сразу же наехали. Одна против десятерых, нечестная драка! Мне оторвали руку и выбили глаз, а какая-то сволочь даже отгрызла мизинец на ноге! Зато я прихватила с собой мужское достоинство того предателя, кто обозвал меня «недоделанной телепаткой». Хоть ему в клон-клинике и отрастили все хозяйство за три дня, но к нему намертво приклеилось прозвище из древней истории музыки — «певец-кастрат». Руку и глаз мне отращивали три недели, и все время пришлось выслушивать родительское ворчание, что, мол, я пушу их по миру.

Все это вспомнилось мне за считанные доли секунды, я совершенно забыла о находящихся рядом родителях и нейрианце. Последний сказал:

— Не волнуйся, девочка. Ритуал будет немного иным. Вас должны принять в нашем мире.

— Конечно-конечно! — вежливо поклонилась моя мать.

— Мы всегда соблюдаем традиции других миров, — добавил отец, ткнув меня пальцем под ребро. — И наша дочь тоже.

— Хорошо, — ответил нейрианец и распахнул перед нами двери дома, жестом указывая на вход. — Ваша квартира на третьем этаже, под номером 123. — Он назвал номер в нейрианской системе счисления.

Квартира оказалась большой — две комнаты, кухня, уборная с ванной, все сдизайнено в старомодном стиле. За такое на Земле драли бы бешеные деньги! Был еще один плотно закрытый вход в одну из комнат, занавешенный воздушной белоснежной тканью, на которую с восторгом уставилась моя мать.

В стену большой комнаты был вмонтирован гигантский экран телевизора, что придавало квартире еще более древний вид.

— Включить! — скомандовал отец, довольный такой обстановкой.

Экран мягко засветился, на нем проявились тени, обрисовавшие одну из земных передач, какое-то очередное тупое шоу.

— Надо же, — удивился родитель, — на вид — древний, а работает как полагается.

Судя по его неловкой позе, виртуально он уже очутился внутри этого шоу.

— А что там? — спросила мать, осторожно отодвинув занавеску и пытаясь открыть запечатанный вход.

Неожиданно дверь открылась сама, и оттуда вышел нейрианец.

Мы буквально ошалели от такой наглости.

— Нижайше прошу прощения, — изогнулся червяком непрощенный гость, — но эта комната предназначена для ритуалов.

Он мягко положил свою мокрую руку мне на плечо.

— Ритуал проводится с кем-нибудь одним из кладки... эээ... из семьи. Покорнейше прошу об этом вашу милую

ществ. Они седлают чужие страхи и страдания, берут их энергию и переносятся туда, куда им нужно. По своей природе нейрианцы добрые и бесстрастные создания, энергии их ненависти не хватит даже на то, чтобы зажечь допотопную электрическую лампочку. Они никогда ничего не боятся, не стыдятся, не чувствуют боли, не теряют здравый смысл, поэтому им нужно как можно больше иных существ, чтобы не затеряться среди множества миров. А эмоциональные земляне со способностью заражать страхом и ненавистью друг друга, с развитым чувством вины, с реагирующей на разрушения организма нервной системой пришлось очень кстати! Вот почему нейрианцы не любят одиночек!

Мои ладони сами собой сжались в кулаки.

Теперь, после смерти, я могу без нейротранслятора идти куда угодно и в «когда угодно».

Электронная дверь школы любезно распахнулась передо мной, за ней польхнул красный отсвет Догамара, бордовый песок с шелестом просыпался к моим ногам. Я без труда отыскала знаменитое ущелье: в кругу защитного поля, обнявшись, спали родители. Все точно так же, как и четырнадцать лет назад.

Ну что ж! Третья попытка! На этот раз я постараюсь ничего не забыть, мне нужно предупредить мир о коварстве подлых нейрианцев!

Воронка моего сознания вкручивалась в живот моей матери, вскоре я удобно устроилась внутри зародыша, стараясь не задеть центр, отвечающий за двустороннюю телепатию.

Проклятые нейрианцы!

Добро пожаловать в наш дом? Это мы еще посмотрим!



... и мы вошли в открытую трещину

Вати

Сергей УСТЮГОВ

Окольцованные

Председатель пьет горячий чай, глаза его задумчиво следят за ловкими движениями Матвейча. Сторож, поглядывая на Ивана Петровича, и починивая хомут, неторопливо ведет рассказ.

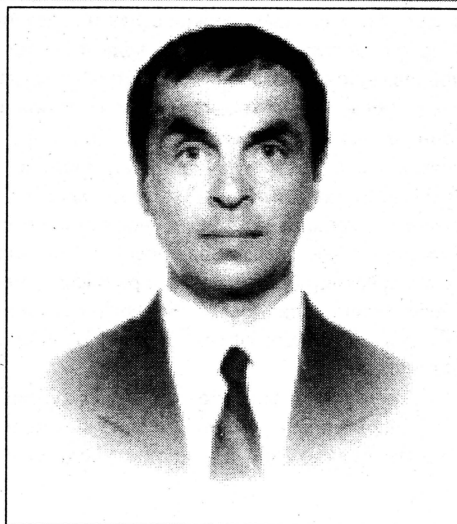
Пришел Алеша в деревню, а там совхоз. Ни к кому пристроиться не может, не нужны работники и все. То ли бояться люди, то ли еще что... Зима на носу, холодно уже стало. Кое-как договорился Алеша скотником на ферму. Днем-то он работал, а по вечерам сидел в своей каморке и журналы, да газеты старые, читал. Комнатку-то ему дали прямо на ферме, там раньше инструмент был. Пахнет, конечно, навозом день и ночь, но ничего, привык он, даже потом нравиться стало. Тепло. Идет по коровнику, глядит на коров и улыбается, а коровы мычат ему вслед, будто говорят что-то.

На второй или третий день столкнулся Алеша с механиком совхоза. Упрямый, да гордый мужчина был. Учинил Алеше разнос за беспорядок в мастерской. Алеша вроде бы и ни причем, но попробовал слово сказать, так тот так разорался, мол, твое дело навоз убирать, нечего лезть не свое дело. Ругается, а сам на Алешу из-под фуражки смотрит. И взгляд-то у него такой, что совсем букашкой себя чувствуешь. А уж слова-то будто выплевывает. Весь из себя, одним словом.

Потом уж Алеша с доярками поговорил, те и рассказали ему про механика. Бабы, известно и приврут недорого возьмут, но тут, похоже, не врал.

Этот механик уже четвертый год в совхозе, лучший коттедж себе захватил. Против председателя совхоза козни строил. Обманывал безбожно людей. Наобещает, а потом и говорит, что ничего такого и обещать не мог. Выше других себя считал.

Рабочих гонял по страшному, за людей не считал. Все для него, как рабы. Никогда слова доброго не скажет. Но и наглый.... Зайдет на пекарню, хлеба булку возьмет, а то и две, зайдет на ферму, молока обязательно прихватит. И все бесплатно. Мол, люди на него работать должны. Свое поле всегда ему совхозный трактор распахивал, так он хоть бы когда трактористу копейку лишнюю выписал. А уж дома... Ребятишки ревя ревели. За любую шалость лупил нещадно. Жену не видно, не слышно в деревне — совсем забытая была.



Самолуб был истовый. Не любили люди механика. Идет мимо, никогда не здоровается, глянет искоса, рот скривит и мимо. Гордый человек был, ох какой гордый. Гордость и сгубила его.

Алеша уже месяц в деревне доживал, как приехал новый агроном. И вот у этого агронома и пошла стычка с механиком. Невзлюбили они друг друга. Агроном-то такой же наверно, только молодой, не оперился еще.

Агроном потихоньку копает под механика, а тот и внимания не обращает, пусть, мол, копает, я все равно сильнее его.

Докопал таки агронома, нашел, чем механика взять.

Позже-то узнали: механик запчасти и колеса к тракторам покупал, для этого в город ездил. Ну, там с какими-то ребятами дела и крутил. Покупал у них колеса по высокой цене и в совхоз привозил. А ребята ему за это деньги давали. Совхозу-то прямой убыток получался. Воровал он у совхоза. Вот это и раскопал агроном. Пришлось механику уволиться. А как он ругался, поносил агронома, а тот только улыбался. А как же! Агроном-то метил на коттедж, где механик жил, вот и достиг своего.

На что механик умный был, так он сам себя считал, а все равно пролетел. На умного, еще умнее нашелся.

Вот сидит Алеша в своей каморке, и думает про механика:

— Поднялся он высоко и земли не видел. Гордость-то людская отталкивает друг от друга. Смотришь, проходит время, и бывшие друзья уж не здороваются. Один до того поднялся, что не видит другого, больно тот маленький сделался, сверху не видно. А уж если умом гордится, начинают, тут уж вовсе.... У такого все вокруг дураки, только он умный. Гордость, как в коробку человека загоняет. И растут стенки этой коробки, пока не замуруют человека. Смотришь, и нет человека-то, одна коробка перед тобой.

Продолжение. Начало в №№ 4-5

Федор мылся в бане и разговаривал с Семеном, братом.

— Нет, ну что за народ! Стараясь для него, стараешься... Все впустую. Ничего не понимает.

— Дак у нас народ-то темный, — Семен, тракторист с мускулистыми увитыми жилами руками, поддал пару.

Из открытой дверцы вырвался горячий невидимый пар. У Федора отчаянно зажгло уши, но он терпел. Семен поддал еще раз, и Федор скатился с полка и стал на четвереньки на пол. Он стонал и кричал, но не столько от жары, сколько от ушибов полученных в справедливом сражении в клубе. Он защищал демократию от грязных посягательств в лице коммуниста и других несознательных элементов.

— Здорово мы дали коммунистам, — ухмыльнулся Семен.

— Да-а-а, — согласился Федор. Сам же морщился и потирал бока.

После бани они сели за стол, Нина, жена Семена принесла большое блюдо дымящихся пельменей. Семен вопросительно взглянул на жену.

— А где?

— Да нету ни у кого. Посылала я Сашку, он полдеревни оббегал. Ни у кого нет. Все скупил Мишка, Коляга брат.

— Ну, так сбегал бы к нему.

— Ага. Мишка-то загибает тройную цену.

— Как? — хором вскричали Федор с братом.

— А вот так! Отпили вы, мужички.

— Подожди, подожди... Как это так?... Почему он цены поднимает? — Забеспокоился Федор, — А куда власть смотрит?

— Власть, власть. Она у него на побегушках. Ему Табакеркин помогает.

— Нет, ну что делается! Загубят паразиты Россию. Точно загубят. Да вы то хоть мужики поднялись....

— Поднимутся они, как же, — Нина ехидно засмеялась, — они только пьяные храбрые. Нюрка давеча прибежала, вы что там, в клубе накуролесили. Она говорит, что всю мебель поломали, занавес со сцены оборвали. А крови-то, крови там...

— Да это все Стешин коммунист, — скривился Федор. — да еще военный там раскомандовался.

Пельмени без спиртного были какие-то пресные. Аппетит, конечно, безвозвратно пропал. Никакого настроения.

— Нина, — Федор нервничал и не мог скрыть этого, — а, что слышно про выезд? Ну, из деревни можно выехать?

— Не-а. Со всех сторон закрыта.

— А народ, что говорит?

— Ничего он не говорит. Стешин вон про эксперимент болтает.

— Значит, коммунист что-то знает, — подумал Федор и про себя решил на время помириться со Сте-

шиным, все выведать, а там видно будет.

Федор лежал на кровати и строил планы. На кухне Нина ругалась с мужем. До Федора доносились их голоса.

— Сено скоро кончится. Ты когда за сеном соберешься?

— Дак не проехать.

— Дак, дак... Думай что-нибудь. Собирай мужиков, дыру какую-нибудь делайте. Коровам же сено нужно.

— Да говорили мы с мужиками.

— Ну и что?

— Вовка Длинный пробовал на тракторе....

— Ну?

— Гну! Не мог проехать. Да и никто не проедет, пока не кончится это.

— А когда кончится?

— А кто его знает....

Стешин подводил неутешительные итоги. Лекция в клубе сорвалась. У него лично синяк под глазом, разбита губа. То, что большевики всегда терпели за правду, не очень-то успокаивало Стешина. Вроде бы все плохо. Но в голове вдруг мелькнула одна мысль. Однако поврежденная голова не смогла сразу ухватить беглянку. Внутренне Стешин чувствовал, что именно в этой мысли и скрывается выход. Но что за мысль проскочила в воспаленном сознании, не оставив следа?

Так, так, так... Идея насчет эксперимента, конечно, хороша. Молодец Стешин. Но надо ее еще подкрепить. А что если....

Вечер. На столе в стакане оплывает свеча. За столом сидят трое. Время десять часов, поэтому ребят удалили спать. Во главе стола находится веселый Михаил, по бокам Колян с Натальей. Миша достает из хозяйственной сумки ворох бумажных денег, и, расправляя, начинает складывать. На клеенке стола образуется несколько денежных пачек: пятерки, десятки, «полтинники» и сотенные. Все. Разбор денег закончен. На дне сумки гремят монеты, но Миша не обращает на них внимания. Окинув взглядом напряженных родственников, Михаил начинает считать. Делает он это с удивительной ловкостью, пальцы так и мелькают, денежки шуршат. Подняв глаза, Миша быстро производит подсчет, и облегченно вздохнув, отваливается на спинку стула.

— Все. Я, правда, ожидал большего, но все равно для первого раза неплохо. Совсем неплохо.

— Вот, Колян, твоя доля, а это, Наталья, твоя.... Да, вот еще, — он вывернул сумку на стол, по поверхности звеня, покатались монеты. — Это ребятам отдайте.

Наталья с Николаем пересчитали деньги и подняли

изумленные глаза на Михаила.

— Ну, как? А я вам, что говорил.... Скоро будет еще больше.

Наталья с мужем переглядывались и молчали. Они просто обалдели. Так просто и быстро можно зарабатывать деньги. Правду говорят: в городе легче живется. Они тут ломаются за копейки, а городские живут и в ус не дуют.

— Так, Николай, ночью ты будешь торговать. Цену не снижай, ссылайся на меня. Проблемы будут, сразу поднимай. Да, еще кобеля с цепи отпусти, пусть по двору бегает.

С десяти вечера посетителей заметно прибавилось. Колян брал деньги, заходил на кухню, отмерял мензуркой двести грамм — «дозу» и выливал в посуду, принесенную мужичками. Скоро он стал не успевать. На помощь пришла Наталья. К двум часам ночи поток посетителей начал иссякать. Колян с Натальей устали, приходилось считать деньги, к тому же чуть не каждому надо было объяснять, что цену установил Михаил, что он хозяин, а они лишь его помощники.

Утром пришел участковый Табакеркин. Он нашел продавцов самогона, поставил своего сына охранять, а сам поспешил к Михаилу. Довольный Михаил завел джип и через час склад пополнился большими бутылками самогона.

Прошли сутки. Любителей выпить в деревне, конечно, не убавилось, все они тянулись к Колиному дому. Возмущенных практически не осталось. Русский народ быстро привыкает к произволу.

В обед Наталья предложила новую идею: скупить все три магазинчика, деньги же есть и потом поднять цены. Миша задумался, затем сказал:

— Наталья, это мелко! Подожди, у меня одна мысль родилась. Обмозговать нужно. Вот тогда развернемся. А магазины.... Хлопот больше.

К вечеру в окно постучал один из бывших продавцов «дозы». Миша вышел и о чем-то долго с ним толковал. Вернулся он, потирая руки, и улыбаясь.

— Так, господа колхозники! Все идет как надо. Одна проблема, чтобы этот чертов туман, продержался хотя бы пару месяцев.

Иван Петрович, председатель колхоза, сидел у участка милиционера Табакеркина дома. Хозяйка потчевала его, за неимением водки, чаем. Разговоры вели самые простые: о погоде, о кольце, окружившем деревню. Кольцо народ воспринял спокойно. Мало ли чего на него в последние годы свалилось. Ничего — выживем.

Двери распахнулись так неожиданно, что хозяйка чуть не уронила чайную пару. В квартиру ворвался хозяин. Довольный, улыбка на лице, он держал в руках пачку денег, и очевидно хотел похвастаться перед женой.

Наткнувшись на враждебный взгляд председателя,

Табакеркин стушевался, и его рука с деньгами сама собой поползла за спину.

— Рассказывай, — сурово сказал Иван Петрович.

— А, что рассказывать?

— Откуда у тебя деньги? На побегушках у Мишки заработал?

Табакеркин постепенно справился с волнением и перешел в наступление.

— А что я должен делать? Мне предлагают работу, а я, должен отказываться?... Ты сам, Иван Петрович, знаешь, какая у меня зарплата.... К тому же у Михаила все законно, все разрешения есть, все подписи и печати.

— Да-а-а, — задумчиво и огорченно протянул Иван Петрович, — скупает нас капитал, скупает. Что же дальше будет? Где наша гордость народная?

— Какая к черту гордость? — вступила в разговор хозяйка, — ты посмотри, цены все растут и растут.... А в твоём колхозе только на гроб себе и заработаешь....

— Ну, что ты, Лиза. Я вот на той неделе ездил в область, так там обещали дать кредит. На технику и на закуп молодняка.

— Иван Петрович, — расходилась Лиза, — ты чего нам лапшу вешаешь, нам ее по телевизору хватает. Кредиты, кредиты.... Какие кредиты? Не будет ничего.... Ты вот посмотри, как люди в городе живут: А мы.... Как были нищетой, так и остались.... Вот ты, сколько налево лесу продал, а? А по какой цене ты технику закупил? А-а-а молчишь?... А моего мужа за честно заработанные деньги стыдишь!... Совести у тебя, Иван Петрович, нет!

— Ты это, Лизавета... потише, не надо так, — смущенно забормотал Табакеркин.

— Не надо говорить? А ты сам-то на что годишься? В менты он пошел.... Мужики-то на Севере деньги зарабатывают, а он только алкашей гоняет. Разогнать бы вас всех....

— Не ругайся, Лизавета. Деньги лучше возьми.

Иван Петрович понял, здесь разговор не получится. Он попросил Табакеркина зайти к нему в контору и откланялся.

Иван Петрович по привычке зашел на ферму и убедился, что все в порядке. Скотники на месте, доярки тоже. Как всегда ругаются, но работают.

Привычные думы о работе заполнили голову председателя. Сдача бухгалтерского отчета, снабжение, выбивание кредита и так далее. По многим вопросам необходимо ехать в район. А как? Сколько времени продлится это безобразие? А если надобно? Надо срочно набросать план действий. Порядок и дисциплина, вот что главное в такой ситуации.

Иван Петрович вошел в контору, поздоровался с секретаршей, открыл дверь в кабинет и направился к сейфу. Выпив «лекарства», он успокоился и более трезво стал рассуждать.

Первое, что надо сделать, это определить цель в

данной обстановке. Второе — объединить все силы: коммунистов, демократов, военных и новых русских. Третье — само собой возглавить такой союз. Четвертое — сделать прогнозы на будущее, что если это кольцо вокруг деревни останется надолго, года на два, а может быть навсегда. Ведь никто ни один человек в деревне не думает о таком варианте развития событий.

Иван Петрович думал, рассуждал сам с собой, а рука сама без его участия, все наливала и наливала.

Секретарша снова провожала Ивана Петровича домой. Стыдно? А что поделать? Человек с такими глубокими взглядами просто не может быть простым смертным. А если не может, то многое ему и прощается. Или не так?

Утром Иван Петрович зашел на конный двор. Поговорили с Матвеем о том, о сем и дед опять вернулся к своей повести.

Снова в пути Алеша. Долгонько ему идти. Не нашел он пары кольцу своему, да и жизнь-то он не узнал. Год почти по России-матушке идет и конца краю ей не видно.

Вот снова показалась деревня. Опять надо в работы наниматься. Но что же тут поделаешь, есть-то что-то надо.

Стал он ходить по дворам, искать работу. Вот заходит в один двор, а там ералаш сплошной, все раскидано, да разбросано, как будто и не живет никто. Только хотел он повернуться и уйти, как дверь избы открылась, и вылез на крыльцо мужик, годов сорока пяти. В теле мужик, весь какой-то грязный, заросший, совсем как изба его, давно ремонта не видела.

Буркнул мужик, чего, мол, надо. Алеша и ляпни:

— Работника вам не надо?

Мужик поглядел на него, покачал головой.

— Работник-то нужен, да платить нечем.

Алеша хотел уходить, да мужик останавливает, мол, помоги парень.

Алеша в помощи никому не отказывал. Повел его мужик в сарайку и показывает, смотри, как крыша проваливается.

Алеша посмотрел, работы много. Но раз обещал помочь, делать нечего. Стали они с мужиком крышу ремонтировать. Алеша наверху, на крыше доски меняет, а хозяин снизу их подает. Говорил ему Але-

ша, что доски совсем гнилые, да не послушал его хозяин. А может добрых-то, у него и не было. В общем, ступил Алеша не туда и споткнулся. Полетел он прямо на гнилые доски, да вместе с ними и рухнул на хозяина.

Зашибся, конечно, Алеша. Сидит, ногу да бок себе потирает, а у хозяина-то хуже, стонет и стонет мужик. Повредил ему Алеша спину, не разогнуться мужику. Вроде бы и не виноват Алеша, доски-то гнилые были, все равно переживает парень.

Затащил он хозяина в избу и положил на кровать. Видел Алеша бардак в домах, но здесь еще почище было. Кругом грязь, пол невымытый, углы паутиной заросли.

Делать нечего, побежал Алеша за Фельдшером. Вернулись быстро, Алеша всю дорогу казнил, что так получилось. Фельдшер посмотрела спину у хозяина, помяла руками и отправляет в город, на рентген. Но хозяин, как услышал про город, так наотрез отказался ехать, мол, здесь лечиться будет. Фельдшер покачала головой, да и ушла. А хозяин подозвал Алешу и жалобным голосом говорит:

— Испортил ты, парень, мне спину. Как я сейчас работать буду?

Алеша жалостливый, возьми и скажи мужику:

— Давай, мол, я у тебя поживу, помогу, пока спина не заживет.

Мужик покряхтел, покряхтел и согласился.

С того дня Алеша и стал жить у мужика. Фельдшер-то мазей каких-то выписала, выкупать их надо, а у мужика денег нет. Известное дело, сейчас в колхозах за хлеб, да молоко работают. Что делать? Пошел по деревне Алеша искать работу. Нашел у одного фермера, тот обещал деньгами платить. И пошла у Алеша веселая жизнь. Целый день с раннего утра он у фермера работает, а вечером у мужика порядок наводит. В избе прибрался, во дворе чистоту навел, за сарай принял-



ся. Да еще варить Алеше приходится, мужик-то встать не может — больной. Алеша и баню подремонтировал. Потом больного туда стаскал, вениками распаривал, вечером мази натирает, а мужику все равно не легче.

Как-то вечером лежит мужик на кровати, и вдруг говорить начал:

— Неправильно у нас в стране все. Не так надо. Я был бы президентом, указ бы издал, отобрать все богатства у богатых. Все их деньги в одну кассу бы. И на пенсию в сорок лет выводить начал бы. Ударило, к примеру, мужику сорок — получай деньги. Зараз много бы давал, а потом каждый месяц и подбрасывал бы, да столько, чтобы на жизнь хватало. А до сорока лет пусть пашут, работают все. Зато потом все — отдыхают. Так и продолжительность жизни бы увеличилась.

Слушает его Алеша и ничего не говорит.

А по деревне разговоры идут. Нашел, дескать, мужик дурачка, тот всю работу за него делает, да еще и кормит. Оказывается мужик этот лентяй из лентяев. Вон как хозяйство запустил. Жена когда-то была, да не выдержала, ушла.

Алеша разговоры не слушает, вину свою чувствует, старается изо всех сил. А мужику все равно плохо. Алеша даже переживать начал, не помрет ли мужик.

Вот однажды посылает мужик Алешу за водкой, мол, болит спина, мочи терпеть нету. Сбежал Алеша, принес. Сам не пьет, а мужику наливает. Выпил мужик стакан и еще посылает. Алеша смотрит и говорит, мол, в бутылке еще есть. Мужик не слушает, командует, да покрикивает и рукой за спину держится. Делать нечего, побегал Алеша. А когда вернулся, взял, да и заглянул в окно. Батюшки! Да мужик-то в избе, пляшет! Алеша обалдел, ведь не может мужик ходить. Он без помощи Алешы и не вставал ни разу, а тут...

Глядит Алеша в окно, а мужик-то хохочет, пляшет по избе, только половицы трещат.

Заходит Алеша в избу, мужик увидел его и сразу в кровать и кряхтеть, паразит, начал. Но потом глядит, все, раскрылся обман. Не болела у него спина. Приставлялся он, чтобы Алеша работал на него. И как начал мужик ругаться, откуда что взялось. И так кроет Алешу, и так...

Ничего не сказал ему Алеша, молча поставил он бутылку на стол, да и вышел.

Идет он за деревней и думает:

— Неужели и лень нашей стране выгодна? А, похоже, что так. Ленивый человек он что бревно, мохом зарастает. Ничего ему не надо, никуда он не торопится. До лампочки ему все. Ну и что, что там людей убивают, лишь бы его не трогали. Ум без работы тоже мохом обрастает, вот человек и думать разучивается. Выгодно это государству? Конечно, выгодно! Чем меньше человек думает, тем меньше и понимает и требует. Да, лень — великая сила.

Великие умы деревни думали. В их числе был, конечно, и Скарлыгин. Подполковник строил стратегические планы. В них значительное место занимал офицерский состав. Э-эх. Если бы они еще не пили... Ничего, справимся.

Стратегический план в голове Скарлыгина нарисовался быстро, а вот с тактикой дело обстояло хуже. Как тут применить что-то из военной области, когда личного состава раз-два и обчелся. Да и тот нестройной.

Подполковник пил чай и смотрел в окно. Скоро должны были подойти офицеры запаса. За ними сбежал хозяйский мальчишка. А все-таки, что это за кольцо вокруг деревни? Учения? Нет, не может быть. Инопланетяне? Это вообще чепуха.

В дверь постучали. Один за другим заходили офицеры запаса. Снимая валенки, шапки они приглаживали непослушные волосы, четко здоровались и чинно проходили в большую комнату.

Началось заседание штаба. Подполковник Скарлыгин, командующий вооруженными силами деревни, которых пока не было, стоял, оперевшись кулаками на стол, и смотрел холодным взглядом на каждого. Офицеры, вспоминая службу, опускали глаза, они чувствовали предстоящий разнос. Обычно такой разнос сопровождался матами и обвинениями в адрес каждого.

Но Скарлыгин поступил иначе.

— Итак, товарищи офицеры, — благожелательно начал он, — сначала я хочу узнать ваше мнение о ситуации в деревне. Прошу высказываться. Начнем с ... как ваше звание?

— Капитан танковых войск Лемешев, товарищ подполковник, — вскочил и четко отрапортовал первый сидящий.

— Начнем с капитана. Слушаем вас.

— Обстановка в деревне, товарищ подполковник, прямо сказать удручающая. Личный состав, то есть колхозники, совсем потеряли чувство дисциплины. Пьют сволочи. Председатель колхоза, как съездил на курорт, так уже второй месяц продолжает лечиться. Техника в аварийном состоянии. Это колхозная. У частных она в полном порядке. У меня все, товарищ подполковник.

— Следующий.

Обстановку докладывал бывший майор авиации.

— Товарищ подполковник, — докладывал майор, — по моим наблюдениям, противник активизируется. Они призывают в свои армии, то есть партии большой количество мирного населения. Власть в лице участкового бездействует. Никаких мер по пресечению беспорядков не принимает. У меня все.

Старший лейтенант разведки доложил более обстоятельно. Он отметил незаконную продажу спиртного и расхлябанность колхозников. Остальные повторили почти то же самое.

Скарлыгин подвел итоги.

— Товарищи офицеры! — голос его зазвенел сталью, — вы сами видите, что необходимо срочно брать власть

в свои руки и наводить во вверенной мне территории армейский порядок. Но...

Подполковник оглянулся по сторонам, понизил голос и продолжил:

— Сейчас преждевременно предпринимать какие-то действия. Мы недостаточно изучили противника. Хотя это и колхозники, но не надо забывать и о руководителях партий. Я хорошо знаю этих новых русских, демократов и коммунистов. Разведка и изучение слабых сторон противника. Вот наша задача на данном этапе операции. Кстати назовем ее «Разрыв». Сегодня дам конкретные задания каждому офицеру. О соблюдении тайны говорить не буду. Вы все кадровые офицеры.

Дальше Скарлыгин распределил задания, в заключении напомнил о том, что к следующему заседанию штаба, они должны представить данные об оружии. Где, сколько, и какого вида находится?

— Федька, что, паразит, делаешь? — голос матери звучал сурово и угрожающе.

Федор затравлено оглянулся. Мать приближалась, держа в руках внушительную сучковатую палку. Федор лихорадочно чиркал коробком спичек по запалу самодельного «поджига», ребячьего пистолета, стреляющего дробью, обрезками гвоздей и другой дребедню.

Запал не зажигался. Не успевает! Когда еще представится случай. А такая заманчивая цель, обтянутое зелеными штанами мягкое место самого зловредного старика по всей деревне. Этот старик, когда ловил в своем огороде ребятишек, засовывал им в штаны жгучую крапиву и садистки смеялся.

Вот ему и хотел Федор вклеить из своего «поджига». Все! Точно не успел. Мать замахивается проказливого отпрыска, и с криком опускает палку на узкую мальчишечью спину.

Такого кошмарного сна Федор не видел давно. Холодный пот стекал по липкой спине. Сердце колотилось так, что казалось вот-вот и выпрыгнет.

Федор завтракал и вспоминал свой сон. Не то, чтобы он верил во сны, но все-таки что-то в этом есть. Не зря, ох не зря приснился сон. Надо ждать удара и удара от близкого человека. Федор начал вспоминать, что говорил о вещих снах его приятель-экстрасенс. Выплыло в памяти «столоверчение», на котором Федор присутствовал. Оттуда ум перекинулся на примеры из истории. Нет, хватит, пора приниматься за работу.

Федор разложил на столе чистые листы бумаги и приступил. Надо признать, подготовка у него имела. Он был все-таки инструктором райкома партии в свое время.

Новые идеи рождались почти мгновенно. Федор еле успевал записывать.

Буквально через два часа на трех страницах была набросана перспектива развития деревни, столь гранди-

озные, что даже сам Федор слегка удивлялся своему могучему и гибкому уму.

А вот обработка деталей и положений заняла не один час. Федор измучился, подбирая простые слова. Не каждый колхозник поймет современные политические и экономические понятия. Надо попроще. А как? Пришлось порыться в сельской библиотеке. Набрал полную сумку книг, Федор на крыльце встретился со своим заклятым врагом коммунистом Стешиным. Быстро оглянувшись по сторонам, они прошипели ругательства и разбежались.

Дома Федор начал штудировать литературу. Зимние дни короткие. Нина, жена брата, начала ворчать, что зря Федор жжет свечи, пригодятся еще. Делать нечего. Пришлось отложить до завтра.

С утра Федор с удвоенным упорством вгрызся в книжные премудрости. К обеду заметно побаливала голова, зато на столе лежала кипа исписанных страниц

— Какой труд! Будущее деревни! — удовлетворенно думал Федор.

Коммунист Стешин подготовился не менее значительно, чем демократ Федор.

Сейчас он шагал к дому, где остановился Скарлыгин, бывший подполковник, и размышлял: «Сможет ли он довести до военного свои идеи, сможет ли Скарлыгин понять то, что предложит ему Стешин».

Войдя в дом, Стешин степенно поздоровался с хозяйками, спросил разрешения пройти в комнату к подполковнику и, получив, вошел.

Скарлыгин, сцепив руки за головой, развалился на стуле. Он чуть свысока смотрел на непрошеного гостя. Чего, мол, пришел?

Стешин, конечно, почувствовал отношение военного, но это его ничуть не смутило. Он присел на уголок стула, раскрыл коричневую кожаную папку и достал несколько исписанных листов бумаги.

— Товарищ подполковник, разрешите кое-что вам сообщить?

Скарлыгин мотнул головой. Валяй....

— Как вы знаете, положение в деревне угрожающее... Котельная не работает, клуб разможен, колхозники маются без электричества. В пекарне муки осталось около двадцати тонн, что очень мало. Колхозники не могут выехать за границы кольца, там у них запасенное на зиму сено. Скоро им нечем будет кормить коров. Еще хуже с кормами в колхозе. В деревне начинается разброд. В довершение ко всему демократ Федор объединяется с Мишкой, новым русским... Поймите, быть беде!

Скарлыгин подавил вспышку, а может быть, она была отретегирована годами службы, кто знает.

— Говори, я слушаю, — хмуро произнес он.

Окончание следует.

Зерна солнца

Сила притяжения поэзии Любви Ладейщиковой такова, что, раскрыв «Колыбельную тайну» или «Свечу негасимую», прочитываешь их до конца на одном дыхании... Такого рода признания нередко приходится слышать от самостоятельно мыслящих ценителей поэзии, проявляющих устойчивый интерес к этому полюбившемуся поэтическому имени.

Читая произведения Любви Ладейщиковой, сразу же ощущаешь исцеляющее воздействие и строгую гармонию её проникновенной лирики, и начинаешь воспринимать стихотворения и поэмы как цельный растущий организм, «плодоносящую ветку», не только не сломившуюся от разрушительных бурь последнего десятилетия, а наоборот, мужественно склонившуюся в сторону традиционной для России, но явно «непрестижной» ныне гражданственности. «Проступит державная женственность строк...» — это предчувствие не обмануло ни автора, ни читателя. И приятно отметить, что первая журнальная публикация Любви Ладейщиковой состоялась именно в журнале «Уральский следопыт», в 1967 г.

Любовь Ладейщикова родилась 1 декабря 1946 года в Екатеринбурге (Свердловске), она член Союза Писателей России (СССР) с 1980 года. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Участник Всемирного Форума поэзии. Печатается с 1965 года. Автор многих значительных публикаций и книг, изданных в столичных и региональных издательствах. Особое место в творчестве поэта занимают объёмная и глубокая книга избранной лирики «Колыбельная тайна» (1994), бессонный дневник «Свеча негасимая» (1993), написанный в переломный период отечественной истории, а также недавно изданная книга «Крестный ключ» — поэтический диалог эпох и поколений, классики и современности, наполненный «кипящим» достоинством, бесстрашием и свободой. Блоковское «чувство пути» дополнено у Любви Ладейщиковой немеркнувшей, светоносной энергией, не случайно ключевыми, лейтмотивными образами её поэзии являются «свеча негасимая», «зёрна солнца», «пламя в колодезном росте», «луч в глазах тысячелетней тьмы», «горький огонь», «запретные звёзды», «живое время». Жизнь человечества, увы, противоборство ненависти и любви:

*Пуškai, хмелея от огня и дыма,
Стирает время буквы в строке,
История любви — непоправима,
Как крестный ключ в родительском замке.*

За три с половиной десятилетия работы в поэзии Любви Ладейщиковой, по определению критики, удалось создать узнаваемый поэтический мир, неповторимую «Материнскую Вселенную». В её творчестве ощутимо присутствует «державность» мышления, сформировавшая целостную образную систему, про-

низанную глубинной материнской философией. Извечные философские проблемы смысла жизни и противоречивой сути бытия звучат в поэзии Ладейщиковой по-женски проникновенно, по-матерински «болезненно» (термин Ф. Достоевского). «Она живёт, своей судьбой гармонизируя пространство», мечтая исцелить и поставить на ноги «заболевшую землю свою...» Лирика Любви Ладейщиковой узнаваема именно неповторимым сочетанием материнской любви и целомудренной бессмертной страсти:

*Открылось мне, что истина есть Бог
В час родовой, нетленный, неслучайный
И нет иного Геня, чтоб смог,
Создав любовь, увековечить тайну...*

«Горька судьба поэтов всех племён, тяжеле всех судьба казнит Россию» — писал поэт пушкинской поры В. Кюхельбекер. Отнюдь не в меньшей степени это касается и женщин-поэтов. Ведь у истинного поэта всегда ранимая, «босая», по выражению В. Высоцкого, открытая миру душа. Ссылаясь на диссонансы нынешнего времени, кто-то скажет, что сейчас не до поэзии. Но настоящий художник имеет шанс быть услышанным: творчество его может быть принятым или отвергнутым, даже стать «фигурой умолчания», но равнодушного отношения к подлинным поэтам не бывает. На мой взгляд, «черёд» стихов нашей современницы и соотечественницы Любви Ладейщиковой настал уже сейчас. Мастер лирической исповеди, Любовь Ладейщикова чутко реагирует на драматические коллизии современной действительности. Произведения последних лет отличаются болевой глубиной, полны глобальных предчувствий и обострённо-личностных обобщений. В поэзии Ладейщиковой нет фальши, ложной многозначительности и господствующей ныне «приблизительности». В её афористичных стихах преобладает не игра словами, а выстраданный и выношенный полноценный художественный образ:

*Русь — полынья с ледяной водою,
Полная тающих звёзд.*

Её книги — не собрание случайных стихотворений, в них всегда присутствует сквозной лирический сюжет, неповторимое дыхание и судьба... Под рукой мастера оживает и принимает личностные черты даже застывшая форма сонета. Великолепен написанный в этом году поэменный венок сонетов «Достоинство», вместивший духовный опыт древнего «лодейного» рода, вписанного в евразийскую историю и современность:

*Тысячелетий свод — не колумбарий.
России нужен род — пассионарий -
Гуманный дух с достоинством корней...*

Вот этот гуманный светоносный пассионарный дух — и лежит в основе творчества Любви Ладейщиковой, стремящейся сохранить и передать из поколения в поколения «зёрна солнца и ветер свободы».

*В. Кардапольцева,
кандидат филологических наук*



Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

Суицидальный сонет

Когда сбегают крысы с корабля,
Не жди, страна, покоя и уюта,
Крушение проплачено в рублях,
Но греет закордонная валюта.

Ломать — не строить. Бортанули круто.
И мальчики понадобились для,
И девочки нашлись — ночная тля,
И ловкие пловцы — певцы маршрута.

Похмельный стон — бессмысленный урок,
Век — наркоман, погибели пророк, —
Иных широт заботливый мессия.

Самоубийство — вечный компромат.
Спи, ненависти знамя и закат,
Мне жаль тебя: ты не любил Россию.

2001

Две тысячи первый

Две тысячи первый, что в полночь умрёт,
В окне отразился сурово,
Как чётко очерченный горечью рот,
Таящий точёное слово.

В нём — звёзды империй, крушение имён,
Зеркальные сполохи судеб,
И речь моя — хрупкий осколок времён
В бессмертном вселенском сосуде.

31. 12. 2001

Факел

Душа нетленна... Но земного времени
Осталось так немного на счету,
Что я в глаза предательскому племени
Гляжу, а вижу — мрак и пустоту.

Взмывая над плевками и объятьями,
Смеясь в лицо льстецу и палачу,
Как факел, задуваемый собратьями,
В бесстрашном измерении лечу.

2.01.2002

Кочевая Россия

«Свободы сеятель пустынный...»

А.С.Пушкин

Нет больше Родины единой —
Стада... Народы... Облака...
...Так отколовшиеся льдины
Относит времени река.

Нищает Русь, душа бомжует,
Повсюду говор кочевой, —
И судьбы нищих и буржуев
Одной повиты бечевой.

Зачем над бездною рутинной
Пытаюсь свет зажечь во мгле?
«...Свободы сеятель пустынный»
Сраженный, спит в сырой земле.

10 — 11. 09. 2001

Запретные звезды

Замри на мгновенье — и вглубь посмотри —
Увидишь сиянье во мгле:
Запретные звезды мерцают внутри,
В нетленном вселенском котле.

Их жар запредельных достиг величин,
Но вечность не может сгореть,
И множество есть для запретов причин,
И лучше в огонь не смотреть.

Но если бесстрашно в кипящей дали
Откроешь рискованный свет,
То он снизойдет до забытой земли,
Снимая покров и запрет.

И тайны людские, и тайны светил
Растают, как сговор и спор...
...Сияйте, покуда огонь не остыл!
Вас просто не видят в упор.

2000

Взаимный свет

Алексею Решетову

Сердца насквозь прочитаны, как книги,
Где слов настрой родней, чем брат с сестрой.
Поэзия!.. Бессильны все интриги,
Когда гора встречается с горой.

Цветут подножья, светятся вершины,
Когда с поэтом сходится поэт...
Душа и Дух — не женщина с мужчиной,
А только свет — взаимный, долгий свет.

07. 01. 2002

Капсула

О.Р.

Жизнь — капсула, вмещающая дух,
Хранилище огня, любви и света,
Двустворчато скрывающая в двух
Влекомых половинках страсть запрета.

Прекрасен плод, как капсула сонета.
Жизнь мельтешит, как тополиный пух,
Но тараканья капсула и мух
Жужжание — бессмертия примета.

Жизнь подбирает всех — за слоем слой
И в капсулу земли, как перегной,
Ложатся травы, люди и столетья...

В ладонях нитрокапсула дрожит.
Ее принять, как чудо, надлежит,
Чтоб пережить тысячелетье третье.

1.12.2000

Зёрна солнца

Пусть останется свет... У порога
Зажигаю лампаду свою,
Но дитя собирая в дорогу,
Зёрна солнца в ладони сую.

И, как миром не признанный мастер,
Изгоняемый всюду взашей,
Завещаю энергию страсти
В корневой оболочке вещей.

2000



Валерий БУЛАНОВ

Родился 2 июня 1941 года в г. Свердловске.

Окончил школу № 9, музыкальное училище им. Чайковского, а потом — Уральскую государственную консерваторию им. Мусоргского.

С 1958 г. совмещал работу и учебу, руководил различными хорами.

В 1979 г. совместно с Ниной Булановой открыл первую на Урале Детскую хоровую школу № 1 при средней школе № 43, на ее базе основал Муниципальный классик-хор «Аврора», ставший лауреатом многочисленных международных конкурсов. Именно этот коллектив в 1990-м г. первым на Урале «прорубил окно в Европу», получив высшую награду на конкурсе в Бельгии. Потом хор стал обладателем Сертификата качества Ассоциации хормейстеров США «За выдающийся вклад в улучшение качества хорового пения». Хором выпущено несколько компакт-дисков.

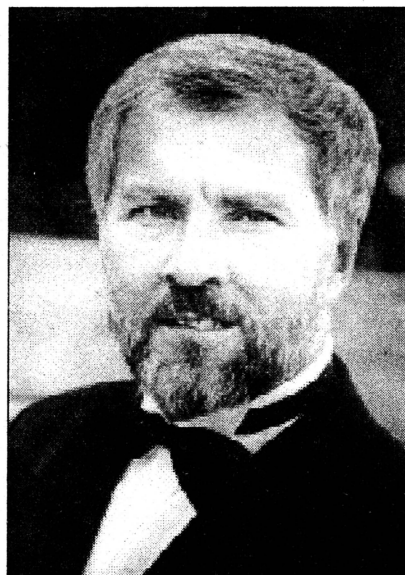
В 1996 г. В. Г. Буланову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации».

В 1997 г. награжден Премией Губернатора Свердловской области за выдающийся вклад в области литературы и искусства.

В 1998 г. хор «Аврора» занесен в «Золотую Книгу Урала. Наши надежды» за выдающиеся достижения в номинации «Культура».

В 1998 г. награжден Почетным знаком «За заслуги перед городом Екатеринбургом».

Любит детей, каждую репетицию начинает словами: «Детки, давайте займемся Вашим здоровьем». Детство провел в деревне. Всю жизнь ходит в водные походы, часто в одиночку.



Вирус странствий

Моему брату Владимиру Шорикову

Наполеон охотился за голавлем вторую неделю, обхаживал его, как капризную невесту. Сроду ловил самой простецкой снастью, признавал червя, кобылку да пескарика, а как обзарился на этого красавца, чего только не испробовал. И саранчу ему верхоплавом подпускал, и тину, и шмеля, и стрекозу живую ниткой к крючку приматывал, чтоб крыльями по воде играла, — нет, не берет подлец, сторонится приманки или уходит со струи на глубину.

Наполеон ставил на ночь и донки, и жерлицы, ставил в таких местах, что не объедешь, не обойдешь и мимо не проплывешь. И лягушонка насаживал, и выползка, и мышшь, и того же пескарика, — не клюет голавль! Добавлял в меню хлебные шарики, накатанные с тертым чесноком и клочками ваты, чтобы прочнее на крючке держались, кубики плавленого сыра, свеклу варил в постном масле и даже зеленый горошек вымачивал в анисовых каплях, в общем, все перепробовал, что знал, но голавль — ноль внимания на все эти лукавые подношения.

Клевать-то клевало, но не то. Попадали шуки, язи, добрые окуни и сороги, голавлики до килограмма, но

все это была мелочь, никакого сравнения. Голавль с того утра не клюнул ни разу, будто голодовку объявил. Ладно хоть яму свою не бросил, стоянку не сменил.

А Наполеон как вспомнит хруст удилица после первого же удара, эти бешеные рыбки, заставившие перехватиться за леску и забрести в воду, порезы на стигах мизинцев, так снова дыхание срывается и руки ходуном ходят. Увидеть рыбину Наполеон все-таки успел, подтащил ее из тумана почти к ногам, метра на три. На миг вспыхнул под водой бок в серебряных полтинниках, огненное перо, да показалась из буруна раздвоенная лопата черного хвоста. Наполеона окатило с головой, ударило по коленям, и остался в трясущихся руках только обрывок жилки, завившийся крупной спиралью.

С этого утра он и окрестил голавля Бычком.

Наполеон хранил заветное место в глубокой тайне и от деревенских рыбаков, и от городских. Свои, если пронохают, могут перегорить яму с двух сторон сетями и загнать в них Бычка ботом, а чужие, которые горожане, тоже чего доброго сумеют исхитриться и своими заграничными снастями невзначай зацепить рыбину.

В солнечную погоду Наполеон не раз пытался увидеть Бычка из кустов или с обрыва, запоминал его тропы и стоянки. Он так сжился в мыслях с голавлем, что считал его своей законной собственностью. Каждый раз приходя на яму проверять донки или поводить кобылку по тягуну, Наполеон разговаривал с ним как с домашней скотиной, — когда добром, когда строго, а когда и совсем сердито:

— Какого тебе еще рожна надо, хабазина ты толстомытая? Такого сладкого мыша даже не понюхал. Вишь ты, рыло отворотил.

Наполеон смахнул с шеи комаров и достал негнущимися черными пальцами берестяную коробочку с новым угощением:

— На вот тебе ворубушка на ужин. Семя конопляного натер да в ем зажарил. Сам бы ел, да ты голодный. Скус — куда там рябчику! Перед такой закуской и у сомов нервы не выдерживают, так што не поморгуй. В крайности, до утра оставь, а уж утром не зевай.

И Наполеон в нутро жареного воробья вероломно прятал крепкий трюник.

А утром сегодня тихо подходил к яме, оставляя за собой зеленую дорожку в белой от росы траве, и в глубине души надеялся, что леска натянута до звона и только тронь ее, вода в яме взбурится от упорных рывков.

Леска действительно оказалась натянутой, но подалась без усилий. А на тройнике висели обсосанные кем-то за ночь останки воробья да пучеглазый сопливый ерш.

Наполеон заново наживил и забросил донку, потом настроил удочку и начал ловить в проводку, то выводя насадку на струю, то отпуская ее под самые кусты. И при этом не переставал выговаривать голавлю:

— Погоди, не заносись. Быть Бычку на веревочке! Не таких гордых имали.

Хотя рыбыны такой Наполеон отродясь не выдывал.

По воде из деревни доносило мычание, петушьи крики, стрельяние заводимого трактора, обрывки разговоров про вчерашнюю кошенину. Неумолчно, как часы, тикал молоток по жалю косы. До того ясно все слышалось, будто деревня не за третьей кривулиной стояла, а совсем рядом.

Мимо Наполеона, не заметив его среди кустов, прошли тяжело нагруженные туристы: два то ли парня, то ли мужика, и с ними модные дамочки с красными ногтями. Вырядились, как на массовку. Расположились лагерем по соседству, за поворотом. Ахали, галдели, топали, хохотали. А когда пригрело солнышко, полезли купаться и барахтались в воде, как табун копей.

Ну все, теперь хрен, не рыбалка. Да и солнышко высоко, домой пора, а то опять ворчания до вечера хватит, тем более, что ни рыбки сегодня не попало. Как бы не к дождю. К обеду гребиво должно поспеть.

Наполеон еще несколько раз провел насадку туда и обратно на всю длину лески, делая мягкие остановки, потом смотал удочку и отправился в домашнюю сторону. И в этот момент за спиной у него раздался один за другим два взрыва.

Наполеон опешил и резко остановился от неожиданности, будто на стенку налетел. Давно такого не было. Пожалуй, с того года, как перебравшие по случаю отъезда буровики из пьяного куража швырнули

на прощанье в Мишину протоку несколько взрывпакетов. А всю выхлестанную рыбу унесло течением. С тех пор осталась на берегу метка — здоровая воронка, наполненная водой — один взрывпакет, брошенный пьяной рукой, до воды не долетел. Воронку с годами заносило илом. Сейчас на ее месте заливчик по колено.

Но когда это было? А эти прохвосты, нагло, не таясь, средь бела дня! Ну погодите, судье вымя! Ишь, притихли падлюки, ни визгу, ни смеху. Наверно, уж мерёжу с глушеной рыбой из воды волокут.

Наполеон сунул руку за спину, проверил, на месте ли топорик, заткнутый за ремень, и кинулся бегом в сторону взрывов, к давешним туристам.

Туристы мережу с рыбой из воды не волокли, стояли на берегу в замороженных позах. Челюсти отвешены, глаза стеклянно смотрят под ноги. Наполеон подбежал вплотную. Под ногами у туристов лежали оранжево-васильковые лохмотья. Две бывшие резиновые лодки. А вокруг нарядно серебрилось медленно оседающее облако тальковой пыли.

А ведь как хорошо, как славно все начиналось! Начиналось в конце осени, когда время тащится тяжело, как воз в гору. В иной день глухого предзимья, если выглянет по ошибке солнышко, так и ждешь, что вот этот вот-вот остановится, слегка осядет и со стуком весело покатится назад под гору, через октябрьскую елочку в светлые деньки бабьего лета, до которого еще рукой подать.

Но воз медленно и скрипуче въезжает в декабрь. Глаза без надежды выискивают среди заоконной белизны хоть какую-нибудь летнюю приметку и, как счастливой находке, радуются малой травинке, проклюнувшейся в горшке со столетником.

Сладко в такую пору думать о лете и невозможно поверить, что оно сумеет наступить снова.

Вот за этими самыми мыслями и разговорами два приятеля почувствовали сначала признаки легкого недомогания, потом болезнь потихоньку набрала силу. Причиной этой странной болезни явился древний, но так и неизученный вирус. Вирус странствий. Внедрился он в души наших приятелей, может, вчера, а, может, еще в ту прозрачную пору, когда за чтением о Робинзоне забывали и об уроках, и о еде.

Приятель лелеял и подкармливал свою болезнь. Всю бесконечную зиму вели разговоры о водном походе, мечтали о прелестях беззаботной кочевой жизни.

Неужто когда-нибудь солнышко вытащит людей из шуб-берлог, сорвет с них шапки с толстыми шарфами-удавами, пронафталинит и упрячет подальше в бездонные шкафы?

Неужто будет в одной рубашке жарко?

Неужто снова реки побегут, рыбой заплещутся, грозы загремят, утки в заводах закрякают?

Неужто травы луговые наполнятся стрекотом и

пестрым порханием, а воздух будет кружить голову и горчить от цветочной пыльцы?

Неужто грибы попрут, а земляника горстями осыплет пеньки на вырубках?

И приятели, люди еще недавно вполне здоровые и дееспособные, погружались в ожидание далекого лета. Но в отличие от путешественников-заочников не удовлетворились мечтами и чужими рассказами о походах, а делали вполне осмысленные шаги навстречу летним странствиям.

Для начала они провели психологическую диверсию — неспешно и ненавязчиво, как они считали, развенчали в глазах жен незыблемую твердыню отдыха под названием «ожужный вариант»: там все на «ща» — и теснотища, и жарыща, и очередищи. А уж цены!... Да и надоело одно и то же, в конце концов, черт побери! Мастища, а не отдых.

Конечно, море остается морем, но ведь и река тоже мокрая, хотя и несоленая. Сколько можно за тыщи верст киселя хлебать? Похлебали и хватит. Да после этого юга человеку не меньше месяца здоровье восстанавливать надо, к нормальной жизни адаптироваться. Нынче умные-то люди недалеко от дома так отдыхают, что никакие юга не срываются.

Потом приятели убаюкали женский страх перед комарами, хроническими дождями, холодом ночей. С неопровержимой мужской логикой доказали, что месяц отдыха на реке решительно ничем не отличается от воскресных солнечных пикников, любимых обеими половинами человечества. Далее в ход пошли мелкие хитрости: охи и ахи знакомых, побывавших в водных походах, любительские фильмы и загар, превосходящий цветом и прочностью сочинский (тут приходилось верить на слово, так как все загары — от сочинских до староуткиных — давно сошли), а также утверждение, что нынче все нормальные люди отдыхают с веслом в руках.

Аргумент был весомый — кто же захочет отстаивать от нормальных людей? Но последние доводы, раскрывшие женские сердца навстречу свежему походному ветру, привела Арифметика: отпуск на юге обходится молодой семье в некую круглую сумму. Друзья подсчитали, что, если часть этой суммы потратить на снаряжение для похода, на легкую и удобную экипировку, то на оставшиеся деньги можно совершить и сам поход. И еще немного останется на период финансового кризиса между окончанием похода и ближайшей получкой.

Кругом одни выгоды, но и это еще не все. Ведь походное снаряжение при нормальном обращении с ним будет служить годы и годы, а значит, сумму, потраченную на него, нужно умножить на количество этих лет, и, глядишь, отдых на лоне родной природы обернется не только могучим здоровьем, но и невероятной экономией, прямой материальной выгодой. Даже очертания «жигуленка» наместились в розово-туманной дали.

Решили рискнуть. И испытать будущим летом «до-

машний вариант». В конце концов в любой момент можно переиграть. И вот уже собирались по выходным, обменивались добытой информацией, бегали по магазинам спорттоваров и заказывали недостающее командированным в Москву. Читали литературу, пробовали на вкус новые слова, которым предстояло стать необходимыми.

Готовились основательно. Ближе к весне составляли списки, исходя из мудрого принципа — брать с собой только то, без чего невозможно обойтись. Поэтому удобства типа утюга, гарнитура походной мебели, самовара, а также гантелей для утренней зарядки по здравому размышлению и под нажимом суровой действительности в список не попали. Обсуждались сравнительные достоинства и недостатки польских и русских палаток, рюкзаков «Турист» и «Ягуар», индийских и японских удилищ, жидкостных и осевых компасов, спальных мешков (только типа «одеяло») с ватной и синтетической начинкой, прорезиненных плащей и штормовок, натертых свечкой и проглаженных утюгом на металлическом листе. И так далее до полутора сот наименований, включая всякую мелочь.

Постепенно обзавелись снаряжением.

Облюбовали реку и наметили Первый Маршрут. Не было только плавсредств. После изнурительных дебатов остановились на резиновых лодках, но не каких-нибудь, а самых-самых. Легкость, непотопляемость, очаровательная простота сборки, минимальный ремнабор, маневренность, наконец, неплохая скорость — все это и определило выбор.

И вот однажды, потратив немало сил и времени, умаслив всемогущего сотрудника базы Спорткультурторга, наши упорные мечтатели сделали обладателями двух великолепных надувнушек, еще не появившихся в продаже. На лодки невозможно было налюбоваться — легкие, прочные, нарядные и уж, конечно, ходкие. В общем, импортные. И, само собой, дорогие. Ну просто воплощенная мечта. Лодки сразу сделались любимцами, а все остальное снаряжение — симпатичным к ним приложением.

Промчалась сияющая весна. Несмотря на зимние опасения, вовремя наступило лето, и часть его прошла незаметно в спешной работе и последних приготовлениях. И, наконец, настал Великий День Отправления в Поход!

Большинство людей бывает счастливо задним умом, когда от чего-то приятного, но оставшегося в прошлом, их отделяет время, достаточное, чтобы оценить не само счастье, а размеры опустошения, вызванного его утратой.

Но иногда выпадает счастье настолько захватывающее, что те же самые люди, привыкшие ностальгически вздыхать по невозвратным дням, узнают его сразу и с изумлением понимают, что вот сейчас они

счастливы, прямо с этой минуты! И пусть это продлится как можно дольше.

Так было и с нашими путешественниками. Счастливики ночь тряслись в общем вагоне — в купе с таким грузом не пускают — потом в маленьком переполненном автобусе, не видя друг друга сквозь плотные клубы белой пыли. Размеры рюкзаков и упаковок со снаряжением наводили на мысль, что строгой комиссией, отбиравшей в поход только крайне необходимые вещи, возможно, самую малость недоставало аскетизма, спартанской закваски.

Наконец, сгибаясь пополам и даже не имея возможности отогнать ноющих комаров, охотнее льнущих к свежим людям, новоявленные туристы прибыли на берег облюбованной реки.

Вот она, родимая! Действительно, красавица! А воздух какой! А тишина! Все сбылось: и рыба плещется в тумане, и утки в камышах крикают, и стрекозы синие на осоке сидят, ждут, когда солнце утренний холодок прогонит.

Не успев отдышаться, поскорее накачали лодки. Импортные красавицы блестели оранжево-васильковыми боками и мелодично позванивали от прикосновения.

Пригрело солнышко. Спасаясь от жары, долго купались и вообще, вели себя, как узники, вкушившие восхитительной свободы после долгого заточения. Время от времени бросали нежные взгляды на чудолодки, терпеливо ожидавшие их на травке и обещающие месяц упительного отдыха.

Взрыв раздался как гром среди ясного неба. Онемевшие купальщики мигом оказались на берегу и, не желая верить глазам, созерцали бесформенный блин с рваными краями, лежащий на месте исчезнувшей лодки. Они лихорадочно вычисляли причину катастрофы и озирались в поисках злоумышленника, прикончившего их отпуск.

Из столбняка путешественников вывел второй взрыв. Он же и развеял последние иллюзии по поводу взлелеянного в мечтах отдыха. Это был триумф нудной Назидательности, дождавшейся своего часа и с упоением заявившей о себе: любому школьнику известно, что воздух при нагревании расширяется. И лодки, оставленные под лучами ласкового солнышка, в какую-то секунду из вместилища самых радужных надежд превратились в безнадежные лохмотья.

Это была катастрофа, крушение всех планов. Больше всего давила беспощадная непоправимость случившегося. Только что все было так чудесно — красивые лодки, отличная погода, отпуск! И все оборвалось! Будущее путешествие сразу превратилось в бывшее, миновав самую заманчивую стадию — промежуточную.

На взрывы прибежал взъерошенный дедок с удочкой, одетый в зимнюю шапку с поднятыми ушами, телогрейку, мокрые до колен штаны и галоши на босу ногу. Не здороваясь, присел на корточки, долго щу-

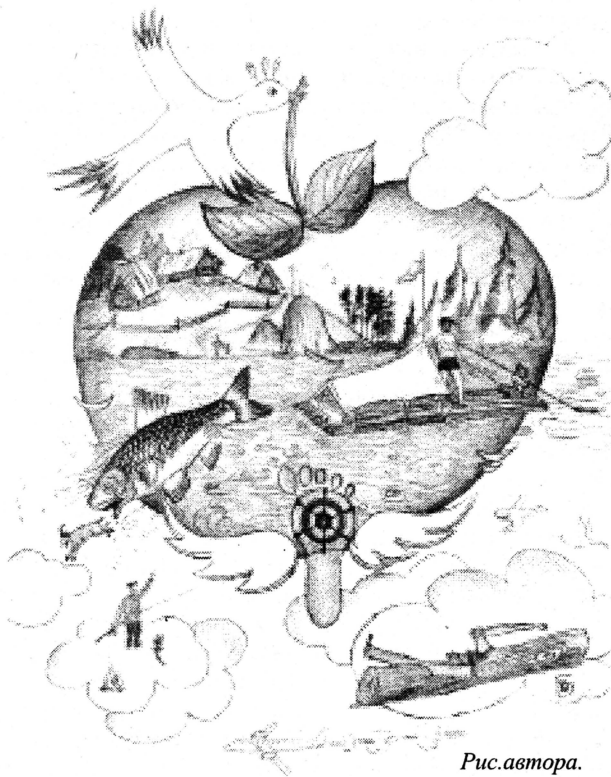


Рис. автора.

пал резиновые лохмотья, как врач исследует пульс, надеясь, что больной еще жив, качал головой и вздыхал.

— Лопнули лодочки, накрылись, — объявил дед на случай, если у потерпевших остались на этот счет какие-либо сомнения.

— Теперь уж на их не поплаваешь, — продолжал он, явно предостерегая путешественников от опасной затеи, — пускаться в поход на лопнувших лодках.

— И куда их не приспособишь, разве на заплатки для сапог да галош, — этот довод должен был окончательно убедить присутствующих, что лодки лопнули насовсем.

Слушатели безмолвствовали. Это была нехорошая тишина — так молчит заряженное ружье.

Поняты ли его мысли, дед не был уверен. Поэтому он предпринял обходной маневр:

— А вам, ребята, ой-ёй-ёй, как повезло! Вот в прошлом году хуже дело было. Лодка вот эдак же лопнула у одних. Тоже в жару. Только не на берегу, — дед многозначительно сбавил голос, набрал полную грудь воздуха и после паузы гаркнул, — а на плаву! На острок напоролись!

Здесь рассказчик сделал уже генеральную паузу, желая насладиться эффектом и проверяя, оценили ли

слушатели разницу между прошлогодней катастрофой и своими мелкими неприятностями, достойными разве что возгласа «фу ты, какая досада!»

Молчание стужалось. Реакция не порадовала дедка, и для достижения задуманного впечатления он перешел к леденящим душу подробностям:

— Пока муж жену спасал, вешшы у их часть уплыли, часть утопли. Всего лишились — от и до, остались, в чем были — он в трусах, она в босоножках, купальник-от он на ей в ленты испластал, пока до берега доташшыл. Во как!

— Потом хозяин нырлял за вешшами, да куды там — глыбь, тягун. Чуть сам не утоп. А у вас имущество все как есть целехонько. Я и говорю, ой-ей-ей, как повезло! — попытожил рассказчик и ободряюще улыбнулся.

В этом месте повествования потерпевшим следовало шумно ликовать и в диком восторге подбрасывать в воздух чудом уцелевшее имущество. Но они молча курили, попыхивая сквозь сжатые губы. Дед угостился городской сигаретой и для крепости оторвал фильтр. Тяготясь затянувшейся паузой, дипломатично оседлал нейтральную тему:

— Табачок духовитый, но против прежнего слабоват, не пробирает. Вот раньше сигареты были — «Махорочные». Мы их «атомными» звали. Затянешься — кол в грудь, не прокашляешь. Дым выпустишь — любая насекомаядохнет! Намазываться ничем таким не надо.

Иной раз идешь по лесу, темно от комара, прямо тучи его! Ка-ак закуришь на ходу, за тобой чисто проход образуется, коидор, — рассказчик для пробы легонько хохотнул, приглашая слушателей присоединиться к закипающему веселью, — земля сплошь угорелым комаром усыпана, под ногами так и хрустит. Насекомая, а тоже от дыму ей хреново делается.

Это тонкое научное наблюдение оказалось последней каплей.

— Да будет тебе пороть всякую чушь, — взвился самый слаонервный и с силой швырнул сигарету под ноги. Слушателям давно было хреново, как тем комарам, и их прорвало. Заорали разом:

— Без баек тошно!

— Насекомая, коидор, вешшы! Тьфу!

— Топал бы ты, дед, отсюда в своих галошах, ей-богу, не до тебя!

— Дуй рысью к бабке! Или еще куда!

— Иди рыбу вон лови! Ишь, плещется! Тебя ждет.

Вот она, людская благодарность! Ооооооооо!

Старик оторопел. А когда туристы выдохлись, скорбным тихим голосом отвечивал:

— Рыбу я завсегда поймать успею, а что сегодня не поймал, дак погода для ее слишком хорошая. Рыба пасмурность больше любит. Да и вы помешали, как начали бразгаться.

Потом задумчиво продолжил:

— Я, ребята, как лучше хотел. Недавно одним туристам, вот как вам же, историю рассказал, дак они по

берегу катались. Думал, в воду закатятся, спасай их потом. Гляжу, вы не в себе. Дай, думаю, утешу. От шутки, ежели к месту, вреда нет.

— Золотые слова, дедуля! К месту! Ко времени! А у нас, дед, поминки! — Отпуск свой похоронили. Рады бы опять на юга, да отпускные тю-то! Все это шмотье — лодочки-палаточки -денег стоит. Вот такие дела, дед. Поезда наши ушли, а самолеты улетели.

Старик сдернул шапку, промокнул ею лысую голову, потом хлопнул шапкой по колену.

— Ну, тогда слушайте к месту! — что-то в голосе старика заставило всех наострить уши.

— Вам, ребята, шас остается только плот делать. Лес рядом, сухостоя хватает. Пилу-поперечку да топор добрый я вам дам. Проволоку или скобы тоже найдем.

Мужчины мрачно переглянулись.

— Ну и как мы назовем этот ковчег? «Кон-тики» или «Летучий голландец»? А может, «Самотоп»?!

Одна из женщин перебила остряка:

— Дедушка, продолжайте.

Дедок уловил поддержку и, воодушевляясь, пошел с козырей:

— Плот, может, и помедленнее лодки будет, но удобнее. Палатку поставите на его, случится дождык — в палатке пересидите. Опять же вешшы всегда сухие, на берег таскать не надо. А так загорайте, купайтесь на ходу хоть целый день. И ночевать сподручнее, теплее, чем на земле. Под палатку старые доски прибьете, из лапника подстилку изладите. И рыба на ходу хорошо ловится, голавли — во! — дед щедро рубанул ребром ладони по плечу вытянутой вперед левой руки, — а вечером за берег поймались, — пташкой заливался рассказчик, — плот привязали, привал, грибы-ягоды, костерок, уха, то-се. Утром проснулись, от берега оттолкнулись, и все сначала. Никакой дачи не надо, кулорт!

Стрелка слушательского барометра колебалась между «надеждой» и «сомнением». Дед разошелся не на шутку и рисовал такие манящие картины, будто всю жизнь прожил на «кулорте». Потом все таки вернулся на землю.

— Я бы и сам тряхнул стариной, да сенокос держит, скотину опять же не оставишь, огородишко. Дочери внучат на лето подкинули. Да и на реке некоторое дельце имеется — старик неопределенно повел ладонью в сторону своей ямы. Потом, шурясь выгоревшими глазами на солнце, продолжил:

— Я в ваши годы плоты по веснам гонять наймывался, за большую-то воду два раза успевал обернуться. Тоже кое-что повидал.

Слушатели были готовы. Барометр склонился к «надежде». Дед, похоже, не врет. Занятный старик. Эх, лодочки жалко! А ведь был, был дуракам звонок еще зимой. Тогда при первой сборке у обеих лодок накрылись внутренние перегородки. От азарта перестарались. Накачивать тоже с умом надо было. А сейчас отпуск накрылся.

Впечатлений для одного утра было густовато. Такие виражи пошли со взрывами и крушением надежд, слава богу, хоть какая-то соломинка появилась. Может, действительно не терять время, да на плот настроятся? Но для начала пожевать.

— Дед, ты в голову не бери, чего мы тут наговорили. «Коза» получилась, короткое замыкание. Садись перекусить с нами.

Дед деликатно отказался и только после уговоров степенно взял пластик копченой колбасы с хлебным ломтем.

— Дед, а что это у тебя за дело на реке, если не секрет?

Дед пропустил вопрос мимо ушей.

— Вы рыбу-то ловить умеете, нет? А может, собираетесь на «кильке в томате» прожить? Все берега жестянками от этой кильки, тушенки да бутылками битыми завалены.

— Вообще-то рыбалку запланировали, хотя с детства за удочку не держались, снастей вон кучу с собой набрали.

— Детство ваше ишшо не шибко далеко ушло, так что ежели с охотой да с умом возьметесь, без рыбы не останетесь. А дело свое на речке я вам обскажу, вреда от вас большого не будет. Свою вас вон на ту яму. Кустами тихо к воде подойдем. Ежели подфартит, дак увидите там мое дело. Только чур, без меня не ловить, а то говорят, новичкам да дурачкам счастье. Извиняюсь, конечно, это я не про вас, это присказка такая. У меня зятя тоже в городе робят, один на заводе, другой по снабжению.

Поели, вроде отвлеклись. Растянулись на травке в тенечке. Опять натянутое молчание, кислые мины, тяжкие вздохи.

— Ну, я пошел, благодарствуйте за угощение, — дед проворно поднялся на ноги.

— Как пошел? А мы?

Уплывала даже соломинка.

— Вы нас тут агитировали, а теперь задний ход?

— Дак ничего я вас не агитировал. Хотите отдыхать — плывите. Не хотите — автобус в 3 часа.

— Какой автобус? А плот?

— Плот? Ну, ежели плот, дак пошевеливайтесь. Взяли по куску хлеба и за мной. За инструментом, потом к Паше в кузницу за скобами, и в лес.

Дедок опять воодушевился и начал разворачивать стратегию.

— Чтoб имущество на себе не таскать, ноги не мять, плотик делайте повыше деревни. Там, вверх по реке, как только на выломок выйдете, от Васиной старины к горельнику отвилкой спуститесь. Версты три, не боле.

— Ну-ка дед, еще раз и помедленнее. Значит, сначала выломок, потом горельник и в конце отвилка? Слово-то вроде русские, дед, но перевод требуется.

Старик глянул с недоумением.

— Выломок, он и есть выломок. Лес в бурю выва-

лило. А горельник после пожара бывает — лес мертвый стоит. Кака-то зараза костер оставила запрошлым летом, вот и получился горельник. Может, туристы, может, ребятишки. Всем миром пожар-от окапывали, в сторону деревни дуло. Ладно, дожжык пошел.

— А завилка что значит? Или еще эта — старина?

— Не завилка, отвилка. Это когда дорога в разны стороны расходится. Ну, а старина, значит, такое место, где дом ране стоял, хозяйство отдельное. И зовут его по хозяину. Васиная старина. Как Вася-то помер, старуха дом в деревню перевезла, не одной же в лесу с волками выть, а дворище разоренное в то же лето крапивой да иван-чаем затянуло. Издала баско глядит, а рядом подойдешь, внутри пусто делатса. Столбы от ворот по сей день стоят, а плетень давно завалился, травой пророс. Стояли еще кресты с иконками, обычай у нас такой — покойников возле дома хоронят и образок на крест прибивают, иконку.

Даки иконки-то туристы с корнем вырвали, а этим летом и кресты срубили. Че они им помешали? Одно слово — дикие.

Надо имя, к примеру, охাপку сена, дак оне, нет, чтобы снизу надергать, обязательно макушку, голову со стога сшибут, падлюки. Дожджык спрыснет, сено за неделю промокнет, почернеет и сгниет. Может, не со зла гадят, по глупости. Им самим сена не надо, скотину не держать, вот цену-то ему и не знают.

А в запрошлом годе ребятишки из лесу прибежали, говорят, туристы за овцами с ножиками гоняются по берегу. А в деревне, как назло, одни старухи. Вечером народ с покосу да из поля возвращаться зачал, мужики ружья живо похватили, наладились к тем туристам бежать.

Глядим, плывут вдоль берега две овечьи шкуры. А за ними плот в деревню вплыват, и на ем люди спят вповалку, у кого рука, у кого нога в воде. Мы заорали: давай, сволочи, к берегу! И ухом не ведут — пьянехоньки.

Поймали мы плот. А на ем два ведра мяса в уксусе замочено. Туристов под белы руки в анбар свели, свалили в кучу и замок повесили. Утром повели в контору допрашивать. Мужики наши шибко сердитые были, припомнили все обиды от туристов: и сено сожженное, и покосы загаженные, и домашних уток и гусей стреляных, и кресты срубленные, и сети ворованные, и битые бутылки по берегам. А эти паскудники еще огрызаться да угрожать вздумали.

Ну, тут уж наши мужики озверели. Дубасили гостей от души. А у их морды так опухшие, глаз не видать, языками худо шевелят. Живо притихли, смиренные сделались. Деньги стали предлагать, штoб милицию, значит, не звать. А у нас до милиции сто верст. Мы в паспорта ихние глянули и обомлели. Не поверили, что могут люди в самом Ленинграде жить и такое вытворять. Решили в милицию везти, от работы на два дня несколько мужиков отрывать.

А эти упраснивают, чуть в ноги не падают — отпу-

стите, не надо милицию, на работу сообщат. Зарок даем!

Хоть и говорят, зарекалась свинья помои не жрать, да русский человек отходчивый, пожалели. Списали у их все из паспортов, взяли базарную цену за каждую овцу, да и отпустили. А те радехоньки, хоть и морды полированы, и денег на обратную дорогу маловато.

А другой раз нормальные люди плывут. То покосить помогут, кто умеет, то сено до грозы сметать, то лекарства или лески дадут, а одна врач плыл, да роды принял у Афонинной снохи, не успели в родилку отвезти. Другой раз Марфин ребяенок тонул, дак туристы, спасибо, вытащили и откачали. Марфа, уж на что скупая, а с того дня с туристов денег за картошку да молоко не берет.

В общем, и так бывает, и эдак, — заключил рассказчик.

Туристы слушали молча и старика не перебивали, не торопили. Спохватился он сам.

— Далеко мы от плота-то ушли. Запоминай дальше. Как к горельнику выйдете, с краю подходящие еловины стоят. Их от земли пожаром прижгло, вот они и высохли на корню. И река рядом, само то, бревна таскать близко. Но с опаской там надо, ходи да оглядывайся, сухостой другой раз от ветра падает.

Старик опять глянул из-под ладони на солнышко и заторопился.

— Ну, хватит мне турысы-то разводите, да и вам пора за дело. Ежели споро взятыся, все можно справиться дотемна и плот на это место приплавить. Ну, в крайности, завтра к обеду. Все обустроите уже здесь, на месте, на ходу уж доделаете остатки. Вон завалилась бесхозная сараюшка, с нее несколько досок отдерете — на палубу, лавочку или удобства какие смастерите.

Главное запомните, бревна выбирайте не толще четверти, чтобы на мелях не застревать. Режьте не длиннее шести-семи метров. Потом бревна ошкурите. Плот вяжите комель к вершинке и не широко, чтобы под мостами сквозь пролеты проходил. Все поняли?

— Все-то все. А четверть — это сколько?

— Ладонку пошире растяни. Скольхватишь, где-то четверть и намеришь. Дальше слушайте. Чтоб бревна вдоль друг дружки не ходили, скобы забивайте навстречу и с притяжкой.

— Это как — навстречу?

Старик опять удивился. Расставил пошире ноги и вывернул внутрь носки.

— Вишь, как мокроступы стоят. Это встреч.

Потом поставил ступни параллельно.

— А вот это повдоль. Срубите пару шестов из елового сухостоя, чтоб легонькие были. Гребни вам одной хватит. Препятствий особых нет. Под гребь раму из коротыша поставите с укосиной.

— С чем?

Старик тяжело вздохнул, почесал влажные сосульки волос за ухом, потом решительно припечатал кулак к ладони.

— Ну ладно, взялся учить да помогать, дак уж придется мне с вами идти в лес-от. Одна пропадать. Старуха, конечно, опять заворчит. Одна-то она по хозяйству не поспеет. Да и крышу на стайке залатать все лето не соберусь. Ну да, семь бед, как говорят, — старик махнул рукой, — подмогну вам плот-от связать, чтоб он посереде реки под вами не разъехался. Сначала за струментом да скобами в деревню сбегаю.

— Вот за это спасибо, дед. Как тебя по имени-отчеству?

— А меня не выговоришь. Имя у меня столоверовское. — Никтополион Лукич. А наши деревенские попросту Наполеоном зовут.

— Вот так имечко Бог дал! Ни-кто-па... как?

— Ни-кто-по-ли-он, — раздельно отчеканил дед и не Бог дал, а родитель Лука Елпидефорович, царство небесное. Вычитал в календаре и нарек. Характер тяжелый имел и на руку скорый — страсть. Раньше, знаете, как родителей уважали? Чтобы я при тятке сигарку в зубы взял? Упаси бог! — До тридцати лет скусу вина не знал.

Мужчины переглянулись.

— Ладно, Лукич, пошли за скобами. Если втравил ты нас в эту авантюру с плотом, назначаем тебя военным консультантом. Наш-то корабельный опыт из одних вопросов состоит.

По дороге обсуждали важнейший вопрос.

— Так как же все-таки корабль-то назовем? «Конттики» или «Ра»?

— Нет, это уже было, было.

— А, может, «Никтополион»?

— Конечно, можно, но уж больно кудреватое, торжественно получается. Больше подходит для фрегата или крейсера.

На другой день к обеду все было готово. Плот получился на славу. Он так ходко шел под шестом, что спереди вскипали белые бурунчики, палуба из старых досок возвышалась над бревнами на четверть, чтобы не заливало палатку. Палатка боковыми растяжками была привязана к перилам вдоль бортов, а конек — к мачте. Кормовое весло, подвешенное ремнями петлей к раме-треноге, позволяло рулить плотом даже ребенку без усилий. Причальными концами служили две веревки с кольями на концах, чтобы плотно притягивать плот на стоянках к берегу.

— Кораль, настоящий кораль! — восторгался Наполеон, выпивший с туристами в торжественный час отплытия, — только трубы не хватат!

На мачте покачивался вымпел с гордым названием корабля «МУМУ», старательно выведенным губной помадой.

1987 г.

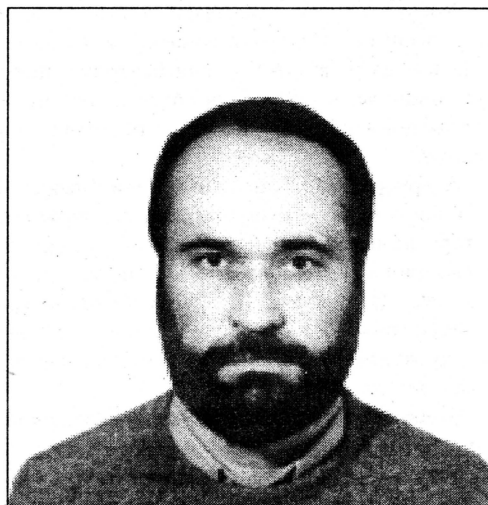
Юрий КАЗАРИН

Юрий Казарин родился 11 июня 1955 г. в г. Свердловске. Отец — инженер, мать — медсестра. Работал фрезеровщиком в механическом цехе на УЗТМ. В 1973-75 гг. служил на Северном флоте, воинское звание — ст. матрос. В 1981 г. окончил УрГУ, филологический факультет. С 1981 г. работает в УрГУ на кафедре современного русского языка — ассистент, аспирант, ст. преподаватель, доцент. В 1984-1987 гг. преподавал в университете штата Керала (Индия). В 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию, специальность — русский язык. Кандидат филологических наук, докторант. Научные интересы — лексическая семантика, лексикография, фоносемантика, поэтика стихотворного текста, языковая и художественная картина мира. Автор двух монографий.

Стихи и прозу пишет с 1969 г. Публиковаться начал в 1976 г. Автор поэтического сборника «Погода», состоящего из трех книг, сборника «Пятая книга» (1996), а также книги избранных и новых стихотворений «Поле зрения» (1998).

Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий журналов «Урал» и «Юность», премии им. П.П. Бажова и премии Губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства.

Любимые занятия — ночное чтение и рыбалка.



* * *

Где юг отсутствует, а запад
кончается, где снег по пояс
тебе и тополю, на запах
тоски подкатывает поезд,
и у последнего вагона
стоит, как водка без стакана,
прямая белая ворона
с глазами Грозного Ивана.

* * *

Кочевник комнату свою —
как скарабей — скатает в смушку,
в ковры, в халаты, а струю
луны направит на подушку.

Потом из долгой анаши
начнет молчать до звезд, до стога
и, как верблюдов, от души
считать автобусы с балкона.

И слышно, да простит Аллах,
покуда пьет и спит общага,
как в прирученных деревьях
пера и крови ждет бумага.

* * *

Озеро лезет в рот,
в уши, в лицо — погоде,
в дереве дождь идет —
словно на повороте.

поезд в ветвях, в листве
скорости душной, встречной,
вяжется в веществе
света, в тоске заплечной:

медлит как дым, в окно
сунувшийся, — картина:
овцы, стоит вино
в пастыре без кувшина,

видно: снежинку бровь
ловит живьем в полете —
так пришивает кровь
воздух к бескрылой плоти.

* * *

Рано утром перестук
человека и природы,
словно в шахматах чубук
сверху чокает фигуры.

Комара и кобеля
у помойки, и трамвая.
Расставляется земля —
от растений — хоровая.

И тебя несет на улицу
важный воздух ворошить,
где такой туман, что пуговицу
можно — к белому — пришить.

* * *

Душа — побег, душа — ограда,
в теснинах дикого родства
есть нитка белая у взгляда,
и сразу после снегопада —
куда ни глянь — не видно шва:
дух и материя едины,
и воздух лепится из глины,
и все на свете — синева.

* * *

Воды хоровое движение вниз,
опять перепонкой сработал карниз —
такой барабанный, такой молодой,
слегка обоженный по краю звездой,
и в поисках слуха подходит гроза —
зеленой слезой застиляет глаза,
и как не услышанный Господом звук
под башенным краном качается крюк.

* * *

Зверушка, жеребец
да дерево — на скрипку:
теперича, певец,
не оберешься крику.

По жилам, по стеклу —
песок да конский волос,
под вьюгу, под метлу —
без голоса на голос

за гиблое тепло
за все, в чем проку мало,
что по глазам текло,
да в слово не попало.

* * *

Что же, прощай, на высоком ветру —
щели небес широки на балконе
незастекленном. Когда я умру —
твердыми станут ладони.

Ляжешь ли в глину — последний прокол,
сжатие воздуха в легких до взрыда:
все остается, как вечный глагол
несовершенного вида.

* * *

Сложив себя, как зонт, исходит ель из ели,
вздвигает снегирей здоровая тоска,
как будто веки покраснели
у молока.

И взгляд земли с небес, расплющенный, толпится,
и воздух пополам со снегом тверже уст,
и застревают в нем и дерево, и птица —
настолько взгляд небес на эту землю пуст.

И я тебя держу, как снегопад, за плечи,
и я тебя держу, как крылья, на весу,
покуда хватит речи
и снегирей в лесу.

* * *

Росинка маковая страха
с бутылкой водки на столе —
испепеляется рубаха
на ознобившемся тепле.

И озеро в дырявой майке,
и в роще месяц-кукловод...

И на бочонке у сарайки
играет кот на балалайке,
покуда чешется живот.

* * *

За тополь в драной телогрейке,
за ключья ваты по двору
глотну воды на три копейки,
достану спички и умру.

А сигарету, сигарету —
во всю длину, во всю длину —
я на пути к другому свету
уже бесшумно разомну.

* * *

Унесло с балкона майку
ветром. Я один остался.
Тополиный пух в фуфайку
по обочинам скатался.

И хожу я полуголый
по седьмому этажу —
невозвратные глаголы
на озноб перевожу.

* * *

На рассвете у левой щеки
из пучины докучного сада
колокольчики, часовщики,
не морская звезда — а цикада.

Или волчья пахучая сыть
потрясает державу забора,
и теперь мне свой слух сторожить —
и на ангелах воду возить,
чтобы выстелить ею озёра.

* * *

Когда вернусь,
отведав воздуха без воздуха у тверди,
я почитаю другу наизусть
опубликованное после смерти.

Еще влачусь вниз головой в воронку слова:
овеществленный колоколом звук
распят и напряжен как в облаке паук
со спицей и клубком дождя полуслеплого.

Я умер, говорят. Такие слухи —
Великий пост начнется в феврале...
И ловит каплю воздуха в стекле
отвертка мухи.

* * *

М. Д.

Укорачивает воду
виноградная лоза,
выдувая на свободу
с твердой косточкой глаза.

Нелюдимо в алкоголе
море зрения. Двоит
корень греческий в глаголе
и руно с дорожкой моли,
и аорист аонид.

Пей себя и пой — горячий,
ловчий, топчий, доезжащий,
ледяной, живой — до дна:
скоро снова станет зрячей
кровь на кончике вина.

* * *

Когда не спишь — в углу пальто
стоит как страшное никто,
не оживая и не плача:
пустеет лес — пустеет дача.

Ледок ворочается в кружке —
и можно ночью умереть,
но колется перо в подушке,
чтобы во сне не умереть...

И побелела на кадушке
воды колодезная плеть.

* * *

Когда не спишь, со всех сторон
мерцает тьма ресницей рыжей.
Считаешь шорохи ворон —
а это ангелы над крышей.

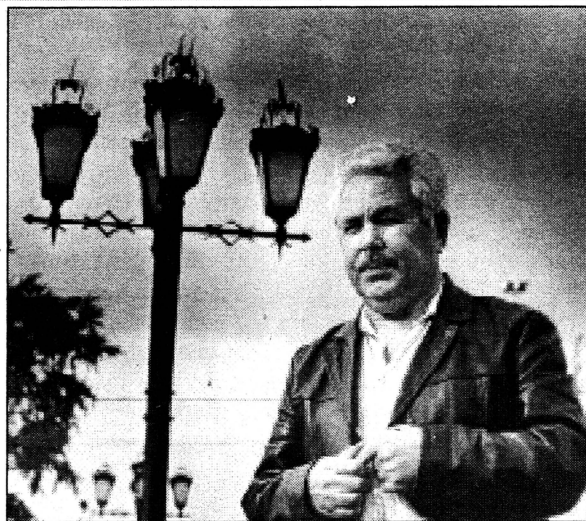
Они прижаты высотой
к тому, что гибнет от одышки.
И пахнут снежной пустотой
их поседевшие подмышки.

И собираются в пучок
их человеческие взгляды,
где начинается зрачок
того, кто сеет снегопады.

Владимир СИБИРЕВ

Владимир Петрович Сибирев родился в Свердловске, в молодости служил на Краснознаменном Черноморском флоте. Издал более десяти сборников стихов, печатался во многих газетах и журналах России, коллективных сборниках, издававшихся в разных городах и республиках. 27 июня ему исполнилось бы 75 лет....

Мы предлагаем вашему вниманию рассказ из книги «Флаг адмирала» — первой прозаической книги писателя. Она посвящена автором 300-летию отечественного Военно-Морского Флота.



Майский гром

Странное, казалось, неуместное ощущение какого-то душевного уюта испытывал всякий раз лейтенант Скворцов, когда слышал рокот воды под килем тральщика. Было приятно воспринимать руками, грудью, всем телом упругое подергивание палубы и поручней, исходящее от дизелей и гребного винта. А еще молодому офицеру прибавлялось радости от того, что на безоблачном небе светило майское солнышко, а на флагштоке плескалось бело-голубое полотнище военно-морского флага и рядом были верные и надежные товарищи.

Взять, к примеру, мичмана Гранина. Алексей Петрович встретил войну на полуострове Ханко, затем дрался с фашистами в морской пехоте под Ленинградом. Да вот и он сам.

В ходовую рубку тральщика просунулся невысокий крепыш. Обрамленное цигейковым воротником «канадки».*

Лицо мичмана показалось бы, пожалуй, штатским, если бы не розовый шрам. Когда Алексей Петрович волновался, зигзаг этот, проходящий через лоб и левый висок, темнел и придавал лицу мичмана выражение отчаянной решимости, которая отличала его в штыховых бросках у Пулковских высот.

Но и у Алексея Петровича настроение сегодня под стать командирскому. И есть тому даже очень конкретное и материальное основание — в нагрудном кармане кителя лежит отпускное удостоверение: десять

суток, не считая дороги! Не верилось мичману, что уже завтра подхватит его «пятсотвеселый» и понесет от крымских скал через всю Россию на родной Урал.

Итак, завтра... А пока тральщик берет курс на зюйд-вест, и за кормой скрежещут траловые тросы, а впередсмотрящий матрос Хасан Девлетшин «ест» глазами слепящую рябь зеленоватого моря.

Море же знает свое дело, покачивает на плечах и уставших в полете чаек, и неутомимых в работе корабельщиков, да еще поигрывает чугунными шариками, которых за годы войны накопилось в его глубинах немало. Нередко после сильных штормов мины срывались с якорей и неделями блуждали по морю, губили, не разбирая, своих и чужих.

И Хасан смотрит, чтобы ни один из этих смертоносных «шариков» не проскользнул незамеченным. Разговор с такого рода встречным недолог: берет его на прицел комендор,** и...

... Солнце уже клонилось к турецкому берегу, когда лейтенант Скворцов скомандовал:

— Курс на базу!

— Есть курс на базу!

Но тут до лейтенанта донесся возглас Девлетшина:

— Справа по носу — мина!

— Стоп машина!

Тральщик замедлил ход. Между тем окуляры «цейса», скрадывая расстояние, уже позволяли командиру рассмотреть покрытую водорослями и ржавчиной макушку зловещей странницы. Лейтенант прикинул

* - меховая куртка с капюшоном.

** - корабельный артиллерист

расстояние до цели: не больше кабельтова.*

— Орудие!

Комендор Полухин послал снаряд в патронник. Цель уже вписалась в перекрестье панорамы, рука замерла на спуске. Но команды «огонь» не последовало.

Скворцов, опустив бинокль, растерянно потер переносицу. Матросы с недоумением уставились на лейтенанта. А мина, угрюмо покачиваясь, медленно, крадучись приближалась и норовила обойти тральщик стороной. Теперь уже и мичман Гранин, и комендор Полухин, и Хасан Давлетшин все поняли сами. Они, как и командир, увидели, что за барашками волн таилось не просто изъеденное морской солью исчадие глубин. К мине, уцепившись руками за гальваноударные колпаки, лепился человек. Повернутое в сторону советского тральщика лицо было искажено страхом и холодом. Пилотка нахлобучена до бровей. Немец. Видимо, с подорвавшейся субмарины.

Мина тем временем обогнула тральщик и стала удаляться вместе с окоченевшим на ней «одиссеем» с нашивками немецкого унтер-офицера.

— Разрешите, командир... — мичман Гранин указал глазами на четырехвесельный ял.

Лейтенант понял Алексея Петровича. Вышел из рубки, ступил на рифленую палубу:

— Свободные от вахты, в одну шеренгу становись! Добровольцы, шаг вперед!

И вот они стоят перед командиром. Уже немолодой мичман Гранин. На лбу розовый шрам. В кармане кителя — отпускное удостоверение. Хасан Давлетшин — совсем еще молодой парень. Он любит по вечерам перечитывать письма из Бугульмы, от своих ата и апа.

Комендор носового орудия — вся артиллерийская боевая часть в одном лице — Иван Полухин, отец девяти сыновей и дочерей из старинного кержацко-го села на Иртыше.

Снять шлюпку со шлюп-балок было делом минутным.

Едва четырехвесельный ял коснулся воды, Хасан с Полухиным разобрали весла, мичман пристроился на носу.

— Весла на воду!

Шлюпка, легко взяв с места, ринулась в погоню за склизлым, начиненным тротилом рогатым шаром.

Подходили к мине с подветренной стороны. Не столько она сама, сколько неподвижные, остекленевшие глаза немца обдавали душу холодом. Мина казалась живым существом, сверхъестественным и агрессивным. Казалось, ей принадлежит этот узкий, почти лишенный губ, кривящийся в гримасе рот. «Жив, зна-

чит, водяной дьявол! И откуда ты только взялся на наши головы!» — так или примерно так размышлял Алексей Петрович, прикидывая, как бы половчее «состыковаться» с опасным плавсредством. «Вцепился-то как, того и глядишь колпаки раздавит...»

Немец, видимо уразумев невыносимую затею русских матросов, силился разжать одеревеневшие пальцы, но они не слушались.

— Хасан и ты, Полухин, придерживайте ял, чтоб ненароком о корпус мины не шабаркнуло. Да руками, руками ее, окаянную, сторожите... А я фрицем займусь...

Матросы, стараясь сохранить равновесие утлого суденышка, перевалившись за борт, упирались ладонями в холодные скользкие бока мины, и она, словно почувствовав их непреклонность и хладнокровие, замерла под тяжелыми, шершавыми пальцами. Мичман, сбросив с себя «канадку», занялся в прямом и переносном смысле вплотную немцем.

Трудно сказать, сколько прошло времени — десять минут или час, пока мичман отдирает от корпуса мины присосавшегося к свинцовым рогам гитлеровского вояку. Каждое неосторожное движение, даже просто прикосновение к свинцовой оболочке гальваноударных колпаков могло обернуться взрывом. Но об этом, наверное, не думалось. Мичман методично и неторопливо разгибал налитые холодом, сведенные судорогой суставы. Вот уже первая рука немца в растопырку скользнула по ноздреватому металлу, коснулась воды.

«Только бы ребята выдержали... Только бы шлюпка не ткнулась в корпус...»

И Алексей Петрович продолжал свою работу. «Еще один палец... Еще... Хорошо, что их не больше десяти...»

Лишь потом, когда при содействии Полухина и Хасана на дно ялика плюхнулся мокрый куль в форме немецкого подводника, и шлюпка отпрыгнула от рога того шара на два-три десятка метров, Алексей Петрович ощутил под ложечкой щемящий холодок. Так бывает, когда перебежишь дорогу перед носом несущегося автомобиля. С каким ожесточением, отвалившись назад настолько, что затылками едва не касались днища шлюпки, гребли Хасан и Полухин, удаляясь от мины как можно дальше.

А еще через несколько минут над морем прокатился гул взорванной мины. Мичману же почему-то в этот миг вспомнились озимые за рекой Пышмой, низкие облака над лесом и негромкое покашливание первого майского грома над притихшей пашней.

* — 1/10 морской мили, или 185, 2 м.

Венедикт СТАНЦЕВ

Венедикт Тимофеевич Станцев родился в 1922 году, в деревне Родионовка Турковского района Саратовской области, в семье крестьянина. В 1941 г. окончил Балашовский учительский институт. Во время Великой Отечественной войны пошел на фронт с первых ее дней, был стрелком, пулеметчиком, командиром отделения. В 1944 г. начал сотрудничать в военных газетах. Первые его стихи напечатаны на Урале в 1957 г. С того времени он много и активно публикуется в газетах, журналах и коллективных сборниках. Выпустил ряд авторских книг стихов. В 1965 году вступил в Союз писателей.

Лауреат премии Губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства за 2001 год.

27 июня ему исполняется 80 лет. Поздравляем юбиляра от всей души!



Весь из тысячи молний
бой гремит на рассвете.
За спиной — город столичный —
самый свой на планете...
Наши раны пресвяты,
свята верность сыновья...
И заря, как солдаты,
обливается кровью.

22.4.2002 г.

Я упадаю тяжело в полночь
и забываю обо всём во сне:
промгнущих лет и сладость, и горечь,
что там в поднебесной и стране.
Но только-только робкий лучик
уляжется подушки на краю,
век ракет и шариковых ручек
снова входит в комнату мою.

13.3. 2002 г.

У любви изменчивые нравы,
как у той порожистой реки,
но бьётся и живёт любви во славу
сердце в глубине моей строки.
Говорят всю правду мои строфы:
на виду у равнодушных лбов
несу я, восторгаясь, на Голгофу
тяжкий крест — извечную любовь.

17.3.2002 г.

Утро в саду

Рассвет, проклонувшись, затеплил свечку,
ещё молчат кузнечики в траве...
и зорька в этот миг напоминает девочку

с пунцовым бантиком на голове.
Ещё минута — и провьётся солнышко, —
и всё живое смотрит на восток.
А скворушка, проснувшись, прочищает горлышко,
И в душу мне вселяется восторг.

17.2.2002 г.

Заснул весь мир. И только лишь
живут часы бессонные.

Я слышу, как слетают с крыш
снежинки невесомые.

Чуть светятся в моём окне
беззвучные созвездия...

И незаметно в тишине
рождается поэзия.

28.4.2002 г.

Мне время шепчет: «Поспеши,
ты долго меня тратил без заботы,
острее наточи карандаши
и с Господом — за тяжкую работу...»

К перу зовут меня года,
гуляет юность далеко-далёко...
Стихи, стихи, — как поздняя страда, —
мне на другое не осталось срока.

24.4.2002 г.

Елена КОСТИНА

Костина Елена Владимировна родилась в 1964 году в г. Каменск-Уральске Свердловской области. В 1986 г. закончила факультет журналистики Уральского государственного университета. С 1986 г. работала в газетах «Молодой дальневосточник» (Хабаровск), «Комсомолец Узбекистана» (Ташкент), «Предприниматель» (Комсомольск-на-Амуре). Сейчас работает заместителем редактора газеты «Содействие» (г. Каменск-Уральский).

Первые сказки были опубликованы в студенческих литературных сборниках во время учебы в УрГУ, позднее — публиковались во многих газетах.



Чудо-Юдо

Однажды, в ленивую пятницу, на улицах города появилось Чудо-Юдо. Не то осьминог, не то осьмиглаз — ну, в общем, обыкновенное Чудо-Юдо. Большое и неуклюжее. Оно чуточку стеснялось себя, и потому было смущенным и даже розовым от смущения. Хотя кто его знает — может, ему и полагалось быть таким.

Чудо забрело на главную площадь города и теперь не знало, как ему отсюда выбраться. Оно вышло над небольшими домиками небольшого городка и чуть не плакало. Было так похоже, что слез не избежать, что прохожие достали зонты.

Нужно было как-то срочно успокоить Чудо. Но как? Волшебник давно вышел на пенсию и из принципа разводил только кактусы. Феи уехали на курсы повышения квалификации. А джинн только и умел, что ровно на 25 минут возводить, а потом разрушать восточный город. Причем на улицах после этого долго валялись разбитые кувшины и дырявые ковры. Совету города даже пришлось выпускать специальный указ о том, чтобы джинн чистил после себя рабочее место.

Люди города всегда старались быть веселыми и не переносили печальных глаз друг друга. А тут, представляете, даже не два, а что-то около восьми печальных глаз смотрели на них с высоты!..

Поступило предложение сделать огромную шоколадную конфету.

— А вдруг оно не есть шоколад?

— Шоколад едят все! Верно, чудо?

В ответ оно всхлипнуло, что-то пробормотало и снова всхлипнуло.

— Н-да-а! Степень огорчения столь велика, что шоколад уже не поможет. Надо искать более сильное средство, — задумчиво протянул мудрый старичок и дернул себя за клинышек бородки. В это время из одного глаза Чуда-Юда выкатилась слеза и плюхнулась лужей на площадь.

— Ну вот, — огорченно сказал мудрый старичок, — дожили! У нас на глазах плачут, а мы стоим, — и он сам как-то странно всхлипнул. Чтобы успокоиться. Он подошел к автомату с газированной водой, но ему почему-то накапалась валерьянка.

— Что? — закричал он. — Да я совершенно спокоен! — но одумался и залпом осушил стакан.

К площади начали съезжаться машины «скорой помощи». Вскоре они плотным кольцом окружили площадь, но и доктора не знали, чем помочь Чуду.

На землю плюхнулась вторая лужа.

— Милое, может, ты мороженого хочешь? — с надеждой спросила мороженщица, славившаяся своей очень широкой натурой. От огорчения она даже немного похудела. Чудо-Юдо отрицательно помотало головой.

— А может, у него просто грустное настроение, и ему хочется побыть одному? Так мы можем дома на другое место перенести! — предложил режиссер самых веселых кинокомедий. Чудо-Юдо беспомощно вздрогнуло и вздохнуло.

— Жалость-то какая! — сказала уже почти совсем стройная мороженщица и уткнулась носом в фартук, который стал ей совсем велик.

— Мама! Мамочка! Ты только погляди, какое оно красивое! Совсем как солнышко на закате! — вдруг откуда-то с балкона донесся звонкий мальчишеский голос.

Чудо-Юдо встрепенулось и робко спросило:

— Правда?

— Да!

— Да!

— Да!

дружно пронеслось по площади. Чудо-Юдо заулыбалось, похорошело и сразу стало удивительно ручным и уютным.

А когда с ним поговорили, согласилось остаться жить в этом городе. Правда, квартиру ему обещали не сразу, а лишь после того, как вернутся феи, но временным дворцом обеспечили.

Площадь с того времени по решению Совета стала называться Чудной, и, говорят, время от времени на ней происходят счастливые чудеса-юдеса.

Змей Гореваныч

Змей Гореваныч свернулся клубочком и всхлипнул.

— Не лей крокодиловы слезы, — оборвала его Баба Яга.

Змей Гореваныч уткнулся носом в свой хвост и беззвучно зарыдал. Яга тоже жалостливо пошвыркала, утерлась и присела на краешек змеевой скамьи:

— Ну, будет, будет, убиваться-то! — сухонькая ладошка погладила Змея. — Хочешь, злата дам! — расщедрилась старушка.

Змей отрицательно помотал головой.

— А хочешь, невесту украдем?

Змей Гореваныч перестал плакать и укоризной посмотрел на Ягу.

— Да ну тебя! — рассердилась бабка. — Какой-то ты не от мира сего! Можешь русским языком

объяснить, чего слезы льешь!

Змей виновато улыбнулся:

— Доброту я хочу вырастить, а она никак не подымается!

— У старой бани посадил! — охнула бабка. — Это где самая лучшая земля! Сдурел совсем! А ну, кажи, где твоя доброта! — и Яга засеменила к выходу.

Змей распластался на полу, загородив бабке выход:

— Не смей обидеть ее, — прорычал он и с нежностью добавил:

— Маленькая она!

* Доброта оказалась всего сантиметров пять высотой и такая кислая на вид, что у бабки рот вбок повело.

Змей благостно вздохнул, разрыхлил землю вокруг себя и сел любоваться. Любоваться было неудобно: включенное для обогрева солнце сильно коптило.

— Ах, какая я добрая! Ах, какая я со всеми ласковая! — щебетала Доброта.

Змей умилился и огорченно подумал: «А я такой грубый и злой. Наверное, поэтому она и не растет».

— Расти, пожалуйста! — мягко попросил он.

— А зачем? — трезво потребовала объяснений Доброта.

Змей растерялся:

— Я же тебя все-таки для людей ращу. Чем больше, тем лучше!

— Нечего всех-то баловать. Какая выросла, такую и любите!

Змей съжился и неуклюже пополз обратно.

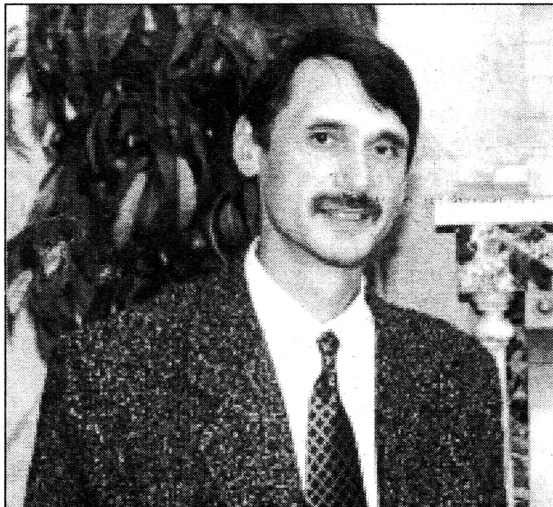
— 15 граммов суперфосфата на завтра, — крикнула вдогонку Доброта.

С расстройства Змей Гореваныч забыл выключить солнце, и оно жгло, и жгло.

Утром Змей Гореваныч долго собирался: сначала искал пакетик для суперфосфата, потом сам суперфосфат, все почему-то валилось из рук. Когда он подошел к старой бане, вспомнил про невыключенное солнце. В это время полыхнуло — старая баня вспыхнула, как солома. Бабка прибежала с ведром воды, но заливать было уже нечего.

... Знающие люди говорили, что на пепелище угли никогда не остывали. Наберешь полведерка — и всю зиму тепло.

Только бабка не давала те угли ворошить. Сразу в крик. Кричит и кричит. Одно слово — Яга.



Валерий КАПЛЕНКО

«...Я увижу весь мир на просвет»

Что составляет суть поэзии — анализ или синтез? Умение выделить в явлении, чувстве, образе мельчайшие элементарные составляющие и передать их поэтическим языком или от деталей взойти к осмыслению вселенских явлений, превращая стихотворение в космическое явление?

Валерий Капленко по натуре своей — аналитик. Филолог, он легко улавливает тончайшие языковые нюансы текста и может долго и обстоятельно, что называется, раскладывать чужие стихи по полочкам. И тем более удивительно, что в своей поэзии он легко преодолевает ту грань, за которой поэт из кирпичиков слов синтезирует

свой, неповторимый мир. В этом мире тень от подорожника дотягивается до «какой-то туманности дальней», а «созвездия валяются в траву», сердце сгорает вместе с непрочитанными письмами и вдруг возникает у поэта дар ясновидения. «Весь мир на просвет» — удивительно, но не страшно. Главное — что мир увидит в тебе, в твоих стихах, где сам ты — как на ладони.

Итак, перед вами, уважаемый читатель, несколько стихотворений Валерия Капленко. Его мир — на просвет.

*Вадим Осипов,
член Союза писателей России*

Вчера из-за пасмурной тучи
Впервые пахнуло весной.
Сегодня струною певучей
Звенит ручеек озорной.

И я, по ребячьей привычке,
Вослед старику февралю
Бросаю кораблики-спички
В его ледяную струю.

24 января 1972 г.

Созвездия валяются в траву —
В лугах разгорелись цветы.
Идя по лесам кучерявым,
Чему улыбаешься ты?

Чего ты восторженно ищешь
В лазуревом блюде небес,
В светящемся облачке, быстро
Бегущем далёко за лес?

Я знаю, то гинут печали,
В зелёном тумане топясь;
То буйствует зелень проталин,
То в мыслях и в жилах у нас,

Как в реках, весна разыгралась —
Её ли в словах отразишь? —
И плещется чистая радость
В глубинах весёлых глазищ.

26 апреля 1972 г.

Почки

Почки, друзья мои, лопайтесь, лопайтесь,
Эй, выходи на свободу, листва,
Лезьте листочки, зелёные лопасти,
Те, на каких прилетает весна.

Вспеньтесь листьями, стройные тополи,
Даль затуманьте зелёною мглой,
Почву корнями лопайте, лопайте,
Солнечный воздух поите собой!

1972 г.

Роща

Сквозь болтовню щебечущих созвучий
 Текут стволов светящихся тела:
 Шатёр листвы задумчиво-певучей
 Берёзовая роща вознесла.

Под ветрами качая головой,
 Они то приглушённой, то речистой,
 И светятся, журча под синевой,
 Пропитанные тёплым солнцем листья.

Пичуги звенькают, листва журчит,
 Звучит и льётся музыка лесная,

И золотые сыплются лучи,
 У смуглых ног берёзовых играя...

А кто-то где-то злится и ворчит,
 Ни капли в красоте не понимая.

3 февраля 1977г.

Тень подорожника

По холмику тропка бежала,
 И рос подорожник при ней,
 И тень на тропинке лежала,
 Вернее — букетик теней.

Но, как и положено солнцу
 От первых до нанешних дней,
 Клонилось оно к горизонту,
 И тень становилась длинней.

К другой стороне горизонта
 Тянулась она и текла,
 И в чьем-то качалась оконце,
 Ложилась на крыши села...

А в час, когда мгlistою тайной
 Покрылись просторы вдали,
 Какой-то туманности дальней
 Шепнула о травах Земли.

29 сентября 1981 г.

Ясновидение

И вдруг я увижу весь мир на просвет,
 И тополь за окнами станет стеклянным,
 И ясность в любом кирпиче окаянном
 Сочиться начнёт сквозь налёт стольких лет...

В одном запеклась прохиндейская мысль,
 В другом кирпиче — беспробудное горе,
 А грязное слово в цементном растворе
 Так воли захочет — хоть дом развались!

Пирушками, ссорами прежних жильцов
 Потянет с обоев, как дымом и тиной, -
 Так вот где ночных неуютов причина!
 Так вот как надёжен и прочен мой кров!

Подальше отсюда! Ручьёв и камней
 Есть царство

И пышной свободы древесной —
 Встречайте, я ваш!... Но ещё неизвестно,
 Что там на просвет они видят во мне.

12 октября 1999 г.

Жалости и любви!

Гарью простор повит.
 День суетой объят.
 Жалости и любви
 Требую от тебя!
 Я не молюсь судьбе,
 Требую: не сгуби!
 Жалости и любви
 Требую — не к себе.
 Жалости и любви —
 К этой земной красе.
 Жалости! И любви!
 Или — погибнем все.

30 января 1982 г.

Сердце — почтой

Отправляю письмо.
 Сердце — почтой.
 Сколько жизни ушло
 кровью в строчки!
 Отправляю — и зря.
 Знаю, знаю:

Этих писем она
не читает.

Не хотят узнавать
эти руки
Перебой его,
пере-стуки.
Где последний приют
красно-речью?
Всё кончается тут:
Печью, печью!
Чувство, музыку, речь
— дело вкуса —
Можно в стол, можно сжечь,
можно — в мусор.
Я смешон, я забыт.
Смейся, смейся.
Моё сердце горит —
грейся, грейся...

Август-сентябрь 1985

Живого чувства блещущий кусок,
Пробивший небеса нанкосок,
Вонзившись на столе в листок бумаги,
Оставив вензеля чернильной влаги, —
Строка моя, залётная стрела,
Ты чей привет на землю принесла?

2000 г.

Памяти снега

Серебряный день в небесах,
Серебряный хруст под ногами,
Серебряный блеск на снегах,
Серебряный луч над снегами.

Гори, удивительный мой,
Сквозных очищений обетом —
Над первой в столетье зимой,
Январь, осеняемый светом!

13 января 2001 г.

Компьютерные игры

Ты снова жизнь чудовищам даёшь —
А кажется, что их уничтожаешь.

1999

Новости Мифологии

Солнце тысячами рук
Световые сыплет бури.
С порученьями вокруг
Вьётся крохотный Меркурий.

Несравненно хороша,
Облаками сокровенна,
Нянчит чудо, чуть дыша,
Неприступная Венера.

Отменив бравурный марш,
Под песком неумолимым
Глухо кающийся Марс
Бережёт свои руины.
Окликает, как детей,
Всех их старший брат Юпитер.
Он — державу от потерь
Упасающий правитель.

Разобиженный Сатурн
Заблудился в снах и бденьях
И под звон дремучих струн
Жрёт свои изобретенья.

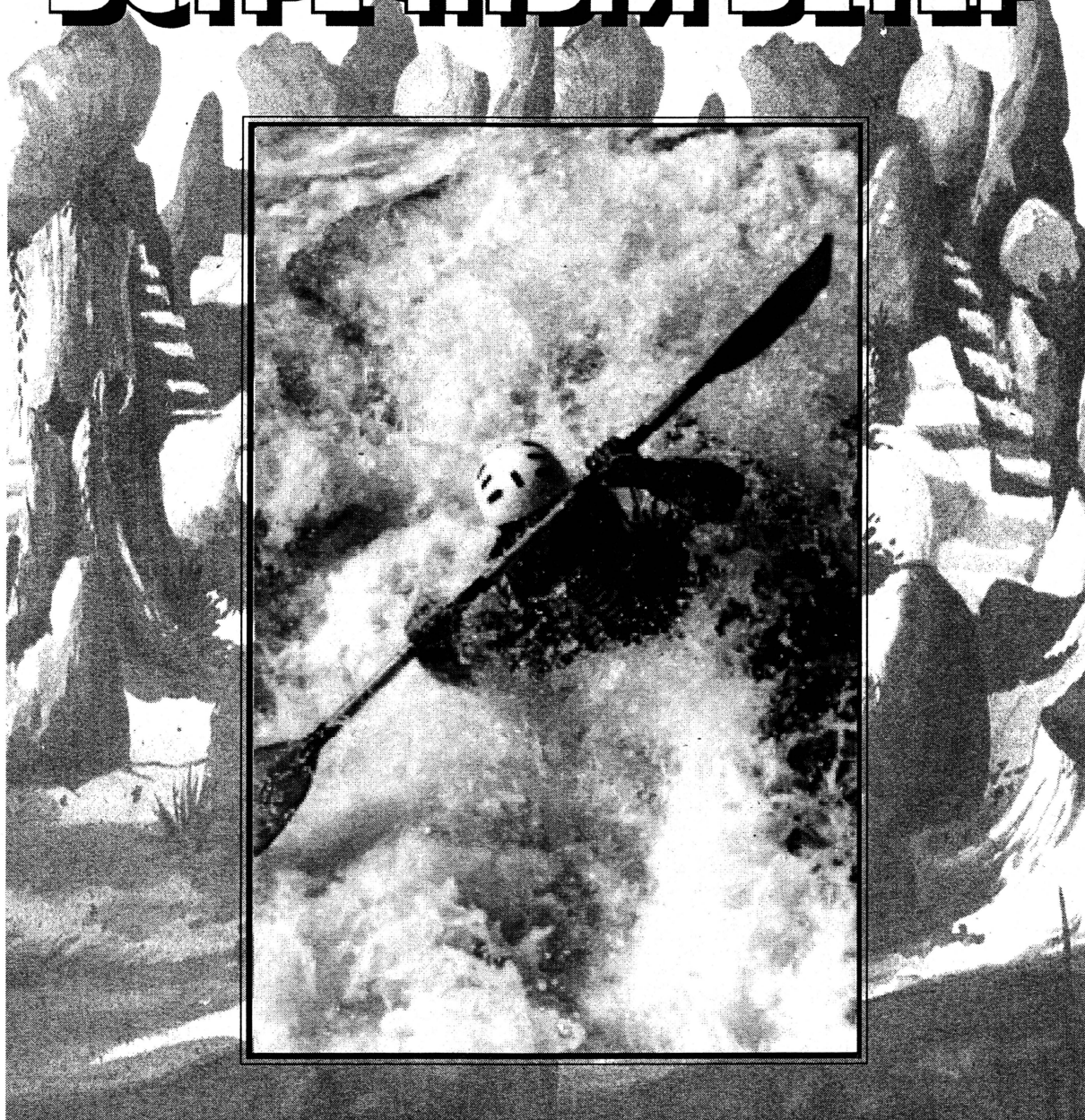
Близнецы — Уран, Нептун —
В Дивный Свет учиться едут;
Как прощальный дар — мечту
Сочиняют напоследок.

Призадумался Плутон
На своей периферии...
Но привычный дел мильон
Эти твари перекрыли:

Во Вселенной, где поля
Сплошь засеяны любовью,
Сумасшедшая Земля
Бредит золотом и кровью.

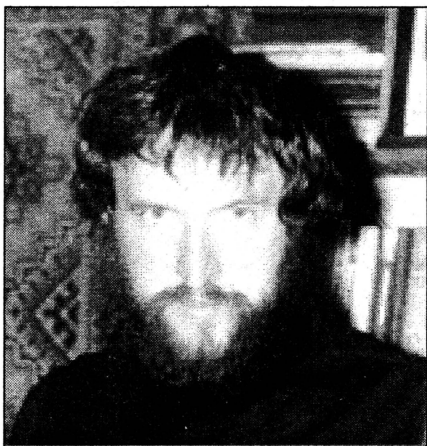
20 сентября 1999

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР



СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	66
Евгений ТАМПЛОН, Татьяна КРАФТ «Только вперед!»	67
Алексей АСАДУЛЛИН «Путь по Мрас-Су»	68
Евгений ТАМПЛОН «Тальков Камень»	70
Анатолий ПОНОМАРЕВ «Заходи - не бойся, выходи - не плачь»	72
Александр БОРОДИН «Студенты всегда будут ходить в походы»	74
Татьяна ЛЫХИНА, Александр ЛЫХИН «Дети-путешественники»	75
Александр ПОЛЕЖАЕВ «Бушуй»	77



Вот и лето — время отпусков и путешествий. Целый год вы мечтали о новом маршруте. И не просто мечтали — тщательно, со вкусом готовились к нему. Одних из вас манят провалы пещер, желание пробиться сквозь завалы к еще неизвестным человечеству гротам и галереям. Другие рвутся к небесным пикам гор, прокладывая по картам путь через сложные категорийные перевалы и вершины. А кто-то готовит и перепроверяет свой «внедорожник», закупая части и ремнабор. Разумеется, есть и такие, у кого в голове — только бурные реки, шум порогов и рев водопадов. Ну, а кто-то просто хочет сходить в свой первый в жизни маршрут, узнать, что же это такое — ночевка в палатке...

Вся туристическая страна готовится в Путь. И не только туристическая: свои маленькие путешествия в мир природы будут и у дачников, и у тех горожан, кто сядет на электричку и на полдня выедет за город, отдохнуть. Вот-вот начнется Великое Движение, в которое будут вовлечены не просто тысячи, а миллионы людей.

Но все же, даже если ваше путешествие — это простой выход в лес за грибами или ягодами, не забывайте о самом главном: берегите себя и берегите своих детей!

Все будет у вас хорошо — если вы всегда будете вместе! Держитесь друг друга!

И да хранит вас Бог!

*Александр Челноков,
зав. отделом «Встречный ветер»*

С 17 по 22 мая в Екатеринбурге прошел Кубок Мира по скалолазанию. Он включал в себя три этапа. Как всегда, в соревнованиях на сложность впереди были представители Франции и Словении; зато в скорости первыми были представители уральской школы скалолазания — Александр Пешехонов (г. Уфа), Зоя Подгорбунских (г. Екатеринбург). Также порадовал земляков молодой и талантливый скалолаз Сергей Сеницын, который выиграл второй этап Кубка Мира.

25 мая состоялся традиционный, уже шестой по счету (начиная с 1997 года) «Майский Экстрим» — праздник водного туризма в черте города. Трасса гонки, или так называемого водное ралли, шла от Плотинки до парка имени Маяковского. Эти соревнования собрали водных туристов из многих вузов г. Екатеринбурга, приехали также команды из Новоуральска и Перми. Организатором, как всегда, выступил турклуб УрГУ. Сенсацией этого года стал неожиданный триумф команды «Трэмп» из детского клуба «Лира» Октябрьского района, которые на четырехместном катамаране смогли победить более сильных и опытных соперников.

10— 12 мая 2002 года на живописном берегу реки Чусовой в районе станции Коуровская состоялся Первый Межвузовский Туристический Слет под названием «Уральская Гряда». Инициаторами Слета выступили представители турклубов УрГУ, пединститута и УПИ. В его программу входили соревнования по горному, пешему и водному туризму. Обширной была и остальная часть программы: конкурсы фотографий, стенгазет, самодельной песни, поваров, бивуаков. Несмотря на погодные условия (часто шел дождь) Слет прошел весело и дружно. Он послужил возрождением добрых традиций Областного Турслета «Буревестник», последний раз проводившегося двенадцать лет тому назад.

Замечание к № 4, 2002 г.

В № 4 за этот год на 3-й стр. обложки в статье «Древнейшая морская пристань — Чистоп» при наборе текста допущено несколько ошибок. Следует читать: во 2-й строке «мансийские историки»... «если не Ноев, то другой», в 13-й строке — «на Чистоп», в 23-й строке — «гора Отортен», в 25 строке — «как Манзские болваны».

На странице 72 даны ссылки на список литературы и на фотографии, не включенные в статью.

Приносим свои извинения читателям и автору статей.

Евгений ТАМПЛОН, Татьяна КРАФТ

Только вперед!

Эта гонка длилась примерно сутки. Перерыва на ночь не было предусмотрено — слишком короткая трасса. Какими бы ни были нервное напряжение и усталость участников — не важно. Вперед! Если ночь, и в свете фар видны только куски веток и грязи — ориентируйся по системе спутниковой навигации. Можешь даже подремать — но за рулем...

Именно на таких условиях 18-19 мая в уральской тайге прошел второй этап Чемпионата России по трофи-рейдам. Для него были выбраны те места, где даже лешие, пожалуй, чувствуют себя не совсем уютно. Но любителям экстрима такое — в самый раз.

Первый этап Чемпионата России стартовал в Санкт-Петербурге, в самом начале мая, и назывался «Тосьминские болота». Второй этап получил название менее романтическое — «Кубок Суперстроля». Но оно не сделало соревнования более будничными, легкими. Уральцы постарались и, пожалуй, даже несколько переборщили с выбором трассы.

Около 50 «внедорожников» разных марок стартовало под г. Верхняя Сысерть. Им предстояло проехать мимо контрольных пунктов у озера Сысертского, станции Полдневой и финишировать на знаменитой своим тайным кладом Азовгоре. Тем не менее, на первом же болоте отсеклось около 80% участников. Их застрявшие, сломанные машины вытаскивали на сушу еще потом целых три дня. Поломки самые разнообразные: от полетевших лебедек до сгоревших генераторов. Естественно, доставалось и колесам...

После первого этапа отсева приключения продолжались. К финишу пришло всего восемь машин. Только они смогли достаточно болезненно пережить приключения и отделаться простыми, без серьезных поло-

мок, переворотами. Стоило посмотреть хотя бы на переправу через заболоченную лесную речку недалеко от ст. Полдневая. Самые настоящие плотины живых бобров, грязь (именно грязь, а не вода) доходит машинам до капота... И еще стоило послушать свежие воспоминания участников экстрима — то, с каким восторгом они описывали Бобровую, говоря, что это — «отличная речка».

Но, увы, не все прошло так хорошо. Увлекательные схватки с природой временами дополнялись далеко не спортивными моментами. Именно из-за них все еще сейчас решается, кто все-таки завоевал победу. К финишу первыми пришли москвичи. Но... На их счету оказалась также попутная порубка леса в заказнике, и схождение с намеченной трассы гонок (под предлогом того, что им надо было объезжать застрявших соперников). Так что не известно, простят им в конечном итоге эти нарушения правил, или нет.

Но это — предварительная информация. Если вы хотите лучше познакомиться с тем, что происходило во время минувших соревнований — читайте седьмой номер «Уральского следопыта». В нем будет опубликован подробный репортаж с этих гонок.



Вперед можно двигаться и так — если выбираешься из очередного непролазного места.

Алексей АСАДУЛЛИН

Путь по Мрас-Су

Мрас-Су — это левый приток реки Тотьма. В теории добраться до нее просто: заброска осуществляется через г. Новокузнецк, г. Таштагол, пос. Усть-Кабырза и занимает всего два дня. Но в реальности на железной дороге начались неурядицы, и этап этот занял у нас аж четверо суток.

Но, наконец, мы у реки. Впереди — 240 км сплава, где-то посередине их — наша основная спортивная цель: порог III категории сложности Хомутовский каскад. Мы собрали три катамарана: две «двойки» и одну «четверку» (она называлась очень гордо: «Сонный Удав»). Ради изготовления рам для катамаранов мы беспощадно порубили ближайшие березовые заросли. Дядя Коля популярно объяснил нам всем, что такое скрутка. В процессе сборки Виталик извел на своего «Удава» почти все запасы веревки (за исключением чалок).

Мы отплываем. Экипажи торжественно фотографируются.

Мы плывем по реке Пызас. Через некоторое время она впадает в Мрас-Су — следовательно, в нее «впадают» и мы.

Наша главная река спокойна. Это ее нормальное состояние, она такова на большей части нашего маршрута. Наш начальник говорит, что сейчас в ней воды гораздо меньше, чем было шесть лет назад. И это особенно заметно на порогах: никаких тебе валов и прижимов. Перекаты чередуются с плесами (Ирина обозвала их Верх-Исетскими прудами). Вода в них прозрачна. Ее можно выпить — и даже не отравиться. Йод в нее мы добавляли только по прихоти своего руководителя, которая оправдывалась: «Привыкла детские группы в походы водить, а у них понос».

Все восемь дней сплава стояла жара. (Реплика Ирины: «У-у, звезда по имени Солнце».) Народ не только загорел, но и сгорел. Ленка по утрам спрашивала: «Ирина, где аптечка, а то колени не разгибаются». Но покупались, конечно, вволю. Ленку прозвали подводным скалолазом. Другие ребята получили другие прозвища, но публиковать их как-то... неудобно.

По сравнению с шорскими лесами, среднеуральские кажутся лесопарковой зоной (по крайней мере, те леса, что вокруг Екатеринбурга). Непролазные заросли, крутящиеся склоны. Без мачете или топора продвижение в них очень проблематично.

Местная живность тоже не отстает, буйствует. Виталика укусила какая-то тварь. И не просто укусила, а залезла под кожу и давай жрать изнутри. Когда ее через три дня выдавили, она уже успела пробурить отверстие диаметром в 1 мм и глубиной в 3. Говорят — личинка овода. Виталик после этого случая стал подозревать всех насекомых.

Следующий яркий (и многочисленный) представитель тамошней фауны — личинка стрекозы. Она сантиметра два в длину и сильно напоминает дракона. Мы окрестили ее шорским крокодилем.

По пути залезли в какой-то грот на правом берегу. Он не глубокий, но в нем смогла поместиться вся наша группа. Там полно живых и мертвых шорских крокодилов, а вверх уходит шкуродер-колодец. Изучая грот, наткнулись на надпись: «Здесь проходила банда атамана Семенова». Мы так и не поняли, кто сидел здесь с зубилом: сам атаман, или кто-то из его потомков?

А скалки на берегах здесь поразительные: вертикальные стенки метров в 20-40, по берегам — сыпуха и курумник. Длинных скальных массивов нет — это вам не Чусовая. Но, если учитывать лесные вклинивания, скалы растягиваются на сотни метров. Встречается и густой лес, из которого ни с того ни с сего торчит вертикальная скальная стенка.

Рыбы полно, мы плыли прямо по хариусам. Но покушать их не удалось: дневок не было, а вечером рыбачить уже некогда. Заготовка дров тоже была проблематичной: видит око «сухарю» да не прорваться к ней через «джунгли».

Особенно запомнилась лесозаготовительная операция во время одной из ночевок на островах (они уже ниже Хомутов). На острове дров не было, и пришлось отправляться за сухарю на «нормальный» берег. Валим сухарю. Она, падая с обрыва, сбила другую, встала на попа, упала плашмя, рассыпалась на куски. И все это на глазах группы. Эх, знали бы заранее, что так получится — поставили бы человека с фотоаппаратом!

Из-за изнуряющей жары мы плыли без особой спешки. Дядя Коля вообще весь поход спал. Мы ему рассказываем, какой классный перекат прошли (камни в реке паслись), а он: «Какой перекат?»

Группа заворачивала и к водопаду на реке Сага (левый приток Мрас -Су). Он расположен в 150-200

метрах от берега. Приметы: большая красноватая скала на левом берегу, перед ней — деревянная беседка. Там и нужно чалиться. Вода прорывается между двух больших камней — словно из ущелья — и вертикально падает с высоты примерно в десять метров. Под водопадом — выдолбленная водой в камне котловина метров пяти в поперечнике, глубина — по колено. Залезаешь под падающую струю — и с воплем выскакиваешь из-под нее секунд через 10-15. Вода больно бьет по ушам, по темечку, да еще она и ледяная!

И вот перед нами 6 км Хомутовского каскада. Как уже говорилось, воды в реке мало. Но вдобавок она и катастрофически быстро уходит! Поэтому нам пришлось забыть о больших валах и бочках. Нам предстоял водяной слалом на хорошей скорости.

Перед порогом — входная шиверка, перед шиверкой на правом берегу — действующая база отдыха. Вода здесь еще не набрала скорость, так что шиверку проходим без проблем. Порог состоит из трех ступеней, они разделены короткими (метров по 50-60) и относительно спокойными участками. Самое интересное — это третья ступень и выходная шивера.

Перед прохождением каскада устраиваем разведку, изучаем первую и вторую ступени. Жара не спадает. За правый поворот, до третьей ступени, не пошли: устали.

Покатамаранно прошли первую ступень. Дальше двинулись, используя так называемую «сванскую страховку» (то есть прямую видимость между судами). «Сонный Удав» постоянно наступал на пятки адмиральской посудине, и та еле успевала уходить.

Уже в выходной шивере адмиральский экипаж едва хватил кондаршка: перед носом их катамарана из воды внезапно показались почерневшие кисти рук. Все разговоры мигом прервались, во ртах пересохло... И тут, секундой позже, в двух метрах от катамарана вынырнула утка. Оказалось, что это были ее лапы.

Хомуты пройдены! Начальник загнала всех в воду и заставила фотографироваться — традиция.

После порогов уклон русла чуть увеличился, стало больше перекатов. Скальные выходы по берегам практически исчезли.

И до, и после порога нам встречались шорские деревни. Невыразительные: чаще всего не более десяти домов, стоят на плоских участках берега. Это русские все норовят строиться на косогорах, и в результате получается красиво: село на семи холмах. А тут...

С шорцами у нас был нейтралитет. Никто никого не трогал. Хотя два раза подплывали — просили закурить, перевезти. По реке шорцы двигаются на длинных лодках с подвесными моторами (не на плоскодонках). Управляют, стоя на дне лодки.

Как уже упоминалось, пару раз мы ночевали на островах. В предпоследнюю ночевку устроили лагерь на большущем, длиной метров 500-600, острове. В его центре — луг, используемый местными в качестве сенокоса. На лугу нас чуть не сожрали комары, и пришлось ретироваться на уже привычный прибрежный галечник.

Перед поселком Мыски река сплошь разрезана на потоки островами, и некоторые из них тянутся аж на километры. В последний день сплава мы только и делали, что перемещались по протокам, выбирая из них основной поток. Начинаясь «населенка». Шорцы остались выше, тут уже живут, в основном, русские. День был будний, но народу на берегах — как в праздник. Мы предположили, что у людей был национальный праздник — День мытья ковров (те были расстелены чуть ли не на каждом прибрежном камне). Мы плыли по протокам и, внезапно появляясь из-за поворота, спугивали влюбленные парочки, переедающих или купающихся граждан. Адмиральский кат наконец обогнул спящего дядю Колю (хотя он в этот день почему-то проснулся и активно греб), вырулил из-за поворота — и чуть-чуть не наехал на двух купальщиков, которые искали место поглубже. Бедняги едва увернулись — и тут же им снова пришлось нырять: рядом пронесся «Сонный Удав». Последним шел дядя Коля — и он-то на своем «белом пароходе» просто в воду втоптал этих людей...

Вот и Мыски. Железнодорожный мост. Водный этап путешествия подошел к концу. Мы сидим у берега на катах и думаем: «А может, дальше пойти?» Но через пять минут все же решаем выйти, как рептилии в свое время, на берег. Нашли достаточно приличную полянку прямо под мостом. Был уже вечер, отдыхающие разошлись по домам, и нас никто не беспокоил. Всю ночь мы пели песни и пьянствовали.

А утром, около десяти часов, — электричка на Новокузнецк...



Один из моментов сплава.

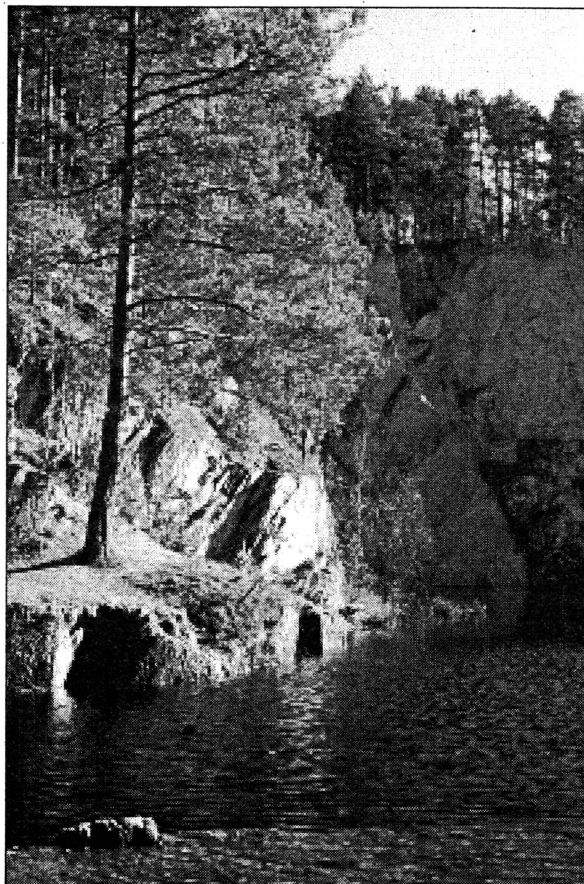
Евгений ТАМПЛОН

Тальков Камень

Бурное промышленное освоение Урала продолжается уже четвертое столетие. За это время в уральской земле было выкопано огромное количество шахт, шурфов, копей и карьеров. Добывали медную и железную руды, уголь и асбест, пилили мрамор, искали золото и самоцветные камни. Небольшие месторождения быстро иссякали, тогда находили новые, а старые выработки забрасывали. Зброшенные, они начинали уже самостоятельную жизнь, без участия человека. Шахты и шурфы осыпались, превращаясь в глубокие и опасные воронки, а карьеры заливались грунтовыми водами, их борта и отвалы зарастали лесом — получались рукотворные озера с чистой и прозрачной водой. Озер таких на Урале великое множество, их гораздо больше, чем озер естественных. Затопленные карьеры уступают природным озерам по площади, это, как правило, небольшие водоемы, но что касается глубины и чистоты воды, среди озер Урала равных им нет.

Одно из самых знаменитых и живописных среди уральских озер-карьеров — это, конечно, Тальков Камень. Находится это небольшое рукотворное озеро среди леса в нескольких километрах от города Сысерти. Когда-то здесь добывали тальковый сланец, он служил огнеупорным материалом на металлургических заводах бывшего Сысертского горного округа. Добыча велась с 1843 года. За шестьдесят лет эксплуатации карьера образовалась глубокая выработка, которая в начале XX века стала затапливаться водой. Из-за быстрого подъема вод добычу талька пришлось сократить, а вскоре и вовсе забросить карьер. Карьер превратился в небольшое озеро с обрывистыми берегами, сложенными из мягкого и блестящего талькового сланца.

Вскоре за карьером утвердилась дурная



Берега Талькова Камня.

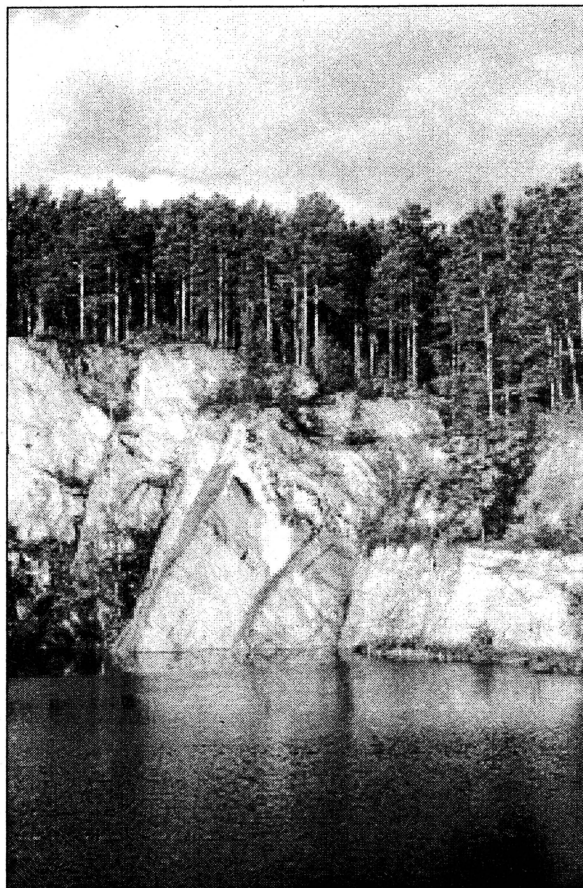
слава. То скотина пропадет, то загулявшие жители Сысерти увидят в окрестностях озера Белую женщину, манящую за собой. Людская молва окрестила Тальков Камень местом гиблым и неподходящим для загородных прогулок добропорядочных горожан. А тут еще бунтарски настроенные рабочие Сысертского завода начали устраивать на берегу Талькового Камня тайные революционные собрания, что тоже прибавило лесному озеру дурной славы.

Но шло время. Берега рукотворного озера поросли лесом, покрылись лишайником и мхом отвалы карьера. В воде появилась водоросль элодея и завелась рыба. Про нечистую силу, обитавшую в здешних местах, люди стали забывать, и Тальков Камень оказался одним из самых любимых туристических мест не только для жителей Сысерти, но и Екатеринбурга.

Не оставили без внимания прозрачные воды бывшего карьера и аквалангисты. Как только в стране появилось доступное для всех желающих легководолазное снаряжение, одним из первых мест, где начались погружения, стал Тальков Камень. Аквалангисты выяснили, что дно озера покрыто толстым слоем светлого талькового ила и с глубины 20 метров буквально завалено упавшими с бортов карьера деревьями. В результате истинное дно рукотворного озера так никто и не увидел, что породило новые легенды о Тальковом Камне.

Теперь уже о нечистой силе никто не вспоминал, а вспоминали о кладах, возможно, покоящихся на его дне. Истории эти о несметных богатствах, запрятанных в озере, не лишены здравого смысла.

Последний хозяин Сысертского завода Саломирский был не только богат. Слыл он человеком образованным и большим ценителем и собирателем произведений искусства. Гордостью его коллекции было собрание мраморной скульптуры работы итальянских мастеров XVIII-XIX веков. После революции коллекция исчезла. Многие ее пытались искать, но до сих пор судьба итальянского мрамора не известна. Тот факт, что ни одно произведение из коллекции Саломирского не объявилось на мировых аукционах, говорит о том, что работы где-то спрятаны до сих пор. Поговаривали, что спрятал Саломирский свое богатство на дне Талькового Камня. Будто даже видел кто-то, как везли на подводах по дороге к карьере что-то тяжелое, но что везли и везли ли вообще, никто толком ничего сказать не мог. А дно Талькового Камня — место надежное и недоступное. Так до сих пор и хранят свою тайну зеленватые воды заброшенного старинного карьера.



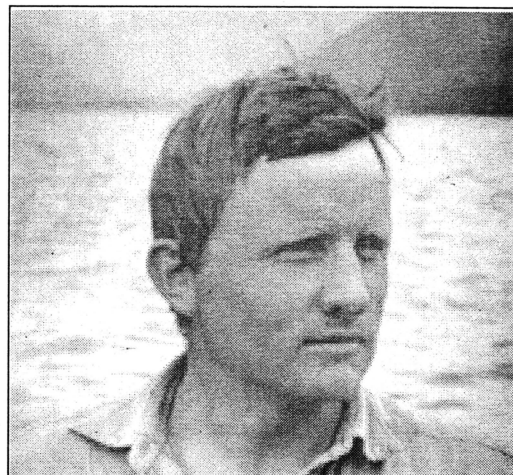
Берега Талькова Камня.

Если вы соберетесь посетить Тальков Камень, то садитесь на автомобиль и через город Сысерть езжайте по асфальтированной дороге, идущей в поселок Асбест. Дорога пойдет вдоль залива Сысертского пруда, в который впадает речка Черная. Как только увидите мост через речку Черную, то те, у кого автомобиль не отличается высокой проходимостью, уже приехали. Отсюда пешком через мост по лесной дороге до Талькового Камня всего 3 км. Если ваш автомобиль с полным приводом, то смело переправляйтесь по мосту через речку Черную и — сразу направо по лесной дороге. Она вас выведет к цели вашего путешествия.

У кого личного автотранспорта нет, могут от автовокзала в г. Сысерти пешком добрести до Талькового Камня. Им придется преодолеть путь около 8 км.

Анатолий ПОНОМАРЕВ

Заходи – не бойся, Выходи – не плачь



Байдарочка доверчиво лежала на завале у наших ног, все вещи в ней были целы, так как все было надежно упаковано и привязано. И даже очки оказались у Лени на шее — болтались на резинке. Леня одел их и сразу стал походить на себя.

Мы осмотрелись. На первый взгляд, наше пристанище производило неприятное впечатление, а если присмотреться получше — то просто отвратительное. Было почти темно, шел дождь, мы лязгали зубами и тряслись от холода и голода. Достав из рюкзаков фонарики, мы попытались найти место для ночлега. Какой хаос под ногами! Вырванные с корнем деревья разных пород, какие-то бревна, ветки, мусор, внизу шумит вода. Отовсюду летят брызги. Страхуя друг друга, добираемся до более или менее подходящего места — кажется, когда-то это был плот. Перетаскиваем туда рюкзаки, предварительно крепко привязав байдарку наверху завала. Палатка осталась в другой байдарке, поэтому мы полушатром натягиваем над собой полиэтилен — уже крыша над головой. Достаем из рюкзака бересту, ломаем сучья, и скоро у входа заплясал веселый жаркий костерок. Костер горит — да здравствует костер! Костер — это ангел-хранитель всех путников. Он раздвинет мрак, уберезет от холода, дикого зверя, обсушит, поможет приготовить еду, разгонит гнус, разделит одиночество. Можно сказать, что теперь нас уже трое. Сушим надувные матрацы, кладем их внутрь шатра, переодеваемся во все сухое, так как в рюкзаках у нас — прочные полиэтиленовые мешки, в которых при любой непогоде вещи остаются сухими. Не сходя с места, черпаем внизу, под собой, воду, готовим ужин. Обжигаясь, не жуя, глотаем кашу с мясом, пьем густое какао, блаженствуем после днев-

ных мытарств. Вспомнилось, как в зоопарке кормили бегемота. Служитель совковой лопатой кидал ему в раскрытую пасть кашу вперемешку с буханками хлеба, а на десерт засунул туда несколько арбузов. Как далеко от нас тот зоопарк. Теперь мы поменялись ролями. Если там дикие звери находились в плену у людей, были объектом их любопытства, то теперь дикие звери могли с любопытством смотреть на нас, находящихся в плену у дикой природы. Мы были одни в этом враждебном мире, но мы сами вошли в него, сами бросили ему вызов. Пусть под нами ревет вода, сверху льет дождь, кругом горы, тайга и непроглядная тьма, и ни одна душа на свете не знает, где мы сейчас и что с нами, мы радуемся жизни во всю силу своих чувств. Мы рады, что живы, здоровы, сыты и обогреты.

А где и как коротают ночь наши Володи? Может быть, они благополучно добрались до Байкала, или сидят вот так же где-нибудь в завале, или может быть... Нет, дай им Бог удачи! Мы надеемся на встречу, мы выберемся. Разговор заходит о бухте Хакусы, и в памяти встает залитая солнцем, в клубах пара долина, окруженная буйной зеленью. Главной примечательностью там был горячий источник, который вытекал прямо из скалы, а затем растекался горячей речушкой, на которой стояла тесная банька с надписью: «Заходи — не бойся, выходи — не плачь». Чистая, горячая вода, насыщенная родоном, даже заочно вызывала ощущение блаженства и покоя. Как это близко от нас, и как далеко. Далеко от нас дом, семья, любимые книги. Где-то сейчас собираются люди, звучит музыка, слышится женский смех. Неужели все это снова будет? Не договорив, мы заснули — сытые. Сухие, почти счастливые...

Как ужаленные, вскочили мы под потоком холодной воды, льющейся сверху. Что это — вода пошла верхом?! Слава Богу, нет. Это под тяжестью накопившейся дождевой воды сорвался полиэтилен и окатил

Окончание. Начало в № 5.

нас, наказав за халатность — в потьмах мы плохо натянули его.

Светало. Моросил дождь. Позавтракали «сухим» пайком, перетасили байдарку по завалу в другую протоку, и — прощай, дурное место, — опять понеслись вниз по водному склону. Теперь, умудренные опытом, перед каждым поворотом реки мы делали остановку. Мы разворачивали байдарку носом к течению, причаливали к косе, пешком шли на разведку, выбирали русло и продолжали путь. Раньше мы поднимались от Байкала по Фролихе до первого мощного переката — и вот теперь, летя сверху, ждали. Когда появлялись знакомые места. И вот он — знакомый пережат! Тут все рукава сливались в одно русло, и Фролиха без нервов, стремительно несла нас вниз, к Байкалу.

Показался на берегу дым костра. Палатка, наша палатка! Сунув в рот ребра ладоней, мы, как мальчишки, закричали по-индейски. Выскочили из палатки заспанные Володи. Мы причаливаем, выходим на берег, обмениваемся впечатлениями, сушимся, завтракаем, ремонтируем байдарку, прощаемся с коварной Фролихой и выступаем в путь уже по Байкалу.

Володи оказались удачливее нас: по их словам, они скатились в Байкал «без проблем». Может быть, сказался их опыт, а может, им просто больше повезло — но к полудню они были уже на Байкале. Время обеденное, а есть-то нечего! Все продукты у нас, а в их байдарке — палатка и пустая посуда. Продав нас до вечера, они так сильно проголодались, что начали рыскать на байдарке вдоль берега Байкала, пока не встретились с рыбацким катером. Рыбаки дали им хлеб, консервы и передали по рации, что байдарка-двойка из Свердловска не вернулась с маршрута.

Потом нас в бухте Хакусы будут призывать к осторожности и приводить пример: на днях двое погибли, сплавляясь по Фролихе... И мы не сразу поймем, что речь идет о нас...

Пересекаем бухту «Ая-я» в тумане по компасу, так как у нас нет времени идти вдоль берега. Сегодня вечером мы должны быть в Хакусах, чтобы сесть на теплоход — так как следующий будет только через неделю. То и дело совсем рядом появляются из воды усатые нерпы. Байкал слегка волнуется, и на волнах в нашей многострадальной байдарочке несколько неуютно. Но, заклеенная перцовым пластырем, заштопанная и замазанная пластилином, она почти не пропускала ледяную байкальскую воду.

Идем довольно быстро, так как очень свежо, и греет только работа. Но позади такой день, такая ночь, что нет никакого желания «вламывать». Частота гребков, однако, растет. Показалось солнце, заголубело небо, поднялось настроение. И вот уже байдарки идут «ухо в ухо», никто не хочет отставать. Когда я вижу, как вздувается у Лени шея, я буквально зверею. Он,

варнак, будто знает это и раздувает шею, словно кобра.

— Ломай весла, Толя! — это он напоминает мне поход по реке Лене, когда в конце похода я на спор в гребке сломал подряд два дубовых весла.

Эх, где наши тридцать годиков! Вода закипела под носом нашей байдарки. Ну, теперь нас можно выпускать хоть в олимпийскую гонку.

— Бурунчиков не вижу! — так в походе по Енисею кричал сачкующему гребцу наш незабвенный капитан Сережа. Вот они, бурунчики, целые воронки остаются на воде после гребка, улетают назад. Пошла работа! Всхрапывает под веслами, журчит за кормой голубая байкальская вода, да слышно чье-то хриплое, со стоном дыхание. Мое дыхание! В горле сухой песок, внутри — пекло. Теперь — не сбавлять и терпеть. Боль разрывает плечи, шею, спину. В ушах — звон, в глазах — красный туман. Терпеть и не сбавлять! А Володи не отстают, идут рядом. И тут Леня еще увеличивает частоту гребков. Шея, уши и плечи у него стали багрово-синими, волосы мокрые, по спине футболки течет пот. Мы молотим, словно роботы, зажав все эмоции. Показался зеленый берег, залитый солнцем — там финиш. «Сейчас вы, миленькие, отстанете, никуда не денетесь,» — бьется в мозгу. Но вторая байдарка, как тень, по-прежнему рядом. Ох, и молодцы же наши Володи! Ну до чего здоровы, до чего терпеливы! Как они слаженно, ка мощно гребут! Но мы должны выиграть, и мы выиграем эту гонку!

Почти без сознания втыкаемся в галечный берег раньше на треть корпуса байдарки.

— Давайте еще раз! Командор, еще раз! — кричат расстроенные Володи.

— Командор гребет один раз, — с достоинством говорит Леня.

Держа марку, скрывая безмерную усталость, выходим на берег, валимся в нагретую солнцем густую траву и засыпаем мертвецким сном.

... Солнце садилось, когда мы подходили к бухте Хакусы. Песня, раздольная и широкая, летела с берега, лилась над водой. Рожденная большим сердцем в могучей груди, словно вобрав в себя всю прусскую грусть и удаль, она, как мятушаяся душа, летела над широкой спокойной мощью Байкала — искала долю.

Н.С.: Каждый раз, заканчивая трудный поход, мне жаль расставаться с моими друзьями.

— Милые мои, как я вас всех люблю, — хочется сказать. Как мне с вами хорошо и надежно. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с вами. Я знаю, что такое мужская дружба, высокое мужское братство. Нас объединяет нечто высшее, что познается на пределе человеческих возможностей.

Живите долго, мои хорошие!

Александр БОРОДИН

Студенты всегда будут ходить в походы...

В спортивном туризме походы разделяют по категориям сложности, начиная от самой простой — первой и заканчивая самой сложной — шестой.

Так что все очень просто. Есть каталоги категорийных горных перевалов, вершин и рек. Остается только сесть с друзьями за такой каталог и выбрать по нему реку или гору — а можно и то, и другое вместе.

Но... Здесь «Вот как раз и начинается кино», как поет Юрий Визбор. Выбрать маршрут — это не подобрать шляпу в магазине. Здесь надо выбирать действительно по себе, по своим реальным силам — иначе легко нарваться на массу опасных приключений.

Старшему поколению туристов в этом отношении хорошо — они застали туристские семинары НТП (начальной), СТП (средней) и ВТП (высшей) подготовки. Это обучение проводили Рудислав Харитонов, Анатолий Скрипов, Леонид Богомолов и многие другие. Там туристы получали хорошие знания о туризме и, в частности, о технике безопасности и первой помощи.

А вот нынешней молодежи приходится обходиться без такого обучения. Ей все приходится открывать для себя вновь, на своем опыте, повторять и повторять одни и те же ошибки. И эта проблема гораздо серьезнее, чем кажется — несмотря на почти повальное увлечение компьютерными играми и ночными барами, есть и всегда будут те молодые ребята, студенты, которые будут ходить в походы. Это как раз та часть молодежи, которая любит настоящие приключения и авантюры — и именно поэтому часто склонна к излишней переоценке своих сил, к предельному риску.

Сейчас как раз наступает лето. И молодые туристы заканчивают подготовку к летним экспедициям. Уже куплены билеты, в последний раз изучаются карты и схемы, запасаются продукты... А ведь среди этих ребят немало тех, кто идет в свой первый поход. И, в свою очередь, среди этих новичков немало тех, кто, не имея минимального опыта и навыков, мучим ненасытной тягой к авантюрам.

Все помнят о походе на Северный Урал тургруппы под руководством Дятлова. А ведь это были сильные, опытные туристы! Они мечтали проложить новый спортивный маршрут — но все кончилось трагедией 2 февраля 1959 года. Но, увы, этот пример — всего лишь самый известный, популярный у прессы и любителей тайн. К сожалению, никакой статистики несчастных случаев не ведется. Так что все, что я перечисляю ниже, — это только то, что я буду вырывать из памяти, что врезалось в нее с болью и безысходностью.

1984 год. В Казахстане на реке Чарын в пороге Зубная Щетка (шестой категории сложности) погибли три студента Свердловского Архитектурного Института.

1988 год. В течение этих двенадцати месяцев в разных походах погибло восемь студентов из разных вузов.

1990 год. На реке Уба погиб молодой талантливый турист-водник, студент Медицинского института Илья Колбин. Родители и друзья искали его сорок дней и нашли в скалах над Большими Убинскими порогами.

1998 год. На Кавказе на реке Теберда погибла, попав в завал, студентка Света Фоминых.

2001 год. В 5 километрах от станции Таватуй замерз турист, студент УПИ.

2002 год. В районе станции Бойцы погибли три туриста-студента. Они шли к реке Чусовая с байдарками по железнодорожным путям и попали под грузовой поезд.

Что это? Набор роковых случайностей? Проявление трагической, неизбежной закономерности?

Я думаю, что руководителям вузов стоит задуматься над этими и другими, неупомянутыми, трагедиями, а так же над статистикой несмертельных травм в походах. Необходима работа по их профилактике. Раньше этим делом занимались студенческие турклубы, но в последние годы о них вспоминают лишь тогда, когда у них надо отобрать помещение — для того, чтобы сдать его в аренду очередной коммерческой фирме...

**Татьяна ЛЫХИНА, мастер спорта по туризму,
Александр ЛЫХИН, руководитель клуба «Дружба»**

Дети-путешественники

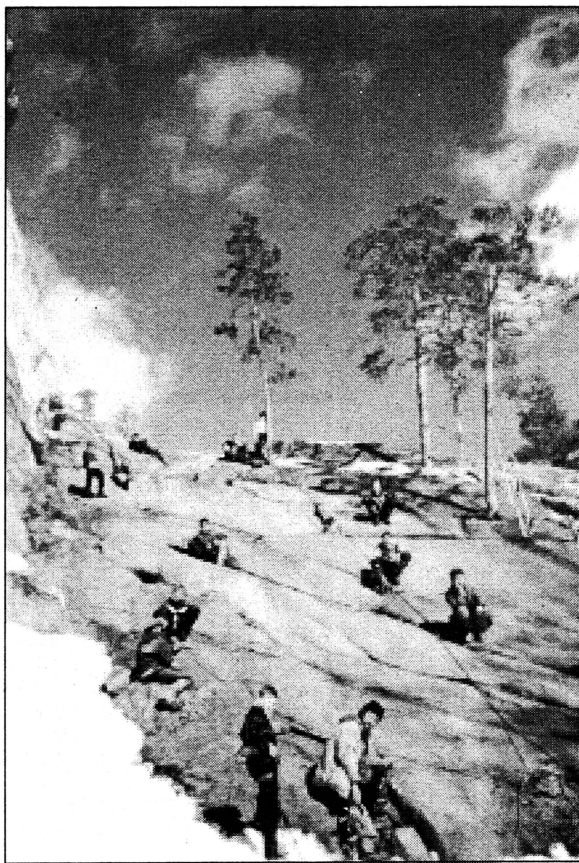
Клуб спортивного туризма «Дружба» всегда старается, чтобы для его членов была незабываемой маленькая жизнь короткого уральского лета. Как говорится в одной старой туристской байке: «Было трудно... но мы достали...» Ребята и взрослые в первый же день прошлогодних каникул извлекли из хранилищ парусные доски, лодки, катамараны, а также массу всего другого, требующегося для жизни в палаточном лагере около озера. И отправились на Верх-Исетский пруд — осваивать азы туристского мастерства.

В лагере были организованы занятия по безопасности на воде, технике управления байдаркой и катамараном. Начинающие путешественники знакомились с базовыми моментами парусного искусства. Погода стояла прекрасная, и поэтому занятия по скалолазанию и ориентированию прошли полноценно, интересно.

Не секрет, что туризм очень здорово помогает воспитанию трудовых навыков и сильной воли человека. Поэтому основные задачи клуба «Дружба» — организация досуга детей, их оздоровление, обучение, и (по мере возможного) воспитание своих маленьких членов. Ведь в походах ребята учатся преодолевать препятствия, готовить пищу, рубить дрова, ставить палатку и т.д. Туристская группа — это не класс. Походная жизнь сближает ребят гораздо ближе, чем школа. Дети в путешествии хорошо узнают друг друга, и поэтому такая дружба остается между ними на долгие и долгие годы...

Та летняя программа клуба была украшена сплавом по знаменитой реке Чусовой. Почти на каждом километре путешественников там ждали удивительные места: быстрый перекат или тихая заводь, две-три протоки между островов или долгий плес... И везде, на всем пути, по берегам, как стражи, стоят скалы...

Туризм и природа — понятия неразрывные. Ребята получают от общения с ее миром массу благ — здоровье, бодрость, полезные знания и навыки. Живописные, чистые места благотворно влияют не только на физическое, но и на психическое состоя-



Хотя снег еще не сошел, тренировки уже идут.

ние человека. Ребят, как и всех людей, не могут не восхищать красота рек, гор, пестрые цвета леса, облик и повадки животных. Звуки, цветы, запахи Урала вряд ли кого оставят равнодушным.

В путешествии ребенок, как правило, желает освободиться от ряда условностей, связанных с его местом и ролью в обыденной жизни, наиболее полно проявить свои лучшие качества, что ему нередко и удается сделать. Одновременно с этим ребенок получает возможность уйти от переизбытка информации и других нервно-психических перегрузок, отдохнуть от высокого темпа жизни.

Но главная задача в таких походах — обеспечить безопасность детей. Для этого, помимо всего прочего, необходимы тренировки юных путешественников. Именно для этих целей и создан спортивно-туристический лагерь «Ревун», разместившийся недалеко от г. Каменск-Уральского, на реке Исеть. Это место является уникальным, и на нем собираются не только юные, но и взрослые спортсмены, туристы. Сюда

приезжают водники со всей России, а также тренируются туристы-горники, любители экстремального велосипеда.

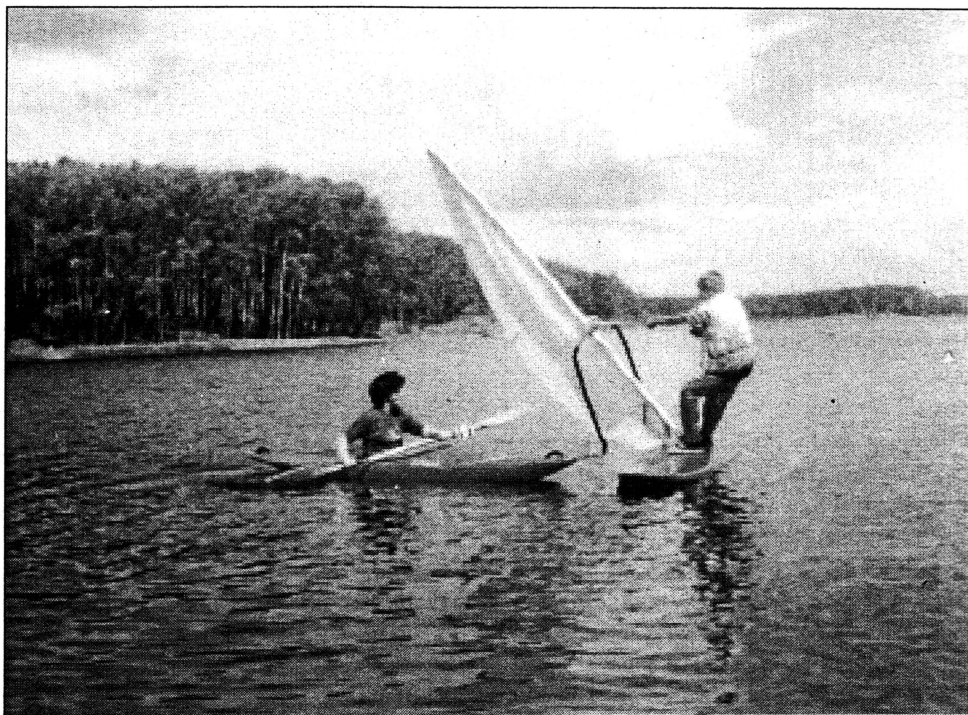
Но вернемся к детям. Они занимаются здесь водным слаломом на каяках, скалолазанием, ориентированием. Каждый вечер был занят большой досуговой программой. А в конце работы лагеря прошли соревнования по всем изучаемым в нем туристским дисциплинам. Призеры этих соревнований увезли по своим домам памятные подарки.

Заключительными же этапами летней программы клуба стали учебно-тренировочные походы по Горному Алтаю, а затем и по Забайкалью.

Да, все это было! И проливные дожди, и жаркое солнце, и тяжелая восьмидесятикилометровая заброска через четыре перевала к истокам реки Снежная. Спортивный сплав по бурной реке, разведка порогов, страховка экипажей, повороты при прохождении препятствий... Одним словом, трудная, каждодневная работа. А рыбалка: хариус и ленок! Грибы, ягоды...

Но все это уже позади. А впереди — новые туристические маршруты.

До встречи на них!



Тренировки на воде.

Байки о детях-путешественниках

Идет сплав по Чусовой. Дети на катамаране постоянно спрашивают руководителя: «Почему?»

— А почему этот камень называется Боярин?

Руководитель, уставший от всех «почему», уныло начинает говорить:

— Бежал боярин, спасался от волков и, чтоб не попасть им в зубы, бросился с высокого камня в воду, и с тех пор этот камень называется Боярин...

— А почему этот камень называется Печка?

руководитель монотонно продолжил:

— Бежала Печка, спасалась от волков, и, чтоб не попасть им в зубы...

У Леши вместо носового платка носовой носок...

(Лена Сивкова, 12 лет.)

Мы в городе гуляли, и к нам привязался тормоз, мы его еле потеряли...

(Леша Баулов, 13 лет.)

Александр ПОЛЕЖАЕВ

Бушуй

— Поправь здоровье, Сашок! — предложил батя.
— Для аппетита.

— Спасибо, еще со вчерашнего мутит, — признался я и отказался. Но стариков это не огорчило. Они выпили полбутылки с холодной закуской и остальное под горячее, под кашу с тушенкой. Потом стали пить чай. Дед старался оправдать собаку и иронизировал над нами:

— Эх, бегуны-бегуны, вам бы только бегать. Собака, конечно, молодая, но ведь старается! Взяли бы одного, второго, глядишь, и собака вернее заработала бы. Ты, Николка, поопытнее, а все спешешь, как молодой до бабы. Только собаку портишь.

— Так возьми ружье да покажи, твоя ведь собака! — конфузливо огрызался Николай. — Заяц ушлый попался. Брали же в прошлые разы. Может, и нынче возьмем.

— Дай-то Бог! — скептически поглядывая на мглистое небо, сказал батя. — Погода вроде портится.

Действительно, легкий ветерок начал кружить в воздухе мягкие снежинки. Небо потемнело. Но снег не дождь, он не заставляет искать укрытие.

Опять спустили собаку, опять пытались перехватить зайца, но все напрасно. Поднялся ветер, усилился снег, а собака (если честно) не вселяла никаких надежд на успех.

Короткий день подходил к концу, и надо было думать о ночлеге — тем более, что пахло непогодой.

— Пойдем на свежую делянку, там избушка была, может, не увезли ее еще, — предложил Николай. — Мытто и в лесу можем переночевать, плевое дело, не впервой. А Сашок иззябнет.

— Ну, в лесу и мне не в радость спать. Здоровье не то, — откликнулся дед. — Мне впору на печи лежать и кости греть. Но вот взял собаку и, хочешь не хочешь, а гонять надо. Добрались до избушки лесорубов — тесной, но с лавками и с печкой-буржуйкой в углу. Выбитое окно занавесили плащом, натаскали дров, нарубили их для маленькой дверцы печушки. Затопили. И через полчаса стало тепло, уютно.

Дед достал свечку, так как уже и на улице было темно. А в избушке — и тем более. Дед достал из рюкзака провиант.

Одну лавку временно приспособили под стол, выставляли на нее закуску. Котелки поставили на раскрасневшуюся печку, ровно гудевшую как двигатель. На улице, между тем, стала завывать настоящая вьюга. Она шуршала жестким снегом о плащ на окне. Бушую бросили под лавку полбулки хлеба:

— Ешь хлеб, если на мясо не заработал, — ласково проворчал батя в адрес собаки и достал из рюкзака еще пару бутылок водки.

— Да— а... — протянул я. — Ну, вы, мужики, даете! Упить можно.

— Охота — это праздник! — сказал дед. — Хочешь пей, хочешь нет. Никто не неволит.

— Оно когда с устатку да не емши, так только впрок, — пошутил я.

Действительно, ночь впереди длинная, в теле усталость и продроглость. Жарко гудит печурка, мерцает свеча. В такой обстановке грех не выпить.

После выпивки дед смолил одну папироску за другой, чего дома я за ним не замечал. Вот и анекдоты начал рассказывать, и баб каких-то вспоминать. Я только слушал, изредка поддакивая и поддерживая разговор на бытовые темы. Чувствовал, что в этой компании я веса пока не имею.

Спать было очень неудобно: узкая, короткая лавка впиалась в бока и вдобавок казалось, что вот-вот с нее свалишься. Старики всю ночь подбрасывали в печку дрова, так что, в общем, было тепло. И наутро, хотя и все тело ломило, я все же чувствовал себя выпавшимся.

Небо просветлело, и даже показалось солнышко — пусть и не такое теплое, но веселое. Чистый, свежий снег заискрился до рези в глазах. Мы напились чаю и подались в лес ближе к железке — чтобы, по пути охотясь, выбраться на станцию после обеда.

Бушуй резво ушел в полаз, а мы, растянувшись цепочкой, прочесывали лес в поисках следов зайца. Но после непогоды снег был чист, как свежая скатерть, — ни следочка. Тренькали весело синицы, шуршали корой деловитые поползны, даже вороны каркали как — то веселее. Но нам час от часу становилось все невеселее — дичи не было. Но вот часов в одиннадцать бушуй наконец-то наткнулся на зайца и страстно, нетерпеливо погнался за ним. Лес ожил от веселого лая, а сердце радостно заколотилось, согревая скованные члены.

Продолжение. Начало в № 5.

Как ни мудро и опытно мы себя вели, но и этого зайца взять так и не смогли...

Я даже перевидал его, но далеко и мельком. Так что и стрелять в него не стал, помня наставления деда. После первого круга Бушуй стал скалываться, замолкать, распутывая следы. А заяц все больше путал их... Дед клял нас с Николаем за нерасторопность, помогая собаке, но ружье у приятеля так и не забрал. В моих глазах авторитет стариков — особенно Николая — все уменьшался.

Мы стали подходить к деревне, уже и крыши ее было видать. Я услышал шум крыльев и, как автомат, скосил глаза влево (а руки уже поднимали ружье) и увидел двух глухарей, перелетавших дорогу прямо над нами. Я сделал дуплет. Одна птица закрутилась и тяжело рухнула в лес, ломая сучья деревьев. Тут я услышал еще один, запоздалый, выстрел. Но это уже не имело значения — я бежал к добыче, стараясь опередить собаку.

Услышал, значит, Бог мои чаянья, послал удачу! Я завернул голову птицы под крыло и стал уже укладывать ее в рюкзак, погда подбежал Николай.

— Ты что это ее себе забираешь?! — воинственно начал он.

— Как? — немного опешил я. — Потому что я сбил ее: первым промахнулся, а вторым достал.

— Так я тоже стрелял! Он от моего выстрела упал, а ты его сразу под себя гребешь! Совесть надо иметь, молодой человек!

— Ну, ты даешь! — Я все-таки уложил добычу в рюкзак. Если в Николае я был разочарован, как в стрелке, то в себе — то я был уверен. — Ладно, разберемся. Ты чем стрелял? Какой дробью?

— Тройкой.

— А я нулями. На станции по ранам и определим, кто добыл глухаря. Успокойся.

— А ну, кидай шапку!

— Твою! — нахально предложил я. Чем дальше, тем больше я чувствовал свою правоту. По всем правилам я, в первую очередь, был гостем на этой охоте. Возьми я зайца — в крайнем случае, я должен был сдать его Самойловичу, как хозяину собаки. А Николака-то тут при чем?

Чем дальше, тем больше я был уверен в себе, чувствуя молчаливую поддержку родственника. А ну, пусть попробует обидеть свою дочь в моем лице!



Отдых на охоте: давай снимемся вдвоем!

— Кидай! — загорелся Николай, сняв шапку и подавая ее Самойловичу.

— Не дури, Николай, — предупредил его тесть. — Промажнешься, стыдно будет. А попадешь, только шапку продырявишь, а доказать не докажешь.

— Кидай! — вошел в раж Николака.

«Горяч! — смотрел я на него. — Отсидки, видно, впрок не пошли!» Я про себя усмехался, глядя на этот цирк.

Дед бросил шапку, раскрутив ее за тесемки так, что она взлетела под самые макушки деревьев. Николака пальнул — на всякий случай дуплетом — побежал нервно к ней.

— Ну что, видишь?! — он быстро вернулся и стал совать мне ее под нос, указывая на дырки. — А? Теперь ты давай, я буду кидать, — стал требовать он.

— Как ходить-то будешь? — засмеялся я. — Зима-то только началась.

— Давай стреляй! — стал кипятиться Николай, держа шапку в руках, так что от его лысой головы шел пар, а злые глаза буравили меня насквозь. Он был ниже меня чуть ли не на две головы, но ружье в его руках нас сдерживало. «Вот тебе и случай на охоте!»

— Кончай базар! — наконец рявкнул дед грозно, видя, что я стрелять не собираюсь, а уже присматриваюсь к его другу, чтобы отобрать у него ружье и напирать ему по лысой голове. Шутки шутками, а тут, между другом и зятем, и выбирать не приходится. — Пошли на станцию. Складывай ружья.

Продолжение следует.

Досье «Следопыта»

(Список персоналий шестого номера журнала «Уральский следопыт»)

«Аврора», Муниципальный классик-хор.....	стр.47.	«Луч», Свердловский областной детский легочно-туберкулезный санаторий	стр.5.
Акимов М. А.	стр.9.	«Майский экстрим»	стр.66.
Аллея Добра	стр.32.	Масленская слобода	стр.11.
Арнольди Эдгар	стр.15.	Мексика	стр.4.
Бадуйцы (племя)	стр.4.	ст. Михайловская	стр.24.
оз. Байкал	стр.73.	Мишута Г.	стр.16.
Барневская слобода	стр.11.	Морской Альманах	стр.6.
Башкирь	стр.11.	«Морской сборник»,	стр.9.
«Башкирская война»	стр.11.	р. Мрас-Су	стр.67.
«Березка», детсад	стр.29.	Мрачковский, военком	стр.25.
Берзин, командующий 3-й армии	стр.25.	Нефтеюганск	стр.28.
Библиотека Главы города	стр.4.	Нязегетровск	стр.24.
Бондарюк А.	стр.16.	Оренбургская экспедиция	стр.13.
Вайнян Р. П.	стр.23.	Палудан	стр.9.
Верх-нейвинский завод	стр.22.	Пермская губерния	стр.25.
Верх-Исетский завод	стр.22.	Пестов В. И.	стр.29.
Верх-Исетский пруд	стр.75.	Полевской завод	стр.23.
Верхотурский монастырь	стр.11.	Практический Навигатор Натаниэла Боудича	стр.6.
Высоцкий В.	стр.15.	Пулковская обсерватория	стр.9.
Выставка «Граница Европа-Азия»	стр.4.	Оханск	стр.24.
Высший Военный совет	стр.22.	Распутин В.	стр.26.
Геннин, генерал-лейтенант	стр.12.	«Ревун»	стр.76.
Голфри Томас	стр.5.	ст. Рудянка	стр.24.
Губернаторская премия 2001 года	стр.26.	Савенко Е. В.	стр.26.
Гуляевы, семья	стр.28.	Саломпрский	стр.71.
Демин Ю. Ю.	стр.32.	г. Сан-Андрес	стр.4.
Джек Лондон.	стр.8.	Сенат	стр.12.
Джонсон	стр.9.	Сент-Илер, Марк	стр.8.
Джоунс Д.	стр.4.	Сильвестр, архимандрит Долматовского монастыря	стр.13.
Долматовский монастырь	стр.11.	Смолс, маяк	стр.8.
Дом актера	стр.32.	«Советская Россия»	стр.15.
Дробиз Г.	стр.32.	Сомнер Томас Хаббарт	стр.5.
«Дружба», турклуб	стр.75.	Степан Ильин, сын Кузнецов, по прозвищу Таушкан	стр.11.
Достоевский Ф. М.	стр.44.	Стреколовский А. А.	стр.29.
Евладов В. П.	стр.14.	г. Сысерть	стр.5, стр.70.
Ельцин Б. Н.	стр.29.	Таватуй	стр.23.
г. Златоуст	стр.24.	Тайный Совет	стр.11.
Индонезия	стр.4.	Тальков Камень	стр.70.
Ирбитский уезд	стр.25.	Татищев	стр.13.
Кадетская морская школа г. Сысерти	стр.5.	Таушканова, деревня	стр.11.
Казачья Орда	стр.12.	Титов А.	стр.32.
Калиновская слобода	стр.11.	Тунтул И. Я.	стр.23.
Камышловская слобода	стр.11.	«Уральская гряда», туристический слет	стр.66.
Камышловский уезд	стр.25.	г. Уфимск	стр.12.
Каврайский В. В.	стр.9.	р. Фролиха	стр.72.
Кердан А.	стр.32.	Уфимская губерния	стр.22.
Киргинская слобода	стр.11.	Хакуса, бухта	стр.73.
Кирилов Иван, статский советник	стр.13.	Хоровая школа № 1	стр.47.
Кирьянова А. В.	стр.32.	Чарлстон, порт	стр.7.
Кнорре, академик	стр.9.	«Чапа круговая», конкурс	стр.32.
Комиссия Татищева	стр.14.	р. Чусовая	стр.75.
Коняев Н.	стр.32.	«Чусовая», фотоальбом	стр.26.
Коптенко И. И.	стр.29.	оз. Чебаркуль	стр.11.
Крапивин В.	стр.32.	Красномысская слобода	стр.14.
Красномысская слобода	стр.11.	Крутихинская слобода Тобольской губернии	стр.11.
Крутихинская слобода Тобольской губернии	стр.11.	Кубок Мира по скалолазанию	стр.66.
Кубок Мира по скалолазанию	стр.66.	Кунгур	стр.24.
Кунгур	стр.24.	«Кэбот», корабль	стр.5.
«Кэбот», корабль	стр.5.	«Лира», детский клуб	стр.66.
«Лира», детский клуб	стр.66.		

УРАЛЬСКИЙ следопыт

6,2002



Директор редакции Сеницын Александр

Отдел истории и краеведения
Отдел художественной литературы
Художественный редактор, верстка
Редактор отдела «Встречный ветер»
Корреспондент
Корректор
Отдел по работе с письмами
Отдел по связям с общественностью
Рекламная служба

Юний Горбунов
Петр Родимов
Татьяна Суворова
Александр Челноков
Диана Четверкина
Елена Тришкина
Анна Родимова
Элла Сеницына
ООО «Уральское Рекламное Агентство»
тел. (3432) 22-45-01

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Кир Булычев
Николай Никонов
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет:

Фирсов Максим Юрьевич
Спектор Семён Исаакович
Радько Виктор Васильевич
Савенко Евгений Викторович

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г.
Министерством печати и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.

Любое использование материалов журнала допускается
только с письменного согласия ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Цена по подписке 30 рублей.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. **22-36-62**

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции: (3432) 224-501, 223-662

E-mail: E-mail: uralstalker@sky.ru



Адрес в Интернете:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 6-2002

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ № 497
Отпечатано в типографии «Уральские военные вести», г. Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ПРИПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Как мы говорили в предыдущем очерке, сразу за р. Щугор, огибающей г. Тэл-Поз-Из с севера, начинается Приполярный Урал, который продолжается до верховьев реки Хулги, берущей начало чуть южнее г. Грубеиз.

Это самый знаменитый, самый значительный и самый красивый район в цепи Уральских Гор. Небольшой по протяженности, он самый мощный по высоте и количеству высоких гор, хребтов и массивов. Здесь находится и главная вершина Урала – Народная (1895 м) и одни из самых красивых гор на всем Урале – Манарага и Сабля.

Сразу за Щугором, начинается водораздельный Исследовательский хребет, идущий строго на север, с известными вершинами, такими как Неройка, Татищева, Народная, Карпинского. Еще севернее, горы продолжает Народно-Итгинский хребет, идущий уже на северо-восток. В районе г. Народной было мощное тектоническое поднятие на большой площади, в результате чего образовался огромный горный массив. Ширина его с боковыми отрогами достигает 100 километров.

На западе этот массив гор замыкает хребет Сабля. Между Саблей и Народной среди других интересных вершин особо выделяется своей необычайно красивой формой красавица Манарага.

Приполярный Урал.

Вид со склона горы Народной.

Рельеф хребтов в основном альпийский, со следами карово-долинного оледенения, с глубокими троговыми долинами и моренными грядами – следами древнего оледенения. Кары, цирки, нагорные плато и террасы – характерные формы для этого района.

Приполярный Урал богат месторождениями полезных ископаемых, таких, как золото, каменный уголь, хрусталь и др. Через этот район проходит и Платиновый пояс Урала.

Район часто посещается туристами, но, в основном, в районе Сабли - Народной. Пройти весь Приполярный Урал довольно сложно, т.к. попасть на начало маршрута, в долину р. Щугор непросто. Экспедиция «Большой Урал – 91» прошла этот путь от метеостанции на Щугоре до Народной за 11 дней, до р. Хулги за 20, а весь Приполярный Урал и часть Полярного до железной дороги у пос. Полярный – за 32 дня, неся на себе весь запас продуктов.

Климат суровый, достаточно сказать, что зима длится от 7 до 9 месяцев. Вечная мерзлота достигает глубины 25-100 метров. В отличие от Северного Урала здесь много ледников, ученые насчитали их до 30 шт. – висячих и каровых. Самый известный из них – ледник Гофмана под вершиной Сабли.

Евгений Савенко. Фото автора.

Начало серии «Уральская горная страна» в №3, 2001

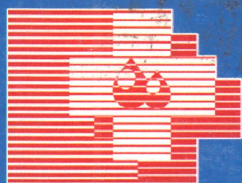




УРАЛЬСКИЙ следопыт



Хочешь двигаться – ищи попутчика!



Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн



УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР



ОАО "СЕВУРАЛБОКСИТРУДА"
"СУАЛ-холдинг"